

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI
TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

823

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УДОВЛЕТВОРЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Труды по правоведению

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIINIK 823 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
УДОВЛЕТВОРЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ
ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН
В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО—ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

Труды по правоведению

ТАРТУ 1988

Редакционная коллегия: У. Лурк, К. Кюк

Редакционная коллегия: Ю. Лашк, К. Кюк

Ответственный редактор: М. Вайнхило

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ
КАК МАТЕРИАЛЬНЫХ, ОБЪЕКТИВНО-РЕАЛЬНЫХ
ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

П. П. Касък

Понимание того, что "общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу" /1, с. 214/, а также, что "общественные отношения делятся на материальные и идеологические" /2, с. 6-7; 3, с. 149/, открыло основоположникам марксизма-ленинизма возможность определить действительный характер истории человечества как естественно-исторического процесса развития общественно-экономических формаций /3, с. 139/ и впервые дать подлинно научное объяснение многим общественным явлениям.

Обосновывая сделанное им открытие действительного характера истории человечества, К. Маркс писал: "В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения - производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил" /2, с. 6/. В.И. Ленин, развивая сделанное К. Марксом открытие, в свою очередь подчеркивал, что материальные, производственные отношения складываются "помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования" /3, с. 149/.

В результате последовательного при-

менения этого понимания в качестве методологического исходного положения при исследовании общественных явлений советские обществоведы достигли несомненного успеха в углублении наших знаний об обществе в целом, а также об отдельных общественных явлениях. Образовался исторический материализм как наука о закономерностях развития общества /4, с. 267/, категории которой отражают общественные явления и отношения широкой общности, всеобщие их свойства и связи /5, с. 3-6/.

Учитывая фундаментальное значение деления общественных отношений на материальные и идеологические, а также понятия производственных отношений при изучении общественных явлений в аспекте их возможного правового регулирования, нас интересует: почему основоположники марксизма-ленинизма называли производственные отношения, складывающиеся независимо от воли и сознания людей, материальными; является ли выбор этого выражения сделанным с единственной целью различать эти общественные отношения от волевых, сознательных общественных отношений или имеется тут основанием некий сущностный признак?

Нам представляется, что выражение "материальные" в категории исторического материализма "материальные общественные отношения" является не случайно, а обдуманно выборным основоположниками марксизма-ленинизма, чтобы этим выражением указать на сущностную связь этой категории исторического материализма с философской категорией "материя". Такая связанная терминология этих категорий отражает их соотношение, которое состоит в том, что общефилософская категория "материя" находит выражение и в

категории исторического материализма "материальные общественные отношения", что в последней продолжается категория "материя", применяемая к изучению явлений общественной жизни.

Итак, решающим в пояснении сущности этого соотношения является категория "материя". По ленинскому определению, философская категория "материя" обозначает объективную реальность, которая дана человеку в его ощущениях и которая существует независимо от этих ощущений /6, с. 131/. Известно, что способ существования материи, его неотъемлемое и существенное свойство есть движение. "Материя без движения - писал Ф. Энгельс, - так же немвслима как и движение без материи" /7, с. 59/. Добавим сюда еще высказывание В.И. Ленина о том, что "в мире нет ничего, кроме движущейся материи..." /6, с. 181/. Это значит, что весь мир, включая и человечество, есть движущаяся материя.

Основоположники марксизма-ленинизма раскрыли и сущность движения. Нас интересует в этой связи положение Ф. Энгельса, что "движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т.е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением" /8, с. 391/. Это положение и приводит нас к общему пониманию того, что деятельность человечества, вся общественная жизнь в самом общем плане есть ни что иное, как выявление движения материи.

Поскольку материальный мир неисчерпаем, постольку и форм проявления движения материи бесконечное множество.

Перечислить эти формы в отдельности невозможно, но классифицировать их по общим признакам в качестве основных форм движения материи вполне возможно и целесообразно.

Огромное значение в этом деле имеет классификация, составленная Ф. Энгельсом в его незаконченной работе "Диалектика природы". Взяв за основу определенные виды материи, он выделил в качестве основных форм движения материи в природе механические, физические, химические и биологические процессы. Хотя Ф. Энгельс ограничивался исследованием форм движения в природе, его принципы и схема классификации являются основополагающими и для исследования общественной жизни с точки зрения движения материи. Такими общеметодологическими являются, например, его принципы соответствия форм движения и определенных видов материи, т.е. наличия у каждой формы движения своего материального носителя /8, с. 392/; взаимосвязи и взаимного превращения отдельных форм движения материи /8, с. 562/; наличия среди основных форм движения материи низших и высших форм, причем высшие формы движения материи охватывают и элементы низших форм /8, с. 563/.

Исходя из учения Ф. Энгельса о классификации форм движения материи в природе, современные советские авторы, исследующие формы движения материи, единодушно признают общественную жизнь одной из основных форм движения материи. Однако в большинстве случаев они продолжают исследование форм движения материи в природе, используя для этого новейшие достижения современных естественных и философских наук. В отношении социальной формы движения обычно

ограничиваются либо констатацией существования такой формы движения, либо самими общими замечаниями, касающимися только отдельных сторон этой формы движения. Даже в такой капитальной работе, как монография А.А. Бутакова "Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки" /9/, по существу обходится проблематика, связанная с социальной формой движения материи. Общие замечания, сделанные по этому поводу в монографии, являются явно недостаточными, особенно, если иметь в виду тему исследования. Можно сказать, что монография А.А. Бутакова отражает в этой части общее положение при исследовании у нас форм движения материи.

Единственными монографиями, посвященными изучению общественной жизни как единого целого в аспекте социальной формы движения материи, являются книга Ю.К. Плетникова "О природе социальной формы движения" /10/ и А.П. Белика "Социальная форма движения" /11/. Эти монографии заслуживают в целом весьма положительной оценки как за постановку проблематики, так и за системную разработку ее. Но само собой разумеется, что два исследования, хотя удачные, не могут устранить пробелы в изучении такой обширной области, как социальная форма движения материи. Поэтому и нет ничего удивительного в том, что мы не получаем из этих монографий ответа на интересующий нас вопрос — в чем по существу состоит материальность общественных отношений?

Представляется, что объяснение материальности общественных отношений следует искать в материальности общественной жизни в целом.

Опираясь на достижения изучения

форм движения материи в природе, мы можем констатировать, что и социальная форма движения материи имеет свой материальный носитель, что эта форма движения материи находится во взаимосвязи с формами движения материи в природе, притом является по сравнению с ними высшей формой движения. Исходя из этого, следует согласиться с утверждением, что носителем социальной формы движения является человек — не человек как биологическое существо, а как общественный человек /10, с. 26; 9, с. 238/. Сущность человека как биологического существа состоит в его органическом теле, которое представляет собой выражение биологической формы движения материи. Сущность общественного человека охватывает кроме органического и его механического тело, т.е. "очеловеченную природу", представляющую собой продукт совокупного человеческого труда /10, с. 27-28; 9, с. 31-52/. Значит, общественный человек — единство его органического и неорганического тела. Это единство в совокупности и составляет материальный субстрат жизни общества — общественное тело /10, с. 27-28; 9, с. 249/.

Однако материальность общественной жизни не ограничивается материальностью общественного тела, ибо последнее не исчерпывает сущности общественной жизни. Понятие общественной жизни шире понятия общественного тела, рассматриваемого в качестве совокупности органического и неорганического тела изолированно и в статике. Общественная жизнь как форма движения материи предполагает общественное тело в связях и в изменениях, т.е. в состоянии, которое свойственно всем явлениям объективного мира, всем носителям движения материи.

Если рассматривать связи общественного тела, то в самом общем плане их можно разделить на две группы: во-первых, связи человека с его жизненными средствами и, во-вторых, связи между самими людьми. Ю.К. Плетников правильно отмечает, что "связь человека с жизненными средствами не отличается от обычных связей любого организма и средств его существования" /10, с. 31/. Поэтому эта связь не является специфической для общественной жизни. Иной характер имеет связь между людьми. Это взаимная связь волевых, сознательных существ, способных познавать и преобразовывать окружающий их объективный мир, воспроизводить условия своего существования. Эта способность, свойственная только человеку, и отличает его от всех других материальных образований. Этим обстоятельством обусловлена и своеобразность связи человека с человеком. Это взаимная связь, отношение, которое выражается в волевых, сознательных действиях людей и отражает их взаимообусловленность, взаимовлияние, взаимодействие. Такая специфическая связь, взаимное отношение общественного человека к общественному человеку и есть общественное отношение.

Органическое и неорганическое тело общественного человека - результат человеческого труда. "Труд, - писал Ф. Энгельс, - создал самого человека" /8, с. 486/. Трудом создана и "очеловеченная природа", представляющая материальные условия жизни человечества. Совместный труд, являясь основанием возникновения органического и неорганического тела общественного человека, есть в то же время и основание складывания общественных отношений. Человеческий труд всегда

имеет коллективный характер; участники этого процесса связаны между собой, находятся в отношениях по поводу средств и продукта труда, распределения и потребления этого продукта. Поэтому общественные отношения и отражают образование общественного человека как в отдельности, так и в совокупности.

Но общественные отношения отражают не только образование общественного тела в результате трудового процесса, а также всю волевою, сознательную деятельность органического тела и изменения неорганического тела, т.е. весь общественный процесс в целом. Это значит, что суть общества состоит, как это неоднократно отмечали основоположники марксизма-ленинизма, не в совокупности индивидов, а в общественных отношениях.

При таком понимании общества нельзя рассматривать общественные отношения в качестве изолированных явлений. Как отмечал Ф. Энгельс, "о т н о ш е н и е означает, что в нем есть две стороны, которые относятся друг к другу" /12, с. 497-498/. В общественных отношениях такими сторонами являются общественные индивиды, образующие органическое тело общественного человека. Последнее в свою очередь предполагает существование неорганического тела общественного человека. Следовательно, общественные отношения являются составным элементом той же движущей, развивающей системы, куда входит органическое и неорганическое тело общественного человека, т.е. общественное тело. Этой системой и является общественная жизнь как особая форма движения материи, т.е. социальная форма движения материи.

Из такой трактовки следует, что материальным субстратом общественной жизни

(материальным в субстанциональном смысле) является органическое и неорганическое тело общественного человека, т.е. общественное тело в целом. Отсюда неизбежно возникает вопрос — какой характер имеют с этой точки зрения общественные отношения как элемент той же системы, т.е. социальной формы движения материи? Являются ли общественные отношения также материальными явлениями в субстанциональном смысле?

Ответ на этот вопрос будет отрицательным.

Хотя общественные отношения представляют собой элемент общественной жизни как одну из форм движения материи и неотделимы от материального субстрата общественной жизни, они сами материальными в субстанциональном смысле не являются. На это обстоятельство обращали повторно внимание основоположники марксизма-ленинизма. Так, например, рассматривая стоимость в качестве определенного общественного отношения, К. Маркс прямо заявляет, что "в стоимость ... не входит ни одного атома вещества природы" /13, с. 56/. Ту же мысль выражает утверждение, что при анализе общественных форм "нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами. То и другое должна заменить сила абстракции" /13, с. 6/. В этом смысле все общественные отношения одинаковы.

Общественные отношения, не содержащие вещества природы, но будучи в то же время неотделимы от общественного тела как материального образования, представляют собой свойство материи /14, с. 12-13/. Это свойство материи проявляется только в социальной форме движения материи — связано с носителем этой формы движения — с общественным человеком.

При дальнейшем изучении общественных отношений как предмета правового регулирования следует учитывать то обстоятельство, что социальная форма движения материи связана с взаимодействием объективного и субъективного, в отличие от всех других форм движения /10, с. 73; 9, с. 247-248/. Это взаимодействие, также как и общественные отношения, является специфичным только для социальной формы движения материи.

Взаимодействие объективного и субъективного обусловлено в социальной форме движения материи тем, что общественный человек одарен сознанием, что он способен познавать и преобразовывать окружающий его мир, воспроизводить условия своего существования. Имея в виду эту способность общественного человека, можно все явления окружающего мира разделить на две части: во-первых, явления, которые существуют вне и независимо от сознания человека и, во-вторых, явления, которые зависят от сознания человека. Первые из них представляют собой объективную реальность, для обозначения которой употребляют философскую категорию "материя" /6, с. 131/. Поэтому и называются явления объективной реальности материальными. Есть полное основание полагать, что именно по той же причине основоположники марксизма-ленинизма называли материальными производственные отношения, складывающиеся вне и независимо от сознания человека, используя при этом термин "материальное" не в субстанциональном значении, а в значении определенного свойства материи.

Для понимания взаимодействия объективного и субъективного в правовом регулировании нужно подчеркнуть, что

понятия "объективная реальность" и "объективное" не равнозначны. Понятие "объективная реальность" предполагает одновременно два признака: то, что охватываемые им явления существуют вне сознания человека, и то, что эти явления существуют независимо от сознания человека. Для понятия же "объективное" достаточен только один признак — либо существование вне сознания человека, либо существование независимо от сознания человека. Следовательно, понятие "объективное" по своему объему шире понятия "объективная реальность" и категория "материя" /10, с. 168/. Соотношение объективной реальности и объективного характеризуется еще и тем обстоятельством, что хотя для понятия "объективное" достаточно одного признака, оно все же не исключает существование одновременно двух указанных признаков. Это значит, что понятие "объективное" охватывает и явления, обозначаемые понятием "объективная реальность" и категорией "материя". Другими словами, понятие "объективная реальность" всегда обозначает и объективное, понятие же "объективное" зато не всегда обозначает объективную реальность.

Говоря о взаимодействии объективного и субъективного, мы имеем в виду не только объективную реальность, а объективное в широком смысле. Именно то понятие противопоставляется понятию субъективного, под которым понимается то, что зависит от сознания человека /9, с. 247/.

Поскольку материя и бытие первичные, а мышление и сознание вторичные, производные из первых, постольку и субъективное обусловлено объективным. Объективное в общественной жизни является

определяющим. Материальные общественные отношения как объективное явление определяют взгляды, убеждения людей, их поведение и деятельность. Объясняется это тем, что объективное, переломляясь в голове людей, превращается в субъективное /15, с. 27/. Субъективное в свою очередь, воздействуя на объективное, может само превращаться в объективное (но не в объективную реальность) /16, с. 102/. Таким образом, субъективное имеет при положительных условиях (при соответствии объективному) достаточно решающее значение в общественной жизни. Соотношение и взаимодействие объективного и субъективного показывают, что эти понятия выражают единство двух сторон общественной жизни, что противопоставление этих понятий имеет относительный характер. Это своеобразие подчеркнуто еще В.И. Лениным в его известном высказывании: "Различие субъективного и объективного есть, Н О И О Н О И М Е Е Т С В О И Г Р А Н И Ц Ы" /17, с. 90/.

Итак, общественная жизнь — это диалектическое единство объективного и субъективного. Оно выражается во всех общественных явлениях, между прочим и в праве, и в правовом регулировании. Поэтому объяснение этого диалектического единства имеет важное методологическое значение в понимании всех правовых явлений /18, с. 24/.

Существенное значение соотношения объективного и субъективного в понимании правовых явлений вызывает в юридической литературе уже длительное время оживленный интерес к этому вопросу. Но несмотря на общую исходную позицию в виде марксистско-ленинского учения о диалектике объективного и субъективного, здесь имеются серьезные расхождения в опреде-

лении роли объективного и субъективного в праве. Так, например, есть авторы, оценивающие право в смысле правовых норм, законов объективной реальности /19, с. 8; 20, с. 22; 21, с. 13; 22, с. 56/. Такое мнение выражается и обосновывается С.С. Алексеевым и во вступительной статье научной дискуссии, состоявшейся в первой половине 70-х годов на страницах журнала "Правоведение" по теме: "Объективное и субъективное в праве". В своем обосновании С.С. Алексеев указывает на то, что "в философской литературе не содержится положений, которые сводили бы "объективную реальность" только к материальным отношениям и совершенно исключали использование указанной категории для характеристики других общественных явлений..." /23, с. 115/.

В философской литературе действительно не содержится положений, которые сводили бы "объективную реальность" только к материальным отношениям, но это еще не означает, что право как совокупность правовых норм можно подвести под категорию "объективная реальность". Эта философская категория представляет собой понятие, охватывающее вполне определенный круг явлений, а именно тех, которые существуют вне и независимо от сознания человека. А право в значении совокупности правовых норм как раз и есть такое общественное явление, о котором мы не можем говорить как о независимом от сознания человека.

Точку зрения С.С. Алексеева и его сторонников обоснованно критиковали в ходе дискуссии Г.Н. Полянская и Р.Д. Баспир. Борясь на известное ленинское определение материи как философской категории "для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в

ощущениях его..." /6, с. 131/, они подчеркивают, что "понятие "объективной реальности" связано с вопросом о соотношении материи и сознания и только с ним" /16, с. 96/. На основании этого они считают, что "понятие "объективная реальность" не может быть применено для разграничения отдельных явлений внутри субъективной сферы" /16, с. 96/.

Думается, что с точкой зрения Т.Н. Полянской и Р.Д. Сапира трудно не согласиться. Однако в ходе указанной дискуссии ряд авторов /22, с.56; 24, с.112; 25, с. 87/, в том числе П.Е. Недбайло /26, с. 18-23/, который подвел итоги дискуссии, поддерживали название права объективной реальностью. Хотя П.Е. Недбайло утверждает, что все сторонники тезиса объективной реальности права "стремились так или иначе оттенить, что право объективно реально не в том смысле, в каком объективно реально общественное бытие" /25, с. 19/, - это не так. В.Ф. Яковлев, например, в своем обосновании как раз попадает на путь отождествления объективной реальности права с объективной реальностью в смысле материи (материального). Так, он пишет, что право существует "во-первых, реально, в нем индивидуального сознания, и, во-вторых, не э с а в и с и м о от него, т.е. объективно. В этом аспекте оно, бесспорно, может быть охарактеризовано как объективная реальность..." /22, с. 56/. Продолжая обсуждение данного вопроса, он утверждает, что право существует и вне общественного сознания и независимо от него /22, с. 56-57/. Следовательно, по его мнению, право является объективной реальностью не только в аспекте индивидуального сознания, но также в аспекте общественного сознания. А это и

значит по существу отождествление объективной реальности права с объективной реальностью общественного бытия, материального. Иначе нельзя понимать и утверждение А.А. Тилле: "Как всякая объективная реальность, закон действует во времени и в пространстве" /20, - с. 22/.

Поскольку во многих случаях говорится об объективной реальности права без объяснения содержания этого понятия в конкретном контексте, постольку во всех таких случаях имеется возможность отождествления объективной реальности права с объективной реальностью общественного бытия, материального. Думается, что неопределенность в употреблении такой категории общественных наук, как "объективная реальность", недопустима, ибо это ведет ко многим недоразумениям в понимании самых основных принципов общественной жизни. Поэтому считается единственно правильным употребление понятия "объективная реальность" только в значении того, что существует вне и независимо от сознания человека, т.е. в значении материальной и материального.

Правильное употребление понятий "объективная реальность" и "объективное" в связи с правовыми явлениями, конечно, не исчерпывает проблему объективного и субъективного в праве - это лишь предпосылка понимания этой проблемы. Обычно, говоря об объективном и субъективном в праве, имеются в виду правовые нормы, их совокупность. Если рассматривать право в этом значении с точки зрения основного вопроса философии, то мы имеем дело с субъективным явлением, ибо правовые нормы порождены сознанием, точнее - правосознанием, людей и представляют собой отражение существующих в обществе

производственных отношений, т.е. материальных общественных отношений. Производность права от сознания человека, общества очевидна. Поэтому субъективный характер права в этом плане не вызывает возражений.

Но право как совокупность правовых норм не совпадает с сознанием, а оторвано от него, находится вне сознания отдельного человека и общества. Поэтому и возникает вопрос о характере права в аспекте индивидуального и общественного сознания. Нахождение права вне индивидуального и общественного сознания дает ему признак объективного. Иногда праву также приписывается независимость от сознания, чтобы присвоить ему характер объективно реального /22, с. 56-57/. Однако это не соответствует действительному характеру права.

Право генетически зависит от индивидуального и общественного сознания. Это вполне понятно, если учесть, что право — результат деятельности людей и что люди в своей творческой деятельности как во всякой деятельности руководствуются от сознания. В этой сознательной деятельности и выражается зависимость права от индивидуального и общественного сознания. Конечно, право не зависит от воли каждого отдельного индивида, т.е. от каждого индивидуального сознания, но это не имеет решающего значения при определении характера права. Важно, что право в принципе зависит от сознания отдельных индивидов, хотя и круг последних не велик. Для признания права зависящим от индивидуального сознания достаточно, даже если бы право зависело лишь от сознания тех индивидов, которые формируют деятельность законодателя. А через индивидуальное сознание на право

оказывает влияние и общественное сознание. Следовательно, исключается независимость права от сознания человека и общества и тем самым его объективно реальный характер. Это значит, что право в отношении индивидуального и общественно-го сознания есть объективное явление.

Таким образом, и субъективность, и объективность характеризуют право. Право, будучи в качестве продукта сознания людей элементом субъективной сферы общественной жизни, представляет собой отражение производственных отношений данного общества, т.е. объективно реального. Находясь вне сознания людей, право имеет в то же время объективный характер и тем самым станет предметом отражения сознания и источником происхождения субъективного, которое в свою очередь оказывает воздействие на объективно реальные производственные отношения и на другие явления общественной жизни.

Такая диалектика объективного и субъективного в праве во многом объясняет место и роль самого права в системе общественных явлений, а также сущность правового регулирования общественных отношений, в том числе производственных отношений как материальных, объективно реальных отношений.

Основываясь на изложенный материальный, объективно-реальный характер производственных отношений и субъективно-объективный характер правовых норм, а также на общий принцип взаимодействия объективного и субъективного, нас далее в рамках данной статьи интересует вопрос о возможности правового регулирования производственных отношений. Вопрос этот не новый. Обусловлен он, во-первых, широко распространенным представлением о том, что предметом правового

регулирования являются лишь волевые общественные отношения, а, во-вторых, общеизвестным характером производственных отношений, как не зависящих от воли и сознания людей. Поэтому представляется, что производственные отношения не подчиняются правовому регулированию. Однако известно и то, что имущественные отношения, охватываемые понятием производственных отношений, являются основным предметом регулирования советского гражданского права и ряда других отраслей советского права.

Как ориентироваться в этих противоречащих пониманиях и обстоятельствах? Думается, что вопрос в данном случае состоит по существу в понимании сущности волевых, сознательных общественных отношений. Обычно под этими подразумеваются такие общественные отношения, которые складываются в результате волевой, сознательной деятельности отдельных людей или их коллективов. Такое понимание, с одной стороны, — и формальное соблюдение высказываний основоположников марксизма-ленинизма о характере производственных отношений, с другой — приводит некоторых авторов к явно неубедительному выводу, согласно которому производственные отношения в конечном счете считаются надстроечными, идеологическими /27, с. 14; 28, с. 345-346/. Во избежание такого вывода другие авторы различают конкретные волевые отношения, складывающиеся в результате волевых действий участников производства, распределения, обмена, и независимые от воли людей материальные производственные отношения. Производственные отношения как материальные общественные отношения, согласно сторонникам этой точки зрения, складываются из отдельных волевых отношений между

конкретными лицами, притом последние сами не являются производственными отношениями, а представляют собой "волевое выражение" или "форму проявления" производственных отношений. Конкретные волевые отношения они не причисляют ни в разряд идеологических, ни материальных общественных отношений /29, с. 184-185; 30, с. 9-15; 31, с. 7-8; 32, с. 7-9/.

Нам представляется, что указанные трудности в пояснении сущности производственных отношений вытекают из неправильного понимания конкретных общественных отношений, складывающихся в результате волевых, сознательных действий людей. Признание таких отношений волевыми общественными отношениями необоснованно, ибо люди в своих поступках и действиях всегда выступают как сознательные существа, озаренные сознанием и преследующие определенные цели /33, с. 308; 6, с. 343/. В этом смысле все общественные отношения, складывающиеся в результате действий и поступков людей, одинаковые. Неволевых общественных отношений, якобы складывающихся в результате неволевых, несознательных действий, не существует. Поэтому и нет надобности называть эти общественные отношения волевыми. Более того, такому обозначению прямо противоречит обстоятельство, что одинаковое название качественно разных общественных отношений - тех, которые складываются в результате действий, поступков людей, и тех, которые складываются в процессе отражения этих отношений в сознании людей, т.е. в результате мыслительных операций, - создает реальную опасность для смешения материальных и идеологических общественных отношений. Поскольку последние отношения действительно отличаются тем, что они (и только

они) порождены волей, сознанием, постольку и оправдано их (и только их) название волевыми, сознательными отношениями.

Общественные отношения, складывающиеся в результате конкретных действий, поступков людей, не характеризуются волевым, сознательным характером вопреку тому, что эти действия, поступки волевые, сознательные, а наоборот тем, что эти отношения не зависят от воли и сознания людей. Эти отношения независимы от воли и сознания человека в том смысле, что они складываются, не проходя через сознание людей, а помимо воли и сознания их, и существуют как объективная реальность вне головы человека. В этом и состоит материальность производственных отношений /34, с. 9/.

Такое понимание общественных отношений, складывающихся в результате конкретных действий, поступков людей, соответствует марксистско-ленинскому учению о делении общественных отношений на материальные и идеологические, а также понятию производственных отношений. Имеется полное основание полагать, что если основоположники марксизма-ленинизма писали о производственных отношениях как о материальных, не зависящих от воли людей, как об отношениях, складывающихся помимо воли и сознания человека, то они имели в виду именно такие общественные отношения, которые складываются в результате деятельности людей как в отдельном (конкретном) случае, так и в совокупности (в общем виде).

Материальность общественных отношений, складывающихся в результате деятельности людей, не означает, что эти отношения возникают, существуют, изменяются и прекращаются вообще независимо

от людей, от их намерений и желаний. Хотя эти отношения в процессе возникновения, существования, изменения и прекращения непосредственно не подчиняются воле, сознанию людей, все-таки люди имеют возможность оказать влияние на них во всех названных стадиях. Это возможно путем направления волевой, сознательной деятельности людей таким образом, чтобы было возникновение, существование, изменение или прекращение интересующих общественных отношений. Создающиеся таким образом общественные отношения являются по характеру материальными, они складываются не проходя и вне головы человека, и существуют в том смысле независимо от воли и сознания его.

Если рассматривать производственные отношения под таким углом зрения, то станет понятным, как возможно правовое регулирование производственных отношений вопреки их независимости от воли и сознания людей характера. Правовые нормы (как объективные явления) оказывают влияние на волю, сознание людей (как субъективные явления) и определяют поведение людей, которое служит основанием производственных отношений (как объективно-реальных явлений). Таким образом не только регулируются конкретные отношения между людьми, но и направляются производственные отношения в целом.

Аналогично правовому регулированию одни производственные отношения заменяются людьми в ходе социальной революции другими. Так, ликвидация буржуазных производственных отношений в ходе социалистической революции в нашей стране произошла не в результате волевых, сознательных мыслительных операций, а через посредство волевой, сознательной

революционной деятельности. В результате революционной деятельности и складывались новые, социалистические производственные отношения. Благодаря такому характеру производственных отношений окажется возможным и их сознательное развитие людьми в условиях развитого социализма. Тем самым и объясняется роль КПСС и советского государства в развитии социалистических производственных отношений и всей общественной жизни в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс К., Энгельс'Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 46, - ч. 1. - 553 с.
2. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс'Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 13. - С. 1-167.
3. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч. - Т. 1. - С. 125-346.
4. Багулин Е.С. Исторический материализм: Современные тенденции развития. - М.: Мысль, 1984. - 287 с.
5. Тугаринов Е.И. Соотношение категорий исторического материализма. - М.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. - 118 с.
6. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. - Т. 18. - 595 с.
7. Энгельс'Ф. Анти-Дührинг // Маркс К., Энгельс'Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 20. - С. 1-351.

8. Энгельс Ф. Дialeктика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 20. - С. 339-626.
9. Бутаков А.А. Основные формы движения материи и их взаимосвязь в свете современной науки. - М.: Высшая школа, 1974. - 264 с.
10. Плетников Ю.К. О природе социальной формы движения. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. - 247 с.
11. Белик А.П. Социальная форма движения. - М.: Наука, 1982. - 271 с.
12. Энгельс Ф. Карл Маркс. "К критике политической экономии" // Маркс, К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 13. - С. 489-499.
13. Маркс К. Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 23. - 907 с.
14. Макаров М. Понятие материи и единство мира // Материя и сознание. - Таллин: Ээсти раамат, 1970 (на эст. яз.). - 202 с.
15. Плетников Ю.К. Некоторые исходные категории исследования механизма действия общественных законов // Философские науки. - 1973. - № 2. - С. 23-32.
16. Полянская Т.Н., Сапир Р.Д. Еще раз о соотношении объективного и субъективного в праве // Правоведение. - 1972. - № 4. - С. 94-105.
17. Ленин В.И. Философские тетради // Полн. собр. соч. - Т. 29. - 782 с.
18. Шейндлин Б.В. Объективное и субъективное в праве // Правоведение. - 1961. - № 4. - С. 123-126.
19. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права. - М.: Госюриздат, 1961. - 187 с.
20. Тилле А.А. Время, пространство, закон: Действие советского закона

- во времени и пространстве. — М.:
Юрид. лит., 1965. — 203 с.
21. Керимов Д.А. Категория действительности и возможности в праве // Сов. гос-во и право. — 1968. — № 8. — С. 13-21.
 22. Яковлев В.Ф. Объективное и субъективное в методе правового регулирования // Правоведение. — 1970. — № 6. — С. 55-60.
 23. Алексеев С.С. Объективное в праве // Правоведение. — 1971. — № 1. — С. 112-121.
 24. Вабинович П.М. Право как явление общественного сознания (к дискуссии об объективном и субъективном в праве) // Правоведение. — 1972. — № 2. — С. 106-116.
 25. Витрук Н.В. Об онтологическом статусе объективного и субъективного права (к дискуссии об объективном в праве) // Правоведение. — 1973. — № 1. — С. 86-93.
 26. Недбайло П.Е. Объективное и субъективное в праве (к итогам дискуссии) // Правоведение. — 1974. — № 1. — С. 14-25.
 27. Карлушин М.П. Социалистическое трудовое правоотношение. — М.: Госюриздат, 1958. — 173 с.
 28. Основы теории государства и права / Под общ. ред. Н.Т. Александрова. — М.: Госюриздат, 1960. — 439 с.
 29. Александров Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. — М.: Госюриздат, 1961. — 271 с.
 30. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. — М.: Госюриздат, 1963. — 197 с.
 31. Советское гражданское право. / Под ред. О. А. Красавчикова. — М.:

Высшая школа, 1985. - Т. 1. - 544 с.

32. Советское гражданское право. - М.: Юрид. лит., 1986. - Ч. 1. - 560 с.
33. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 21. - С. 269-317.
34. Дюрягин И.Я. Объективные общественные отношения, социально-экономические законы и правовое регулирование в социалистическом обществе. // Научн. тр. / Свердлов. юрид. ин-т. - Свердловск, 1975. - Вып. 42: Социально-психологические аспекты правового регулирования. - С. 5-40.

ПРОБЛЕМА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Н.А. Баринов

Ускорение социально-экономического развития нашей страны, всемерная интенсификация производства на основе научно-технического прогресса создадут все условия для удовлетворения постоянно возрастающих разнообразных потребностей советских людей.

"Материально-техническая база коммунизма, - говорится в Программе КПСС, - предполагает создание таких производительных сил, которые открывают возможности полного удовлетворения разумных потребностей общества и личности ... Уже в ближайшее пятнадцатилетие намечается удвоить объем ресурсов, направляемых на удовлетворение потребностей народа" /1, с. 138, 151/.

Проблема имущественных потребностей в гражданском праве является одной из сложных и актуальных проблем, имеющей определенное теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение состоит в том, что необходима разработка единой концепции имущественных потребностей. Практическое - в том, что гражданское право, наряду с другими средствами, обеспечивает формирование и удовлетворение разумных имущественных потребностей граждан.

Исходными моментами в разработке данной проблемы являются положения, содержащиеся в трудах основоположников марксизма-ленинизма, решениях съездов КПСС, постановлениях пленумов ЦК КПСС, которые дают возможность понять суть

потребностей, их природу, условия возникновения, роль в жизни общества и отдельных граждан.

Потребности рассматриваются как необходимость, как основа действий людей, побудительный мотив их поведения, действий. "Никто не может сделать что-нибудь, - писал К. Маркс, - не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей..." /2, с. 245/. Ближайшее рассмотрение истории убеждает нас в том, писал Гегель, что действия людей вытекают из их потребностей, удовлетворение которых является целью гражданского общества /3, с. 349/. Так, если у гражданина возникла потребность в пище, он совершает действия по приобретению предметов питания, например, покупает продукты в магазине, на рынке. При этом он вступает в отношения с другими гражданами (организациями). Данные отношения носят имущественный характер и совершаются в определенной форме - в форме договора купли-продажи. Таким образом, гражданско-правовой договор как правовое средство обеспечивает удовлетворение имущественных потребностей граждан.

Для понимания потребностей вообще и имущественных, в частности, большое значение имеет раскрытие процесса их возникновения. Анализ возникновения и развития потребностей показывает, что с развитием человека и общества развивались и возрастали их потребности. Во взаимодействии с природой люди стали применять орудия труда и производить необходимые средства к жизни. Люди присваивали себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих потребностей. Сначала эти потребности были примитивными и сводились к потребностям в предметах, необходимых для

биологического существования человека, которые он находил в природе в естественном виде /4, с. 9/. В своем дальнейшем развитии потребности проделали путь от натурально-природных к природно-трудовым, производственным /5, с. 69; 6, с. 108/. Появились специфические потребности в деятельности, общении, передвижении, обмене, духовные потребности и т.д.

Возникновение и формирование потребностей обуславливают существующие независимо от сознания людей условия материальной жизни. Изменения, происходящие в условиях материальной жизни, изменяют существующие потребности и создают новые. Решающим фактором условий материальной жизни является способ производства материальных благ, обладающий внутренними стимулами к возникновению, совершенствованию, развитию, изменению и удовлетворению потребностей. К. Маркс в своей работе "Нищета философии" прямо ставил вопрос: "На чем основывается вся система потребностей - на мнении или на всей организации производства?" И тут же дал ответ: "Чаще всего потребности рождаются прямо из производства или из положения вещей, основанного на производстве" /7, с. 80/.

Производство означает процесс взаимодействия человека (общества) с природой. К. Маркс указывал, что "всякое производство есть присвоение индивидом предметов природы в рамках определенной формы общества и посредством нее" /8, с. 23/. Производство является решающим фактором возникновения, изменения и прекращения потребностей. Но на последние оказывают влияние и другие условия материальной жизни: географическая среда, климатические условия. Например, для защиты от холода возникает потребность в

одежде, жилище, в обеспечении удовлетворения которых большая роль принадлежит гражданскому праву в целом и такому его институту, как праву личной собственности. На праве личной собственности граждане могут иметь жилой дом, одежду и другие предметы, обеспечивающие их потребности.

Выражая условия материальной жизни общества, потребности характеризуют производство и поэтому выступают как определенная необходимость воспроизводства материальных благ. Иначе говоря, они рассматриваются и как цель, и как результат производства — в этом их особенность. Однако это имеет место только тогда, когда производимые материальные ценности воплощаются (выражаются) в потребностях, постоянно потребляются при их удовлетворении. "... С первого дня своего появления на земном шаре человек должен потреблять ежедневно, потреблять, прежде чем он начнет производить и в то время, как он производит" /9, с. 179/.

Каким же образом возникают, рождаются потребности? Марксово положение о том, что чаще всего они рождаются прямо из производства или положения вещей, основанного на производстве, видимо, нельзя толковать слишком прямолинейно. По своей природе потребности обладают объективным характером. Отсюда в литературе В.В. Радаевым делается вывод: объективный характер потребностей означает, что причины их возникновения, формирования и развития следует искать не в самом человеке, не "внутри" него, а в материальной жизни общества, конкретные условия которой они выражают /10, с. 18-19/. Однако человеческий фактор имеет огромное значение в возникновении и формировании потребностей, ибо они по

природе заложены и в самом человеке. Поэтому такая точка зрения была подвергнута критике /11, с. 47/.

Представляется, что и в изложенном положении, и в его критике имеется излишняя категоричность. Здесь необходим конкретный подход с учетом как самого предмета исследования, так и всего круга вопросов. В.В. Радаев рассматривает экономические потребности как одну из форм материальных потребностей и, естественно, объясняет их возникновение прежде всего материальными условиями жизни общества, отвлекаясь в определенной мере от конкретного человека. В его положении-выводе нет последовательности. Как известно, люди являются одним из элементов условий материальной жизни, и когда В.В. Радаев заявляет о несостоятельности концепции о рождении потребностей и вне производства, то он неправ.

Конечно, производству принадлежит определяющая роль в возникновении потребностей. Но К. Маркс указывал, что есть потребности "естественные и созданные обществом", и это им рассматривалось как вторая природа человека. Человек как часть природы существо многогранное - биологическое и общественное, выступает одним из элементов производительных сил и т.д. Он является обладателем, носителем потребностей. Они органически присутствуют ему. Это - физиологические, необходимые или естественные потребности, на которые указывал К. Маркс. Более того, он подчеркивал, что человек является непосредственно природным существом, причем живым природным существом, и в качестве такового он наделен природными жизненными силами, потребностями, с которыми связаны общественные потребности и последние "не автономны от первоначаль-

ных, естественных потребностей человека" /11, с. 47/.

Наделение человека природными жизненными силами побуждает его к деятельности. "...В природе человеческого духа заложена потребность быть деятельным самому и побуждать к деятельности свое тело..." /12, с. 528/. Существующие вне его и независимо от него предметы природы представляют собой предметы его потребностей. Следовательно, потребности возникают не только в результате производственной деятельности. Признавал существование природных, или, как он их называл, первоначальных, потребностей и Г.В. Плеханов. Он писал: "Люди делают свою историю, стремясь удовлетворить свои нужды, нужды эти даются первоначально, конечно, природой, но затем значительно изменяются в количественном и качественном отношениях свойствами искусственной среды" /13, с. 246/.

Исследования жизнедеятельности человека, проведенные в области биологических, психологических и других наук, с наглядностью подтверждают правильность марксистско-ленинских положений о наделении человека потребностями при его рождении, то есть об обладании им врожденными, если можно так сказать, потребностями, которые и делают его деятельным. "В момент своего рождения человек уже обладает рядом потребностей, его встреча с явлениями действительности изначально носит активно-заинтересованный характер, его восприятие избирательно, его отношение к миру предвзято" /14, с. 8 и сл./.

"Само собой разумеется, - замечает А.Н. Леонтьев, - что субъект как индивид рождается наделенный потребностями" /15, с. 190/.

Таким образом, потребности порождаются не только производством или положением вещей, основанным на производстве, но и самой человеческой природой. Однако первоначально данные человеку природой потребности абстрактны, не имеют внешней определенности, и поэтому они рассматриваются не как потребности в предметах, а как потребности в условиях, обеспечивающих жизнедеятельность человека, как предпосылка действий человека. Развиваясь, абстрактные потребности трансформируются в определенные функциональные группы, каждая из которых представляет собой обобщенные потребности в материальных и духовных благах. Это — потребности вообще в пище, одежде, жилище, средствах передвижения, общении, эстетическом наслаждении и т.д. И только после обнаружения конкретного предмета, вещи обобщенная потребность детализируется, конкретизируется и приобретает свою определенность, предметность, иначе говоря "опредмечивается" /11, с. 42-43/, то есть речь идет уже не вообще, например, об одежде, а о конкретном предмете — пальто, костюме и т.д.

Потребности могут быть вызваны любым предметом внешнего мира, существующим в природе в естественном виде, либо созданным трудом человека. Отсюда по своему генезису потребности могут носить натурально-природный характер. "...Любой внешний материальный объект, процесс, состояние, любые объективируемые результаты духовного общения людей, словом, все элементы общественного бытия и сознание человека вызывают соответствующие потребности" /6, с. 100/. Потребность реализуется в форме продукта. Специфической формой продукта является товар как единство стоимости и

потребительной стоимости. Данное единство проявляется в виде цены. Товар характеризуется как внешний предмет, вещь, которая благодаря ее свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. "Товар может быть продуктом нового вида труда, который претендует на удовлетворение вновь возникшей потребности или на свой страх и риск желает еще только вызвать какую-либо потребность" /9, с. 116/. Иначе говоря предмет (продукт), товар либо удовлетворяет определенную потребность, либо вызывает какую-либо потребность, может вызвать эту потребность.

Итак, до тех пор, пока не будет обнаружен предмет или вещь, потребность выступает как обобщенная и не носит конкретного характера. Потребность может возникнуть только при наличии вещи, предмета потребности. Она всегда "тянется" к определенному предмету. Часть предметов человек находил и находит в окружающей природной среде, но большинство создает в процессе своей деятельности и прежде всего производственной.

Созданные в процессе производственной деятельности предметы (продукты) возбуждают в потребителе потребность. Обладая обобщенными потребностями, люди стремятся создать новые блага, что порождает у них определенные цели. Следовательно, эти цели имеют под собой объективное основание. Таким образом, стремление выражается в цели, а сама цель есть не что иное, как воплощение обобщенной потребности в более или менее конкретные образы тех предметов, с помощью которых предполагается удовлетворить ту или иную потребность /11, с. 43/.

Когда речь идет о возникновении новых потребностей, то это ассоциируется с необходимостью создания новых продуктов, предметов, о которых, конечно, должно быть какое-то представление. Такое представление складывается в процессе производственной деятельности, всей практики коммунистического строительства, развития науки, техники и культуры. Отсюда ясно, как огромна роль ускорения научно-технического прогресса в нашей стране. Существенные преимущества дают механизация и автоматизация управленческого труда. В конечном счете от этого выигрывает материальное производство /16, с. 6/.

Потребности, возникающие на основе научно-технического прогресса, — это новые потребности, отличающиеся от конкретных потребностей, уже имеющих свой конкретный предмет. Лишь после того, как производство начинает выпускать новые качественно определенные предметы, после этого и потребность приобретает определенность. В таком случае мы можем говорить о рождении потребности производством, о чем писал К. Маркс. Следует иметь в виду, однако, что в ходе производственной деятельности не сразу создаются необходимые продукты, вещи. Сначала создаются образцы, определяется их полезность и ценность. И лишь после того, как потребитель встретится с данным продуктом, вещью, возникает потребность. Продукты (товары), услуги потребляются в стадии потребления. В потреблении они становятся предметами потребления, предметами индивидуального присвоения.

Основоположники научного коммунизма использовали различные критерии классификации потребностей. Поскольку речь идет о проблеме имущественных потребностей граждан, постольку для нас теор-

ретическое и практическое значение имеет проводимое ими деление всех потребностей на две основные группы: материальные и духовные. Материальные потребности, в свою очередь, подразделяются на производственные, или общественные и личные, или индивидуальные. Среди личных особый интерес для нас представляют так называемые необходимые потребности - в пище, одежде, жилище и т.д., которые К. Маркс называл также физическими, насущными, естественными или жизненными. Данные потребности иногда называются первичными, элементарными или потребностями первого уровня, поскольку они связаны с биологическими функциями человеческого организма. Потребностям указанного вида соответствуют и определенные блага, услуги и способы их потребления (удовлетворения), а последние носят социальный характер. Поэтому такие потребности не следует рассматривать как чисто биологические.

Для уяснения сущности потребностей недостаточно, как нам представляется, ограничиться изложенным. При рассмотрении их понятия невозможно, например, абстрагироваться от общественных отношений. Человек как социальное существо является участником отношений во всех фазах расширенного воспроизводства, где производятся, распределяются, обмениваются распределенные и потребляются предметы потребления. Здесь могут возникнуть различные по своему характеру отношения, например, имущественные отношения, опосредствованные гражданским правом или отношения собственности в значении материального общественного отношения /17, с. 20-21/.

Изложенные общие теоретические положения о потребностях дают основание

выдвинуть и обосновать концепцию о существовании имущественных потребностей как разновидности материальных потребностей. Ни отрасли советского права, ни действующее законодательство не знают такой разновидности потребностей и не содержат на этот счет никаких указаний. В практике также не применялся этот термин. Имущественные потребности детально не разрабатывались и наукой гражданского права, хотя указанный термин употреблялся в литературе /18, с. 12/.

Критерием определения потребности как имущественной, то есть потребности, опосредствованной отношениями собственности, имущественными отношениями, является способ ее реализации, точнее форма ее удовлетворения — потребность в потребительных стоимостях — вещах или в их всеобщем эквиваленте — деньгах. Имущественные потребности опосредствуются товарно-денежными формами, например, в форме спроса. Возникают отношения, связанные с вещами, то есть речь идет об овеществленном отношении, где реальная связь между людьми выступает как "естественное свойство вещи".

Имущественные потребности рассматриваются с позиций гражданского права и гражданско-правовой науки. Гражданское право регулирует имущественные отношения, обусловленные наличием товарно-денежной формы в нашем обществе и возникающие по поводу владения, пользования и распоряжения имуществом, вещами: основными средствами и предметами потребления — продовольственными и промышленными товарами, жилищем и т.д.

Потребности в указанных предметах возрастают — это закономерный процесс. Еще В.И. Лениным был сформулирован "закон возвышения потребностей" /19, с. 101/.

Действие этого закона наглядно проявляется в условиях ускорения социально-экономического развития страны.

Предметы потребления людей опосредствованы общественным производством, а также процессами распределения и обмена. Совершение актов приобретения продукции и товаров производственной сферы означает, что налицо отношения имущественного характера, а сами потребности являются имущественными. Потребности, как и отношения, также связаны с вещественным объектом, поэтому они определяются как имущественные потребности.

Социалистическое производство функционирует в форме общественной собственности, то есть вещественные факторы производства всегда выступают в определенной форме. Движение вещей характеризует материально-вещественную сторону производства. Потребности проявляют себя в виде вещественных элементов производительных сил. Производительные силы являются носителями вещественного состава, и развитие их обуславливается именно их функциями вещного носителя. Потребности выступают также в роли вещной формы производственных отношений, являются внешней, внешнетрудовой формой экономической необходимости. Следовательно, речь идет вообще о материальных потребностях и различных формах их проявления. В частности, такой конкретной формой проявления материальных потребностей являются имущественные потребности.

Имущественные потребности имеют тесное соприкосновение с экономическими потребностями. Экономические потребности — конкретная форма материальных потребностей, преобразованных всей экономической системой общества. Экономические отношения определяют также формы

существования экономических потребностей. "Экономические потребности не тождественны материальным. Сохраняя последние как свою общую основу, они приобретают самостоятельность в своем развитии, закономерности которого определяются экономическими отношениями" /10, с. 51/.

То же самое можно сказать и об имущественных потребностях, базой для которых являются материальные потребности. Связь имущественных потребностей с производством проявляется в том, что имущественные потребности имеют вещный характер, реализуются в продуктах, воспроизводимых как в процессе материального производства, так и вне его. Последнее как раз подчеркивает различие между экономическими и имущественными потребностями. Имущественные потребности реализуются в форме совокупности материальных благ, находят свое адекватное выражение в натуральной структуре потребления.

Имущественная потребность - форма, а точнее разновидность материальной потребности. "Материальность" имущественных потребностей опосредствуется вещными, то есть материальными, категориями, такими как продукты, деньги и другие. Материальные потребности в пище, одежде, жилище выступают в качестве имущественных потребностей, опосредствуемых товарно-денежными формами.

Имущественный характер регулируемые гражданским правом отношения носят "...вследствие наличия в этих отношениях вещественного объекта" /20, с. 28; 21, с. 9/. Понятие имущественных потребностей тесно связано с понятием имущественных отношений. Является общепризнанным, что имущественные отношения - это отношения собственности, а последние составляют ядро производственных отно-

шений, что и предопределяет возникновение и развитие имущественных потребностей.

В литературе отмечается, что любые общественные отношения, в том числе и имущественные, характеризуются как определенной степенью организованности, так и прохождением через стадию становления, прежде чем они сформируются окончательно. Более того, имущественные отношения, воздействуя на другие, например, организационные отношения, придают им определенный имущественный характер /22, с. 66, 113 и сл.; 23, с. 110-111/. Следовательно, имущественные отношения придают потребностям имущественный характер.

Возникающие между людьми отношения по поводу вещей, имущества, образуют особую разновидность общественных отношений — имущественные отношения, то есть отношения по поводу владения, пользования и распоряжения вещами, имуществом, посредством которого и удовлетворяются имущественные потребности. В ряде случаев отношения, предметом которых не являются вещи, также следует считать имущественными, поскольку их результатом является получение экономических ценностей, например, отношения по поводу оказания услуг транспортными предприятиями (перевозка пассажиров), предприятиями связи и др. —

Закономерности возникновения имущественных отношений являются общими, характерными и для других разновидностей потребностей. Однако имущественный характер им придают имущественные отношения. Последние определяют их также как разновидность материальных потребностей.

К. Маркс доказал, что отношения людей по поводу производства проявляют себя как вещные отношения. Известно, что

в процессе производства участвуют факторы двоякого рода. Это, во-первых, вещественные факторы - средства производства (орудия и предметы труда), и, во-вторых, личные - рабочая сила. Потребности проявляют себя в виде суммы вещественных элементов производительных сил. Движение вещей характеризует материально-вещественную сторону производства.

Личное потребление, реализуя функцию вещного носителя производительных сил, обуславливает необходимость существования имущественных потребностей. Материальные (имущественные) потребности первичны для физиологического существования человека. Это делает необходимым участие людей в общественном производстве и во всей совокупности общественных, в том числе имущественных, отношений. Таким образом, имущественная потребность есть вещная форма имущественной необходимости. При этом остается неизменной роль производства в осуществлении процесса движения производительных сил в качестве вещного носителя системы социально-экономических отношений.

В заключение необходимо сказать, что несмотря на наличие разных аспектов и различных форм внешнего проявления понятия потребности, необходимо отметить, что существуют какие-то единые черты, свойственные этому понятию в любых проявлениях. Потребность: а) это всегда нужда в чем-то; б) она всегда проявляется как объективная необходимость; в) она всегда выступает как общественное отношение (в частности она может проявляться как имущественное отношение).

С учетом изложенного имущественные

потребности могут быть определены как объективно существующая необходимость (нужда) в потреблении материальных благ в целях создания условий для нормальной жизнедеятельности человека.

Следует особо подчеркнуть, что имущественные потребности характеризуются тем, что они всегда связаны с необходимостью обеспечения человека какими-либо материальными благами (имуществом). А происходит все это в сфере имущественных отношений. Не случайно имущественные отношения определяются как отношения по владению, пользованию и распоряжению вещами и другими материальными ценностями.

В непосредственной связи с производством, возникновением и развитием имущественных потребностей находится проблема их удовлетворения. Постоянное возрастание потребностей, их последующее удовлетворение не ведут к их "угасанию". Потребности затем углубляются, обогащаются, образуя новую ступень их развития, способствуя появлению новых потребностей более высокого уровня. Удовлетворение потребностей означает воспроизводство материальной жизни. Оно осуществляется не только на стадии потребления, но и на стадии производства, распределения и обмена. Таким образом, удовлетворяются потребности производства, отдельных его сфер и граждан.

Действия человека по удовлетворению его потребностей направляются либо непосредственно на сам предмет потребления, либо на средства удовлетворения потребностей. Такие действия выступают как необходимость. Таковым в последнем случае является труд. Результаты труда, как правило, непосредственно не направлены на удовлетворение потребностей.

Труд в таком случае дает лишь средства для удовлетворения потребностей — деньги, на которые человек может приобрести необходимые ему продукты для удовлетворения конкретной потребности.

Существование имущественных потребностей обязывает пересмотреть взгляды и на некоторые другие проблемы. К таковым относится проблема функций советского государства. Имущественные отношения часто возникают в результате деятельности органов государственного управления. Социалистическое государство, осуществляя хозяйственно-организаторскую функцию, обеспечивает при этом использование экономических законов и прежде всего основного экономического закона социализма — наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей советских людей.

Осуществляя общее регулирование экономикой, государство проводит и конкретное регулирование, а в ряде случаев само участвует в осуществлении хозяйственной деятельности, вступая в эквивалентно-возмездные стоимостные отношения, которые, будучи урегулированными нормами гражданского права, приобретают форму гражданских правоотношений /24, с. 5/. Свои правомочия собственника государство осуществляет с целью более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей всего народа /25, с. 109/.

Изложенное дает основание сделать вывод о том, что у государства возникла новая функция — функция наиболее полного удовлетворения постоянно возрастающих разумных потребностей, в том числе имущественных. Постановка вопроса о наиболее полном удовлетворении разнообразных потребностей граждан стала возможной только в настоящее время в связи с

ускорением социально-экономического развития нашей страны на основе научно-технического прогресса, когда возникла возможность удовлетворения таких потребностей, а следовательно, и у государства появилась новая функция /26, с. 87/.

В современных условиях немаловажное значение приобретает проблема совершенствования хозяйственного механизма. Анализ литературы и хозяйственной практики показывает, что хозяйственный механизм — это сложное образование, присущее социалистической экономике и характеризующее механизм хозяйствования, формы, средства и способы организации производства и управления, осуществления планов экономического и социального развития страны. Подчеркивается также значение права в его составе, поэтому вносятся различные предложения по принятию конкретных нормативных актов /27; 28; 29; 30; 31/. Однако, как нам представляется, главное состоит в том, что современному хозяйственному механизму присуще новое качество — в конечном счете он также направлен на обеспечение удовлетворения различных, в том числе имущественных, потребностей граждан. Высшая цель социалистического общественного производства — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей, как об этом говорит ст. 15 Конституции СССР. Хозяйственный механизм направлен на оптимальное функционирование социалистического производства и в конечном счете на удовлетворение потребностей граждан — в этом заключается новая функция хозяйственного механизма.

Анализ деятельности хозяйственного механизма показывает его роль в развитии и совершенствовании общественного производства, формировании имущественных

отношений и в конечном счете в возникновении имущественных потребностей и их удовлетворении. Наличие в имущественных отношениях вещественного состава, имущества подтверждает наш вывод о существовании имущественных потребностей.

Потребности людей удовлетворяются потребительными стоимостями — продуктами, товарами и услугами. Услуги как продукты сферы обслуживания направлены на удовлетворение имущественных потребностей граждан и принимают либо форму вещей, обособленных от производителя, либо форму неовещественных, не оставляющих осязательных результатов, не отделимых от акта производства продуктов.

Основными формами удовлетворения потребностей граждан являются доходы, получаемые ими от участия в общественном производстве, распределении общественных фондов потребления и от ведения личного подсобного хозяйства (садоводства и огородничества), занятия индивидуальной трудовой деятельностью. Право обеспечивает удовлетворение потребностей правовыми средствами.

Общее значение проблемы обеспечения удовлетворения имущественных потребностей граждан выражается в советском гражданском праве в том, что эта основополагающая идея выступает как отраслевой принцип гражданского права. Общество, в котором все поставлено на службу интересам гражданина, где производство имеет в качестве основной цели не присвоение прибавочного продукта горсткой людей, а удовлетворение потребностей трудящихся, соответствующую направленность должно иметь и имеет право. Гражданское право, регулирующее имущественные отношения, провозглашает принцип всемерного обеспечения и охраны иму-

ественных потребностей советских людей: принцип этот проявляется и действует во всех нормах и институтах указанной охраны права, даже в сфере социалистических хозяйственных отношений, ибо целью, например, хозяйственного договора является "удовлетворение общественного спроса в лице конкретных потребителей" /32, с. 76/.

В системе юридических средств обеспечения потребительских нужд трудящихся особое место принадлежит гражданско-правовым средствам. Правовые средства воздействия на общественные отношения рассматриваются с позиций обеспечения удовлетворения имущественных потребностей граждан - потребностей в продовольственных и промышленных товарах, в жилище и услугах. Поэтому в отличие от Б.И. Минц, понимающего под правовыми средствами способы и приемы действий, выработанные юридической практикой и выражающие оптимальные варианты поведения субъектов отношений на стадии существования права /33, с. 69-74/, мы полагаем, что правовые средства можно определить как юридические возможности, заложенные в нормах гражданского права и его отдельных институтах, которые используются в процессе их реализации в целях обеспечения удовлетворения имущественных и неимущественных потребностей граждан и организаций.

Следовательно, правовые средства предусматриваются правовыми нормами. В нормах формируются юридические возможности, которыми могут или обязаны воспользоваться адресаты правовой нормы. Предусмотренные правовыми средствами возможности находятся в динамике. Эти возможности многочисленны и многообразны.

Гражданско-правовые средства адекватны характеру общественных (имущественных) отношений, что способствует наиболее оптимальному обеспечению удовлетворения потребностей граждан и организаций. Поэтому гражданско-правовые средства необходимо подразделить на две основные группы: общие и специальные. Первые из них имеют универсальное значение. Они обеспечивают как имущественные потребности советских граждан, так и хозрасчетные и иные интересы социалистических организаций. К их числу можно отнести правоспособность, осуществление и защиту гражданских прав, истребование имущества из чужого незаконного владения и др.

Специальные правовые средства предназначены для обеспечения интересов и потребностей граждан, хотя некоторые из них могут быть применимы и для обеспечения интересов социалистических организаций. Специальные правовые средства можно подразделить на основные (право личной собственности, договорное право и его отдельные договоры, правовые средства обеспечения жилищных потребностей и потребностей в услугах и др.) и дополнительные-производные (правовые средства, регламентирующие творческие отношения - авторское и изобретательское право, право на открытие; наследственное право; внедоговорные обязательства). Эти правовые средства функцию обеспечения имущественных потребностей выполняют косвенно - либо в результате перераспределения уже полученных материальных благ, либо потому, что первоначально возникли какие-то иные отношения.

В заключение следует сказать, что проблема имущественных потребностей в советском гражданском праве актуальна и

требует тщательного осмысливания и детальной теоретической разработки в целях дальнейшего совершенствования законодательства, обеспечивающего удовлетворение имущественных потребностей граждан, в частности было бы целесообразным принять Закон об обеспечении и охране прав граждан - потребителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., 1986.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 3. - С. 7-544.
3. Гегель: Соч. - М., 1977. - Т. 3.
4. Кикнадзе Д.А. Потребности. Поведение. Воспитание. - М., 1967.
5. Евстигнеева Я.П. Формирование потребностей в развитом социалистическом обществе. - М., 1975.
6. Кронрод Я.А. Закон стоимости и социалистическая экономика. - М., 1970.
7. Маркс К. Ницета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т.4. - С. 65-185.
8. Маркс К. Экономические рукописи: Введение // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 46, ч. 1. - С. 17-48.
9. Маркс К. Капитал. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23. - С. 43-784.
10. Радаев В.В. Потребности как экономическая категория социализма. - М., 1970.
11. Потребности, доходы, потребление: Методология анализа и прогнози-

- вания народного благосостояния. - М., 1979.
12. Энгельс Ф. Успехи движения за социальное преобразование на континенте // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 1. - с. 525-541.
 13. Плеханов Г.В. О материалистическом понимании истории // Избранные философские произведения. - М., 1956. - Т. 2.
 14. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. - М., 1975.
 15. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. - М., 1975.
 16. Правовые вопросы РАСУ (на материале Латвийской ССР) / Под ред. Г.Я. Клявы. - Рига, 1979.
 17. Каськ П.П. Понятие и виды правоотношений общей собственности // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1984. - Вып. 679.
 18. Свердлык Г.А. Гражданско-правовые способы сочетания общественных, коллективных и личных интересов. - Свердловск, 1980.
 19. Ленин В.И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. - Т. 1. - с. 67-122.
 20. Тархов В.А. О понятии имущественных отношений // Правоведение. - 1962. - № 3.
 21. Калмыков Ю.Х. Имущественные права советских граждан. - Саратов, 1979.
 22. Смирнов В.Т., Яковлева В.Ф. Правовые проблемы перевозки и материально-технического снабжения. - Л., 1978.
 23. Покровский Б.В., Сулейменов М.К., Наменгенов К.И. Правоотношения производственных объединений и предприятий в сфере хозяйственного оборота. - Алма-Ата, 1985.

24. Брагинский М.И. Участие советского государства в гражданских правоотношениях. - М., 1981.
25. Виткявичюс П.П. Гражданская правосубъектность советского государства. - Вильнюс, 1978.
26. Маслов В.Ф. Основные проблемы права личной собственности в период строительства коммунизма в СССР. - Харьков, 1968.
27. Алексеев С.С., Яковлев В.Ф. Механизм социалистического хозяйства и гражданское право // Правоведение. - 1983. - № 2.
28. Братусь С.Н. Право и хозяйственный механизм // Правоведение. - 1983. - № 4.
29. Мозолин В.П. Гражданское право и хозяйственный механизм // Сов. гос-во и право. - 1984. - № 5.
30. Советское законодательство и хозяйственный механизм / Под ред. М.Г. Масевич. - М., 1984.
31. Хозяйственный механизм: Правовые формы совершенствования. - Алма-Ата, 1984.
32. Басин Ю.Г. Объективные факторы развития экономики и гражданское право // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. - М., 1984. - Вып. 29.
33. Миц Б.И. Понятие и роль правовых средств в хозяйственных отношениях // Правоведение. - 1983. - № 2.

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИ-
ЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КОНСТИТУЦИОННОГО
ПРАВА НА ЖИЛИЩЕ

Х.В. Сепп

В политическом докладе ЦК КПСС XXУ11 съезду КПСС отмечалось, что социальная значимость и острота жилищной проблемы определяют и серьезность нашего отношения к ней /5, с. 60/. Задачи решения этой проблемы поставлены в Программе КПСС /4, с. 40/. Ст. 44 Конституции СССР, закрепляя право советских граждан на жилище, фиксирует уже достигнутые результаты в сфере удовлетворения жилищных потребностей в нашей стране. Социально-экономическая и классово-политическая сущность конституционного права на жилище не вызывает споров в правоведческой литературе. Совсем по-иному дело обстоит с юридической природой этого права. Некоторые соображения по этой проблеме излагаются в настоящей статье.

Следует отметить, что в настоящее время спорен вопрос о юридической природе не только конституционного права на жилище. Спорен и вопрос о юридической природе других конституционных прав советских граждан. Поэтому дальнейшее исследование конституционных прав в этом аспекте явно расширит и познавательный потенциал юридической науки. Представляется, что исходным здесь может служить марксистское положение о том, что "...юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона" /1, с. 62/. В социалистическом государстве приобретает юридическое признание

экономически и политически созревшие социальные возможности граждан. Они закрепляются в законодательном порядке и предстают уже в виде юридических прав и свобод граждан, обеспечивающих им доступ к социальным благам. Поэтому представляется, что фиксированные с Конституции СССР социально-экономические права граждан - это не сами социальные блага, как иногда утверждается в литературе /23, с. 123-124/, а юридически гарантированная возможность гражданина пользоваться этими благами. Сказанное относится и к конституционному праву на жилище.

Некоторые авторы рассматривают право на жилище как одну из многогранных категорий советской науки гражданского права. Соответственно этому они выделяют три аспекта этого права.

Первый аспект - это рассмотрение права на жилище как самостоятельного правового института советского гражданского права.

Второй аспект - рассмотрение права на жилище как элемента гражданской правосубъектности граждан. В этом качестве это конституционное право, по их мнению, имеет государственно-правовую природу и является одним из элементов государственно-правового отношения.

Третий аспект - это рассмотрение права на жилище как субъективного гражданского права /12, с. 63-66/.

Сходную позицию в этом вопросе занимает Т. Погодина. Она полагает, что как элемент правового статуса граждан конституционное право на жилище входит в состав государственно-правовых отношений, т.е. право на жилище одной своей гранью находится в сфере государственного права. Другие, не менее важные грани, "находятся в сфере адми-

нистративного и гражданского права, т.е. право на жилище является комплексным, сложным" /17, с. 98/.

Такое понимание юридической природы конституционного права на жилище не может не вызвать некоторые возражения. По всей видимости, одна правовая норма, какое бы важное правило она в себе и не заключала, не может составить правового института. Кроме того, норма в ст. 44 Конституции СССР явно не входит в отрасль советского гражданского права. Уже в силу этого эта норма не может составлять какой-то институт советского гражданского права. Она входит, на наш взгляд, в отрасль советского государственного права, и поэтому вытекающее из нее субъективное право не может входить в содержание ни гражданского, ни административного правоотношений. По этим же соображениям конституционное право на жилище не относится и к субъективным гражданским правам. Но тогда это право не может быть рассмотрено и в качестве категории науки советского гражданского права.

Весьма спорным представляется и рассмотрение конституционного права на жилище в качестве элемента гражданской правосубъектности /12, с. 65/, правоспособности /25, с. 39; 7, с. 59/ или правового статуса советских граждан /24, с. 194; 26, с. 31, 34/, или в качестве элементов как правоспособности, так и правового статуса гражданина /17, с. 98, 101/. Нельзя здесь не отметить, что сам вопрос о соотношении понятий "правосубъектность", "правоспособность" и "правовой статус" является дискуссионным. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, отметим лишь то, что правоспособность в науке советского гражданского права чаще

всего рассматривается не как право, а как способность обладать правом. Но способность обладать правом и само это право — не одно и то же. Как указывалось в литературе, правоспособность не предполагает правовых притязаний к другим лицам /20, с.16/. В то же время представляется, что именно возможность требования, обращенного к обязанным лицам, составляет существенный признак любого субъективного права /10, с. 8/. Следовательно, правоспособность и субъективное право являются качественно разными правовыми явлениями, и субъективное право не может быть рассмотрено в качестве элемента правоспособности. В противном случае мы лишили бы конституционное право качества субъективного права граждан. Поэтому в силу такой юридической конструкции конституционное право на жилище сводится лишь к указанному в ст. 9 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик элементу содержания правоспособности граждан — праву пользования жилыми помещениями. В этой связи и в литературе иногда прямо указывается, что правоспособность "включает наряду с другими правами и возможность иметь право на жилище" /17, с. 101/. Но это явно не соответствует роли и значению этого конституционного права в жизни нашего общества. Кроме вышеуказанных соображений теоретического характера нельзя не учесть, что именно закрепление на уровне Конституции права советских граждан на жилище потребовало переосмотра и коренного обновления всего законодательства, регулирующего жилищные отношения.

Что касается отнесения конституционного права на жилище к элементам правового статуса советских граждан, то

следует прежде всего отметить, что сама проблема сущности правового статуса граждан является в советской юридической науке сравнительно новой и пока дискуссионной. В настоящее время происходит уточнение содержания этого понятия /23, с. 123-128; 24, с. 194; 8, с. 8/. Представляется, что все граждане СССР имеют единый и равный правовой статус и его составляют именно конституционные права, свободы и обязанности советских граждан /13, с. 102-103/. Не требует доказательства, что при таком понимании правового статуса гражданина отнесение к нему конституционного права граждан на жилище еще не решает вопроса об юридической природе этого права.

Т. Погодина высказала мнение, согласно которому, хотя конституционное право на жилище по существу и является субъективным правом граждан, "в настоящее же время говорить о том, что закрепленное в Конституции право на жилище является субъективным правом, еще рано" /17, с. 101/. Обосновывается это мнение тем, что на современном уровне социально-экономического развития страны государство не может пока полностью удовлетворить потребность граждан в жилье. Субъективное же право предполагает наличие корреспондирующей ему обязанности. Поэтому только тогда, когда любой гражданин, желающий улучшить в рамках закона свои жилищные условия, "сможет сделать это по первому требованию, можно будет говорить о субъективном праве на жилище" /17, с. 100/.

Такое мнение вызывает немалые сомнения.

Во-первых, нельзя не отметить, что Т. Погодина в указанной работе сама утверждает, что конституционное право на

жилище входит в государственно-правовое отношение /17, с. 98/. В правоотношениях же их субъекты всегда выступают как носители субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей. Вне взаимных прав и обязанностей правоотношение явно вообще немислимо.

Во-вторых, то обстоятельство, что главное внимание в ст. 44 Конституции СССР уделено не юридическим, а социально-экономическим гарантиям осуществления этого права, не должно поколебать общего вывода о его субъективном характере. Представляется, что все права советских граждан обеспечиваются необходимыми материальными, политическими и юридическими гарантиями. Это относится, на наш взгляд, и к праву граждан на жилище. Нельзя не отметить, что наиболее концентрированное выражение юридических гарантий этого права содержится в ст. 7 Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Кажется, что в методологическом аспекте проблема о ~~юридической~~ природе конституционных прав сводится к более обширной проблеме — ~~проблеме~~ взаимоотношений государства и личности в развитом социалистическом обществе. Политико-юридический аспект этой ~~проблемы~~ наиболее отчетливо выступает и проявляется именно в юридической природе ~~конституционных~~ прав и свобод советских граждан.

Следует отметить, что сама по себе правовая связь между социалистическим государством и отдельной личностью, вытекающая из установления, осуществления и охраны конституционных прав, не вызывает споров. Такая правовая связь очевидна и вытекает она уже из самого факта провозглашения и охраны государством конституционных прав граждан.

Несомненно, субъективным правом можно обладать и его можно осуществлять только по отношению к кому-либо. Равным образом юридическую обязанность можно нести только перед кем-либо. Каждому субъективному праву всегда соответствует корреспондирующая ему юридическая обязанность и, наоборот, обязанности сопутствует право. В литературе правильно отмечается, что отсутствие связи права с корреспондирующей ему обязанностью лишает право его существенного элемента — обеспеченности /23, с. 225/. Споры же вызывает вопрос о том, является ли такая правовая связь между государством и гражданином как носителями взаимных прав и обязанностей правоотношением.

Рамки и цели настоящей статьи не позволяют вдаваться в подробности поднятого некоторыми авторами вопроса о существовании принципиальных различий между правовыми связями и правоотношениями. Отметим лишь, что, например, Л.С. Явич относит к субъективным правам, которые есть и могут быть реализованы вне правоотношений, и конституционные права граждан. В то же время он полагает, что и "вне правоотношений имеется, конечно, связь между правами и обязанностями, но эта правовая связь не тождественна правовому отношению" /24, с. 206/.

По всей видимости, с позиций гражданских обязательственных правоотношений юридические взаимосвязи государства и гражданина объяснить нельзя. Правовая связь между отдельной личностью и социалистическим государством действительно отличается от правовой связи в правоотношениях типа "должник-кредитор". Но такое очевидное отличие вряд ли дает

достаточное основание для отрицания существования правоотношений типа "государство-личность". Это был бы явно односторонний и чисто цивилистический подход к проблеме.

В литературе отмечалось, что связь между правом и обязанностью, а точнее между их носителями, и есть правоотношение /15, с. 71, 84/. Представляется, что с философской стороны между понятиями "связь" и "отношение" есть различие. Однако в юридической науке теоретическая конструкция правоотношения выработана как раз для того, чтобы выразить связь, взаимодействие между юридическими правами и обязанностями, поскольку вне такой связи они лишаются качества юридических явлений /6, с.118/. Поэтому предложения различать правоотношения и правовые связи кажутся малопродуктивными. Дело сводится к терминологии, а не к существу /15, с. 84, 89/.

Здесь мы вплотную подошли к проблеме о существовании государственно-правовых отношений, субъектами которых выступают государство и гражданин. В литературе такие правоотношения обозначаются термином "конституционное правоотношение" /15, с. 82-98/. Это сложная и пока дискуссионная проблема общей теории права. Относительно возможности существования конституционных правоотношений в литературе высказываются различные и диаметрально противоположные мнения. В рамках настоящей статьи нет возможности проанализировать высказанные по этой проблеме разные мнения. Представляется, что поскольку общественные отношения, регулируемые нормами права, и есть правоотношения, то общественные отношения между социалистическим государством и гражданином, регулируемые содержащимися

во 11 разделе Конституции СССР нормами, выступают именно как конституционные правоотношения. Их содержанием являются взаимные права и обязанности социалистического государства и гражданина. Высказано мнение, что главным юридическим фактом, влекущим возникновение конституционного правоотношения, служит появление соответствующего субъекта /19, с. 21/. Конституционные правоотношения являются постоянными, длящимися. Их субъекты - это все граждане СССР как носители общих для всех основных прав и обязанностей, тогда как субъектами конкретных правоотношений выступают отдельные граждане или группы граждан, обладающие разнообразными текущими правами и обязанностями, постоянно ими приобретаемыми и отчуждаемыми /15, с. 93/.

В этой связи представляется, что входящие в содержание конституционного правоотношения конституционные права граждан являются их неотчуждаемыми, неотъемлемыми субъективными правами. Они принадлежат не только всем гражданам СССР, но и каждому из них в отдельности. Как и другие субъективные права, они возникают только на основе норм права, т.е. на основе объективного права.

Нетрудно заметить, что концепция конституционных правоотношений основывается на тезисе, что не только гражданин несет ответственность перед социалистическим государством, но и само социалистическое государство в лице своих органов несет ответственность перед гражданином. Государство и гражданин становятся носителями взаимных прав и обязанностей /19, с. 27-28/. Можно сказать, что названный тезис представляет собой социально-политическую осно-

ву юридической концепции конституционных правоотношений.

По-видимому, такой тезис обоснован. Социалистическое государство не только фиксирует основные права граждан в законодательном порядке, но и обеспечивает их реальное осуществление соответствующими экономическими, политическими и юридическими гарантиями. Подчеркивая эту особенность социалистического государства, В.И. Ленин отмечал, что в социалистическом государстве "центр тяжести передвигается от формального признания свобод (как было при буржуазном парламентаризме) к фактическому обеспечению пользования свободами со стороны трудящихся, свергающих эксплуататоров" /3, с. 73-74/. Думается, что в этом качестве социалистическое государство выступает в отношениях с гражданами не только как носитель властных полномочий, но и как обязанный субъект обширного круга обязанностей по отношению к ним /9, с. 104; 16, с. 122-125; 15, с. 82-83/. Следовательно, социалистическое государство не имеет ничего общего с силой, стоящей над обществом и отчуждающей себя от него. Каждому конституционному праву гражданина корреспондирует соответствующая обязанность государства через посредство своих органов по обеспечению осуществления гражданином этого права. Юридическим выражением обязанностей государства являются гарантии, которыми социалистическое государство обеспечивает полное и беспрепятственное осуществление гражданами своих конституционных прав.

В то же время, по словам К. Маркса, "нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав" /2, с. 13/. Вытекающая из этого принципа неразрывная связь

прав и обязанностей в социалистическом обществе в законодательном порядке зафиксирована в Конституции СССР, ст. 59 которой устанавливает: "Осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей". Представляется, что именно в конституционных правоотношениях и находит свое выражение сочетание прав граждан с их обязанностями и ответственностью перед государством и обществом. В рамках конституционных правоотношений конституционными обязанностями граждан корреспондируют соответствующие права социалистического государства через посредство своих органов требовать от каждого гражданина выполнения этих обязанностей перед государством и обществом. К таким обязанностям относится и обязанность граждан бережно относиться к предоставленному им жилищу (ч. 2 ст. 44 Конституции СССР).

По вышеизложенным соображениям представляется, что конструкция конституционных правоотношений и дает ключ для раскрытия юридической природы конституционного права на жилище. Складывающиеся под воздействием нормы в ст. 44 Конституции СССР правовые связи между государством и гражданином являются правоотношениями. По своей юридической природе эти правоотношения относятся к государственно-правовым. Поскольку они складываются на основе конституционной нормы и субъектами их выступают государство и гражданин, то эти государственно-правовые отношения и являются конституционными правоотношениями. Конституционное право на жилище входит в содержание этого правоотношения.

Исходя из этого, мы присоединяемся к высказанной в литературе точке зрения, согласно которой право на труд,

на жилище и т.д. — это не элементы правоспособности граждан, а их конституционные субъективные права — элементы соответствующих конституционных правоотношений /10, с. 10-11/. Обоснованной представляется позиция тех авторов, которые рассматривают конституционное право на жилище в качестве именно элемента, содержания государственно-правовых отношений /22, с. 34; 7, с. 57; 22, с. 7/. В этом качестве это субъективное право должно быть отнесено к субъективным правам граждан /18, с. 12-15; 10, с. 10-11; 11, с. 4/.

Следует отметить, что ст. 44 Конституции СССР не раскрывает содержания вытекающего из этой нормы субъективного права граждан на жилище. В содержании этого субъективного права выделяются в литературе два правомочия:

- юридически гарантированная возможность каждого гражданина СССР на стабильное пользование жилым помещением;
- юридически гарантированная возможность получить в случае необходимости другое жилое помещение, соответствующее потребностям гражданина и его семьи /14, с. 73-74; 17, с. 98-99; 11, с. 5-6/.

Такое понимание содержания конституционного права на жилище представляется обоснованным. При таком понимании содержания этого права нельзя согласиться с авторами, которые в качестве особого субъективного права выделяют право на получение гражданином жилого помещения из общественного фонда /25, с. 40/.

В ходе осуществления принадлежащего им права на жилище граждане вступают в общественные отношения, регулируемые уже другими отраслями права. При наличии соответствующих юридических фактов

возникают конкретные правоотношения, в большинстве случаев основывающиеся на договоре найма жилого помещения правоотношения, т.е. жилищные обязательства. В рамках таких конкретных правоотношений граждане приобретают уже жилищные права и обязанности, выступающие элементами содержания не конституционных правоотношений, а конкретных жилищных правоотношений.

Представляется, что в вышеизложенном понимании конституционное право на жилище четко различается от приобретенного гражданином права на получение конкретного жилого помещения и права на пользование конкретным жилым помещением.

Следует отметить, что вышеизложенная концепция конституционных правоотношений не противоречит, на наш взгляд, задачам расширения судебной защиты субъективных прав граждан. Государство в качестве субъекта конституционного правоотношения выполняет свои обязанности через посредство своих органов. Ч. 1 ст. 57 Конституции СССР устанавливает, что охрана прав и свобод граждан — это обязанность всех государственных органов. Согласно ч. 2 ст. 58 Конституции СССР "действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий, ущемляющие права граждан, могут быть в установленном законом порядке обжалованы в суд." В политическом докладе ЦК КПСС XXУ11 съезду КПСС отмечалось, что необходимо "уже в ближайшее время закончить подготовку предусмотренного Конституцией закона о порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан" /5, с. 78/. По всей видимости, норма в ч. 2 ст. 58 Конституции СССР расширяет судебную защиту и конститу-

ционных прав граждан. Поэтому вряд ли можно согласиться с высказанным в литературе мнением, что право на жилище в качестве элемента содержания конституционного правоотношения не может обеспечиваться судебной защитой против другой стороны правоотношения — государства /17, с. 102/ и суд может охранять не само конституционное право на жилище, а его реализацию /14, с. 75; 17, с. 102/. По вышеизложенным соображениям представляется, что конституционные права граждан не лишены и судебной защиты.

Несомненно, расширение судебной юрисдикции соответствует целям и задачам дальнейшего развития социалистической демократии. Но в то же время кажется весьма спорным мнение, согласно которому судебная защита выдвигается в свойство всякого субъективного права. Такое мнение подвергнуто обоснованной критике /9, с. 111; 16, с. 209/. Вряд ли в судебной форме защиты субъективного права можно видеть единственный и решающий признак его субъективности. Всякое нарушение прав граждан есть в то же время и нарушение интересов социалистического государства. Но защита нарушенных или оспоренных субъективных прав граждан не сводится лишь к судебной их защите.

Суммируя изложенное, можно сформулировать вывод о том, что по своей юридической природе конституционное право на жилище относится к субъективным правам граждан, существующим в рамках конституционных правоотношений. Советский гражданин располагает этим правом как самостоятельным субъективным правом до и без вступления в конкретные жилищные правоотношения. Норма в ст. 44 Конституции СССР действует реально и

непосредственно. Нормы текущего жилищного законодательства выступают лишь как вспомогательные средства реализации конституционного права на жилище. Поэтому плодотворным и конструктивным является, на наш взгляд, не отрицание субъективно-правового характера этого конституционного права, а дальнейшее совершенствование жилищного законодательства и практики его применения в направлении обеспечения его реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Дебаты шестого Рейнского ландтага // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 1.
2. Маркс К. Временный устав товарищества // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 16.
3. Ленин В.И. Черновой набросок проекта программы // Полн. собр. соч. - Т. 36.
4. Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. - М.: Политиздат, 1986.
5. Горбачев М.С. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXУ11 съезду КПСС, 25 февраля 1986 года. - М.: Политиздат, 1986.
6. Алексеев С.С., Матузов Н.И., Фарбер И.Е. // Правоведение. - 1977. - № 4. - Рец. на кн.: Явич Л.С. Общая теория права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. - 286 с.
7. Бару М.М., Пушкин А.А., Сибилев М.Н. Понятие и юридическая природа права на жилище // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск, 1981.

8. Витрук Н.Б. Правовой статус личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1985.
9. Воеводин Л.Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. - Б.М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
10. Егоров Н.Д. О понятии субъективного права // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. - Л., 1983.
11. Золотарь В.А., Дятлов П.Н. Советское жилищное право. - Киев: Вища школа, 1985.
12. Касаткина Т.В. Три аспекта конституционного права на жилище // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск, 1981.
13. Малеин Н.С. Гражданский закон и права личности в СССР. - М.: Юрид. лит., 1981.
14. Марткович И.Б. Жилищное законодательство в свете конституционных норм // Сов. гос-во и право. - 1979. - № 11.
15. Матузов И.И. Общие правоотношения как разновидность социалистических правоотношений // Вопросы теории права: Межвузовский науч. сб. - Б.М.: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. - Вып. 4.
15. Морозова Л.А. Конституционное регулирование в СССР. - М.: Юрид. лит., 1985.
16. Патюлин В.А. Государство и личность в СССР. - М.: Наука, 1974.
17. Погодина Т.И. Право на жилище // Правосубъектность по гражданскому и хозяйственному праву. - Л., 1983.
18. Прокопченко И.П. Проблемы жилищного законодательства в СССР: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. - М., 1978.

19. Тархов В.А. Конституционные отношения // Правоведение. - 1981. - № 2.
20. Чечот Д.М. Субъективное право и формы его защиты. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.
21. Чигир В.Ф. Систематизация и кодификация жилищного законодательства // Правоведение. - 1979. - № 1.
22. Чигир В.Ф., Боровцов В.А. Конституционное право на жилище. - Минск: Беларусь, 1985.
23. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974.
24. Явич Л.С. Общая теория права. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976.
25. Яковлев В.Ф. Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик и режим правового регулирования жилищных отношений // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск, 1981.
26. Права личности в социалистическом обществе / Под ред. В.Н. Кудрявцева, М.С. Строгановича. - М.: Наука, 1981.

ВЕЩНО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЖИЛИЩНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА

Е.А. Суханов

В современных условиях социалистического общественного развития усиливается необходимость изучения и использования многообразного опыта братских стран социализма, в том числе и опыта, накопленного в сфере правовой регламентации общественных отношений. Как указано в Резолюции XXУП съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС, "съезд подчеркивает растущее значение взаимного обогащения мыслями, идеями, опытом социалистического строительства" /1, с. 112/. Речь при этом должна идти о творческом использовании такого опыта, основанном на выявлении и изучении интернациональных, общезначимых аспектов его, их дифференциации от национально-специфического опыта с тем, чтобы впоследствии перенести интернациональный опыт на национальную почву с учетом конкретных национальных особенностей. Естественным путем для этого является анализ общих тенденций развития законодательного регулирования тех или иных групп общественных отношений, свойственных правовой регламентации не одной, а многих стран социалистического содружества. Ведь именно данные тенденции в силу своей природы отражают интернациональные черты правового, в том числе гражданско-правового развития социалистических стран.

Важнейшей задачей гражданско-правового регулирования, отражающей общий для

всех социалистических государств курс на всемерное повышение и развитие благосостояния населения, является максимальное содействие удовлетворению основных материальных потребностей граждан, среди которых одно из первых мест занимает жилищная потребность. В зарубежных европейских странах социализма сложились и успешно функционируют многообразные организационно-правовые формы удовлетворения жилищных потребностей населения, опыт применения которых может быть полезен с точки зрения дальнейшего совершенствования советского гражданского законодательства. Наряду с известными нашему законодательству отношениями найма жилых помещений в домах, находящихся в социалистической собственности, и индивидуальным жилищным строительством (а также наймом в домах личных собственников), здесь получили распространение и такие своеобразные институты, как право личной собственности на квартиры в домах, принадлежащих государству (или отдельным социалистическим организациям), а также право личного пользования жилыми помещениями, остающимися объектами социалистической собственности. Правовая природа и содержание названных институтов отличается значительной спецификой.

В Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии одной из важных форм удовлетворения жилищных потребностей граждан служит право личной собственности на квартиры в домах, составляющих объект государственной социалистической собственности. Приобрести квартиру на праве личной собственности может не любой желающий, а лишь тот, кто уже пользуется ею по договору жилищного найма; во многих странах такая возможность предоставляется также гражданину, кото-

рому эта квартира выделяется жилищным органом в связи с улучшением его жилищных условий, в том числе и в строящемся доме /2, ст. 117; 3; 4, § 12, 13; 6, п. 12; 17/. (Продажа на таких условиях квартир с незавершенной внутренней отделкой, практикуемая, например, в НРБ /5; п. 24/, позволяет, кроме того, будущим собственникам заключить со строительной организацией особый договор для того, чтобы отделать квартиру по своему вкусу /подробнее см. 18, с. 34-35/).

Конкретный порядок перехода квартир в личную собственность граждан различен. В одних странах для этой цели выделяются жилые дома, все квартиры в которых подлежат продаже их нанимателям (ст. 135, 136 ГК ЛНР); в этих случаях право личной собственности на квартиру возникает у ее покупателя обычно с того момента, когда проданы все квартиры в данном доме. В других государствах гражданин может купить занимаемую им квартиру, даже если остальные квартиры данного дома остаются в собственности государства. Такой порядок, предусмотренный, например, в ЧССР /4, § 14/, связан с возникновением довольно сложных отношений общей собственности граждан и государства на совместно используемые части жилого дома, необходимостью распределения совместных расходов и т.п. /подробнее см. 31/. При этом сохраняются установленные жилищным законодательством предельные размеры жилых помещений, занимаемых гражданами. Поэтому в одних случаях лимитируется жилая площадь квартиры, поступающей к гражданину на праве личной собственности, а в других - число составляющих ее комнат (например, в СРР /см. 3, ст. 60/).

Получение квартиры в личную собст-

шенность связано с известным расширением правомочий ее обладателя, в частности, появлением у него возможности отчуждения квартиры третьим лицам и передачи ее по наследству. Однако социалистическое государство вовсе не заинтересовано в развитии "свободной продажи" построенного им жилья и создании "рынка квартир". Цель установления института личной собственности на квартиры состоит в более широком привлечении средств населения для финансирования жилищного строительства и установлении большей заинтересованности его в сохранности жилищного фонда, а также в скорейшем удовлетворении возросших жилищных потребностей и платежеспособного спроса населения /19, с. 10 и сл.; 21/.

Согласно имеющимся данным, в большинстве европейских стран СЭВ в настоящее время свыше половины вводимого жилья сооружается с привлечением средств населения, а в Венгрии его доля составляет 75% /12, с. 126; 15, с. 115/. В отдельных странах СЭВ эти средства по сути являются основным источником финансирования жилищного строительства: так, в Венгрии их доля в общем объеме затрат на такое строительство возросла с 70% в 1966-70 годах до 80% в 1981-82 годах, а в Польше за это же время - соответственно с 75 до 86% /8, с. 102/.

Этими обстоятельствами объясняется то положение, что, с одной стороны, переход государственных квартир в личную собственность граждан стимулируется, в частности, путем установления различных льгот и скидок при оплате покупной цены /например, 7, § 2 и 3/, либо даже введением повышенной квартплаты для лиц, которые в течение определенного срока не воспользуются этой возможностью /10,

с. 75/. С другой стороны, устанавливаются правила, ограничивающие "оборотоспособность" таких квартир: либо в течение определенного срока с момента их покупки (в ЧССР, например, 10 лет) их вообще запрещается отчуждать, либо (даже и после истечения установленного срока запрета) также требуется вернуть государству в случае отчуждения квартиры сумму, эквивалентную размеру льгот, предоставленных при ее первоначальном приобретении в личную собственность.

Наиболее отчетливо цели данного института проявляются в нормах венгерского законодательства, которым предусмотрены разнообразные гибкие формы удовлетворения жилищных потребностей граждан, основанные на принципе равнодоступности приобретения жилья лицами с различным социально-имущественным положением. Здесь, в частности, сама возможность приобретения квартир в личную собственность поставлена в прямую зависимость от материального положения будущего покупателя. Так, в соответствии с действующими в Будапеште правилами, лица, в семьях которых ежемесячный доход на одного члена семьи составляет от 2.300 до 3.300 форинтов, и состоящие на учете в качестве нуждающихся в улучшении жилищных условий, вправе по указанию жилищных органов приобрести квартиру на праве личной собственности в домах, построенных за счет средств государства. Лица, аналогичный доход которых не превышает 4 тыс. форинтов, при тех же условиях могут купить квартиру только в доме, построенном за счет средств, аккумулированных государственными сберегательными кассами (стоимость которых соответственно выше). Лицам с еще более высоким доходом сберкассы вправе по

указанию жилищных органов продавать квартиры в построенных за счет их средств домах по более высоким ценам в зависимости от "материальных и социальных условий" жизни приобретателей. Претендовать на получение государственной квартиры по договору жилищного найма здесь вправе лишь состоящие на учете в жилищных органах лица, ежемесячный доход на члена семьи которых не превышает 2.300 форинтов, а общая стоимость имеющегося у них движимого имущества не превышает 80 тыс. форинтов и отсутствует недвижимое имущество на праве собственности. Однако и они при получении новой квартиры должны выплатить "вклад в жилищное строительство" в сумме от 36 тыс. до 76 тыс. форинтов в зависимости от размера квартиры (допускается рассрочка, а также уменьшение этой суммы для семей с двумя и более детьми /подробнее см. 24/). В Венгрии считается принципиально важным при решении вопроса об условиях получения квартир "полнее учитывать материальные и социальные различия между семьями", поскольку осуществление принципа социальной справедливости с этой точки зрения означает, что лица, обладающие более высокими доходами, должны "в большей мере нести бремя общественных расходов" /11, с. 78/. При этом достаточно отчетливой становится роль права личной собственности как одного из регуляторов распределения по труду в соответствии с принципами материальной заинтересованности и материального стимулирования.

В гражданском праве отдельных социалистических стран наряду с жилищным наймом и правом личной собственности на квартиры развиваются и другие, особые правовые формы удовлетворения жилищных

потребностей граждан. Речь при этом обычно идет о предоставлении гражданам возможности использовать для этих целей определенные виды имущества, находящегося в социалистической (чаще всего - в государственной) собственности, - жилые помещения (квартиры) и земельные участки для индивидуального жилищного строительства. Юридически эти отношения оформляются не в рамках традиционного имущественного или жилищного найма, а с помощью новых институтов вещно-правового характера, специфичных именно для социалистических условий общественного развития. Наибольшее распространение получил институт "личного пользования", закрепленный гражданским законодательством ЧССР и ГДР.

Впервые институт "личного пользования" появился в ГК ЧССР в 1964 г., где он практически полностью заменил прежний институт найма. Посвященные ему нормы обособлены здесь в отдельную, Третью часть закона. Посредством "права личного пользования" гражданин получает "возможность реализовать потребительную стоимость вещи" (квартиры или участка), находящейся не в его, а в социалистической собственности /14, с. 36; 26, с. 209; 28, с. 117/. Участниками правоотношения личного пользования всегда являются, с одной стороны, определенная социалистическая, чаще всего - государственная организация, предоставляющая в пользование недвижимое имущество, а с другой - гражданин. Право личного пользования имеет строго целевое назначение, постоянный (бессрочный) характер, переходит по наследству после смерти пользователя. Ограничено число объектов этого права, которые одновременно могут находиться у одного гражданина (например, он может

иметь в личном пользовании только одну квартиру, один земельный участок). Оно может устанавливаться на основании договора (абз. 1 § 155, абз. 2 § 190, абз. 2 § 196 ГК ЧССР), а пользователь периодически вносит соответствующую плату. От договора найма это право отличается бессрочным характером и возможностью перехода по наследству. В литературе ЧССР данный институт в большинстве случаев рассматривается как весьма близкий к традиционным "вещно-правовым правам пользования чужой вещью" /13, с. 110/, как "некий гибрид найма и собственности", соединяющий черты обоих этих классических институтов /23, с. 114-117; 21, с. 1036/.

Наиболее отчетливо эта смешанная ("гибридная") природа рассматриваемых отношений проявляется именно в сфере пользования жилыми помещениями, где даже основания их возникновения наряду с договором обычно признаются и акты органов жилищного управления о предоставлении квартиры (либо решения общего собрания жилищно-строительного кооператива, когда последний выступает в качестве организации, предоставляющей свое имущество - жилые помещения - в личное пользование). Кроме того, пользователь квартирой получает здесь особое субъективное право участвовать в управлении домом как лично, так и через посредство лиц, избранных для этой цели (абз. 1 § 159 ГК ЧССР), что также отличает эти отношения от обычного найма. Наконец, правовая охрана личного пользования такая же, как и охрана личной собственности, из чего прямо следует, что в случае прекращения этого права против воли его обладателя последнему необходимо предоставить в виде компенсации другую

квартиру (несмотря на то, что он не являлся собственником использовавшегося им имущества). Поэтому в сфере жилищных отношений право личного пользования квартирой в ЧССР рассматривается как "постоянное и наследуемое пользование чужой квартирой за плату", которое может быть прекращено помимо воли его обладателя лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, и только с предоставлением другой квартиры /21, с. 1036/. В совокупности все предоставленные "личному пользователю" возможности ведут к тому, что данное право оценивается в чехословацкой литературе как "фактически весьма близкое к дарению квартиры в собственность гражданина", с тем однако, что последний не имеет таких забот о ее эксплуатации и ремонте, как собственник /21, с. 1037/.

В жилищном праве ЧССР этот институт занимает господствующее место. Он охватывает отношения граждан по пользованию "коммунальными" (распределяемыми местными органами государственной власти) квартирами, квартирами в домах предприятий и ведомств, а также квартирами в домах ЖСК. Кроме того, его нормы (за определенными исключениями) применяются и к отношениям пользования жилыми помещениями в домах, принадлежащих гражданам на праве личной и частной собственности (абз. 2 § 390, абз. 1 § 493 ГК ЧССР). Законодательство ЧССР дифференцирует этот институт по разновидностям, во-первых, в зависимости от жилищного фонда (местных органов государственной власти, предприятий, ведомств, кооперативов); во-вторых, в зависимости от субъектов права личного пользования (что имеет значение практически только для "коммунальных" квартир, где возможно либо

общее пользование квартирой несколькими проживающими в ней гражданами в соответствии с § 172-174 ГК ЧССР, либо совместное пользование квартирой супругами в соответствии с § 175-178 ГК ЧССР, являющееся особым случаем общего пользования). При этом общие пользователи определяются соглашением с соответствующей социалистической организацией о возникновении права личного пользования, поэтому они отнюдь не всегда тождественны членам семьи пользователя. Последние в большинстве случаев имеют лишь производное право пользования квартирой.

В связи с развитием индивидуального жилищного строительства важное значение приобретает также усиление правовых гарантий пользователя земельного участка, застроенного или предназначенного под застройку. И в этих отношениях законодательство ряда социалистических стран предпочитает использовать институты вещно-правового характера. Таково, например, право личного пользования земельными участками государства в ЧССР.

Как и другие виды права личного пользования, пользование земельным участком имеет строго целевой характер и не может быть отчуждено по договору, кроме случаев отчуждения находящегося на участке строения (§ 202 ГК ЧССР). Оно не ограничено временем и переходит по наследству. Здесь отсутствует арендная плата: гражданин заранее уплачивает установленную сумму только в момент возникновения (приобретения) данного права, подобно купле-продаже, а в некоторых случаях получает участок безвозмездно (абз. 2 § 198 ГК ЧССР). Гражданин, получивший в личное пользование земельный участок, размер которого строго регламентирован законом, вправе

построить на нем жилой дом, дачу, гараж, разбить сад, используя их для собственных нужд и ведения домашнего хозяйства (абз. 1 § 198, § 201 ГК ЧССР). Данное право пользуется такой же защитой, как и право собственности (§ 203, 203а, 130а ГК ЧССР). Лишение гражданина права пользования участком, либо временное его использование без разрешения пользователя в случае, "когда этого требуют особо важные интересы общества", всегда производится возмездно и на условиях, установленных законом для принудительного отчуждения имущества у собственника (§ 204 ГК ЧССР), несмотря на то, что соответствующие земельные участки остаются социалистической собственностью.

Возникновение этого института в ЧССР первоначально было связано с отсутствием здесь права личной собственности на землю, однако практика показала его удачное соответствие социалистическим общественным отношениям. "Личный пользователь" практически наделен такими же правовыми гарантиями, как и личный собственник; вместе с тем, это не препятствует обобществлению земли в рамках социалистической (преимущественно государственной) собственности. Не случайно поэтому аналогичные институты встречаются в гражданском праве других социалистических стран.

"Пользование земельными участками и зданиями для проживания и отдыха" обособлено в Четвертую часть ГК ГДР 1975 г. и составляет самостоятельный институт гражданского права ГДР. Им закреплено четыре вида землепользования граждан: на основании передачи им "права пользования" земельными участками, находящимися в государственной собственности, кооперативной собственности, личной собствен-

ности и на основании договора об использовании участка для отдыха и садоводства (абз. 1 § 286 ГК ГДР). Две первые разновидности этого института обнаруживают значительное сходство с чехословацкой регламентацией.

Право землепользования государственными и кооперативными земельными участками возникает у граждан, как правило, на неограниченное время (абз. 2 § 288, абз. 2 § 292 ГК ГДР), обычно при единовременной уплате определенного вознаграждения (абз. 3 § 288 ГК ГДР), и имеет строго целевой характер: пользователь "вправе и обязан" использовать земельный участок для возведения и личного пользования жилого строения или других служащих этим целям построек (абз. 1 § 287, абз. 1 § 288, § 291, абз. 1 § 292 ГК ГДР). Переход к другим лицам права пользования участком возможен только при отчуждении находящегося на нем строения и с согласия организации, предоставившей участок в пользование. Поскольку допускается наследование таких строений, разрешено и наследование права пользования участком (§ 289, 293 ГК ГДР). Оно однако ограничено требованием, чтобы наследник не был собственником другого жилого дома и фактически использовал бы полученный дом и участок для личных потребностей. Все это дает основания рассматривать институт пользования земельными участками, находящимися в "народной" (государственной) и кооперативной собственности, как "новую правовую форму", специфичную именно для социалистического права /20, с. 283; 27, с. 700/.

Такую же по сути природу имеет установленный новой редакцией ГК ВНР 1977 г. институт "длительного землепользования" участками земли, находящимися в

государственной или кооперативной собственности, в случаях, когда в качестве землепользователей выступают отдельные граждане (абз. 1 § 150 ГК допускает передачу земельных участков в длительное пользование и юридическим лицам, например, ЖСК). Право "длительного землепользования" является целевым, как правило, возмездным (обусловленным "уплатой соответствующей компенсации" - абз. 2 § 150 ГК ВНР), а также переходящим по наследству после смерти землепользователя-гражданина (абз. 2 § 152 ГК ВНР). Отчуждение и отказ от этого права допустимы лишь как исключение в особо предусмотренных законодательством случаях.

ГК ПНР устанавливает институт "вечного пользования" земельными участками, находящимися в государственной собственности, гражданами, а также ЖСК и некоторыми другими юридическими лицами (ст. 232 ГК ПНР). Это право главным образом предназначено для индивидуального и кооперативного жилищного строительства и имеет строго целевое назначение (ст. 240 ГК ПНР). Его цель - предоставить землепользователю стабильные правомочия, приближающиеся к правомочиям собственника, избегая при этом отчуждения государственной земли /9, с.64-66/. К возникновению этого права в соответствии со ст.237 ГК ПНР применяются правила о передаче права собственности на недвижимость, но вместе с тем "вечный пользователь" за время действия своего права должен производить ежегодные платежи (ст. 239 ГК ПНР). Срок действия данного права составляет от 40 до 99 лет с правом продления его на следующий такой же срок (ст. 236 ГК ПНР). Поэтому в польской литературе "вечное пользование" признается вещным правом, занимающим промежуточное

положение между "ограниченными вещными правами" и правом собственности, но стоящее все же ближе к последней /25, с. 190; 29, с. 40-45; 30, с. 109/. Таким образом, по своей юридической природе это право становится тождественным праву "личного пользования" в ЧССР.

Наконец, и болгарскому законодательству известно "личное землепользование" граждан на основе договора с социалистическими организациями. Здесь оно также является целевым, бессрочным и переходящим в порядке наследования, хотя и предоставляемым обычно безвозмездно. (В литературе НРБ оно оценивается как разновидность вещных прав /16, с. 65/.)

Изложенное дает основания рассматривать право личного землепользования участком, находящимся в социалистической собственности, как новый институт вещно-правового характера, присущий социалистическому гражданскому праву. Целевое назначение, содержание и охрана этого права в гражданском праве превращают его в важную гражданско-правовую форму удовлетворения жилищных потребностей граждан. Его современное практически повсеместное развитие можно поэтому считать закономерной тенденцией, обусловленной не национальной спецификой в гражданско-правовой регламентации отношений землепользования, а социалистической природой регулируемых им общественных отношений.

Важным представляется и то обстоятельство, что правовое положение личного пользователя государственным или кооперативным жилым помещением (в ЧССР), либо земельным участком (в ГДР, Польше и других странах) становится практически равнозначным правовому положению пользователя (нанимателя) государственного

жилого помещения в гражданском праве тех социалистических государств, где сохранился более традиционный институт договора найма. Ведь по сути гарантии жилищных прав граждан, осуществляющих пользование государственной или кооперативной жилой площадью, во всех странах социалистического содружества таковы, что существенно отличают их правовое положение от положения обычных нанимателей чужого имущества. Жилищный наем рассматривается здесь либо как самостоятельный по отношению к традиционному имущественному найму гражданско-правовой институт (например, в ГДР), либо как вполне самостоятельная разновидность имущественного найма (например, в Венгрии и Польше). Примечательно, что ГК ПНР, например, прямо исключает действие в сфере жилищных отношений ряда общих норм имущественного найма (ст. 692) и устанавливает применимость к защите прав нанимателя жилья вещно-правовых норм о защите права собственности (ст. 690). Следовательно, и в этом втором случае жилищное право не может полностью обойтись традиционными законодательными решениями.

Все это дает основания для установления общего правового режима отношений личного пользования жильем и земельным участком, находящихся в социалистической собственности, что и сделано впервые в гражданском праве ЧССР, где на жилищные правоотношения в основной их массе распространены своеобразный правовой режим "личного землепользования". С учетом общего социального назначения этих прав можно оценить по достоинству обоснованность и перспективность их регламентации в гражданском праве ЧССР, по сути отразившей здесь общие тенденции развития социалистического гражданского права.

Образовавшееся на "стыке" традиционных вещных и обязательственных правоотношений своеобразное "гибридное" право "личного пользования" не только в целом удачно отразило специфику социалистических земельных отношений, но и оказалось пригодным для регламентации длящихся гражданских правоотношений как преимущественно вещно-правового (землепользование), так и преимущественно обязательно-правового (жилищный наем) характера. Вместе с тем практика ряда зарубежных социалистических стран показала тяготение гражданско-правовой регламентации жилищных отношений граждан к использованию вещно-правовых форм, которые в большей мере, чем обязательно-правовые институты, отвечают требованиям стабильности жилищных прав пользователей, повышая уверенность последних в имеющихся у них правовых гарантиях. На этом пути используются и традиционные правовые институты, вплоть до предоставления нанимателям жилых помещений прав собственников. Это, однако, рассматривается в литературе социалистических стран не как "некий механический возврат к классической гражданско-правовой регламентации", а как использование традиционных форм в качестве способа обеспечения наилучшего удовлетворения потребностей граждан в современных условиях /22, с. 292/. Основной же линией развития современного гражданского законодательства стран социализма все в большей мере и здесь становится разработка и использование новых правовых институтов и форм, в большей мере отвечающих условиям и задачам социалистического общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986.
2. Закон НРБ о территориальном и местном устройстве // Държавен вестник. - 1973. - Бр. 29.
3. Закон СРР от 28 марта 1973 г. № 4 о развитии жилищного строительства, продаже населению квартир из государственного жилого фонда и строительстве дач на праве личной собственности // *Buletinul oficial al RSR.* - 1973. - Р. I, N 46.
4. Закон ЧССР от 30 июня 1966 г. о личной собственности на квартиры // *Sbírka zákonů CSSR.* - 1966. - С. 11, N 52; 1978. - С. 6, N 39.
5. Инструкция о распределении и продаже жилищ: Утв. Постановлением Совета Министров НРБ от 28 января 1978 г. № 1 // Държавен вестник. - 1978. - Бр. 24.
6. Инструкция № 4 Министерства строительства и архитектуры НРБ 1977 г. // Държавен вестник. - 1977. - Бр. 38.
7. Объявление федерального министерства финансов ЧССР, министерства финансов Чешской Социалистической республики, министерства финансов Словацкой Социалистической республики, Чешского управления цен от 4 мая 1978 г. о продаже квартир из народного имущества гражданам и о финансовой помощи при модернизации купленных квартир // *Sbírka zákonů CSSR.* - 1978. - С. 10, N 47.
8. Аристов Г. Пути обеспечения платеже-

- способного спроса населения (опыт европейских стран СЭВ) // Вопросы экономики. - 1985. - № 2.
9. Введение // Гражданский кодекс Польской Народной Республики. - Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1980.
 10. Еремия М., Анка П. Право на жилую площадь по законодательству СРР // Сов. гос-во и право. - 1977. - № 4.
 11. Немет К. В интересах построения развитого социалистического общества // Коммунист. - 1985. - № 10.
 12. Проблемы сбалансированности социалистической экономики // Вопросы экономики. - 1984. - № 8.
 13. Рыбарик К. Право личного пользования квартирами // Бюллетень чехословацкого права. - 1973. - № 3-4.
 14. Рыбарик К. Гражданин как личный пользователь // Бюллетень чехословацкого права. - 1978. - № 1-2.
 15. Социальная инфраструктура в европейских странах СЭВ // Вопросы экономики. - 1985. - № 11.
 16. Павлова М.Н. За правото на лично земеползуване // Правна мисъл. - 1983. - Кн. 4.
 17. Попов П. Договорът за продажба на жилища в незавършен вид // Социалистическо право. - 1978. - Кн. 7-8.
 18. Попов П. Договорът за довършителни работи на жилище, придобито в незавършен вид // Правна мисъл. - 1978. - Кн. 6.
 19. Попов П. Договорът за продажба на новопостроени държавни жилища. - София: Наука и изкуство, 1981.

20. Bodenrecht. Lehrbuch. - Berlin: Staatsverlag der DDR, 1976.
21. Cepl V. Osobní vlastnictví k bytům a jiné právní formy bydlení // Právník. - 1984. - N 11.
22. Cečka Z., Svestka I. XVI sjezd KSC a úkoly vědy občanského práva hmotného, občanského práva procesního a rodinného práva // Právník. - 1982. - N 4.
23. Eliáš G. Společensko-ekonomické základy socialistického občanského práva. - Praha: Academia, 1970.
24. Faludi G. Der Beitrag des Zivilrechts zur Sicherung der Versorgung der Bürger mit Wohnraum // I. Internationale Zivilrechtskonferenz Sozialistischer Länder. Länderbericht Ungarn zu Thema 2. - Berlin, 1982.
25. Kodeks cywilny z komentarzem. - Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 1980.
26. Plank K. Osobní užívání - nový institut občanského práva // Právnícké studie. - 1964. - N 2.
27. Schneider W. Das Recht sozialistischer Genossenschaften zur Übertragung genossenschaftlich genutzter Bodenflächen in persönliche Nutzung. - Staat und Recht. - 1978. - N 8.
28. Svestka I. a kolektiv. Československé občanské právo. - Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979.
29. Winiarz I. Prawo użytkowania wieczystego. - Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970.
30. Woźcik S. Problematika vlastnictva k pôde v občianskom zákonníku PL'R // Problemy kodifikácie občianskeho práva v CSSR a v PL'R: Zborník. - Bratislava: Veda, 1973.
31. Zuklinova M. Několik úvah o osobním vlastnictví bytu // Právník. - 1979. - N 5.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУЩНОСТИ БЫТОВОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Э. Л. Плоом

В Программе КПСС партия в качестве основных задач социальной политики выдвигает неуклонное улучшение условий жизни и труда советских людей. При этом КПСС ставит задачу поднять благосостояние советских людей на качественно новую ступень, обеспечить также уровень и структуру потребления материальных, социальных и культурных благ, которые будут в наибольшей степени отвечать целям формирования гармонично развитой, духовно богатой личности, создания необходимых условий для полного раскрытия способностей и талантов советских людей в интересах общества /1, с. 151/. В осуществлении намеченной партией социальной политики задачей первостепенной важности определяется полное удовлетворение возрастающего спроса населения на высококачественные и разнообразные товары народного потребления и намечается осуществление крупных мер по созданию современной высокоразвитой сферы обслуживания.

Важное значение в деле развития производства товаров народного потребления и сферы услуг имеет комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986-2000 годы /2/. Основное внимание в программе уделяется вопросам улучшения качества и ассортимента выпускаемых товаров, внедрения прогрессивных форм и расширения услуг в торговле и общественной питании, бытовом, жилищно-коммуналь-

ном, транспортном, туристском и других видах обслуживания населения 72, с. 127. Как отмечается в политическом докладе ЦК КПСС XXУ11 съезду КПСС, все усилия по совершенствованию распределительных отношений окажутся малоэффективными, а задача повышения благосостояния народа не выполненной, если мы не сумеем насытить рынок разнообразными товарами и услугами. Для этого предстоит обеспечить более высокие темпы роста производства предметов потребления, требуется так можно быстрее создать современную сферу услуг 71, с. 477.

Существенные намеченные меры для улучшения обслуживания населения требуют наряду с развитием отдельных народного хозяйства, непосредственно занятых обслуживанием населения, создания новых форм обслуживания и ряда организационных изменений. Среди них необходимо отметить прежде всего привлечение к оказанию услуг предприятий и организаций министерств и ведомств, независимо от их специализации и характера основной деятельности, а также граждан на договорных началах. Примерами здесь могут служить привлечение строительных организаций к выполнению заказов на строительные и ремонтные работы, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий по заявкам граждан на вспашку земель на приусадебных участках, обработка садов, ремонт и техническое обслуживание оборудования, транспортные и другие услуги. Большая перспектива открыта для развития и расширения услуг, предоставляемых гражданами. Выполнение заказов граждан предприятиями и организациями, основная деятельность которых не связана с обслуживанием граждан, или же отдельными гражданами может основываться на отношении по

обслуживанию, регулируемые специальными законодательными актами, как все отношения по бытовому обслуживанию.

В интересах точного регулирования отношений между заказчиком и лицом, оказывающим услуги, необходимо установить наличие или отсутствие между ними отношений по обслуживанию. Для определения характера отношений нам необходимо прежде всего определить понятие самой услуги.

Для установления сущности услуги все исследователи обращаются к известному определению, данному К. Марксом: "Услуга есть ни что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости - товара ли, труда ли" /3, с. 203-204/. В экономической литературе данное определение рассматривается как самое общее, поскольку в нем говорится о полезном действии потребительной стоимости "товара ли, труда ли". Поэтому названное понятие уточняется другим высказыванием К. Маркса, где он, определяя, что такое труд, покупаемый как услуга, пишет: "Это выражение означает вообще не что иное, как ту особую потребительную стоимость, которую доставляет этот труд, подобно всякому другому товару: но особая потребительная стоимость этого труда получила здесь специфическое название "услуги" потому, что труд оказывает услуги не в качестве вещи, а в качестве деятельности" /4, с. 413/. На основе сказанного подчеркивается, что решающим свойством услуги, основной специфической характеристикой, выявляющей ее сущность, выступает отношение по поводу полезного действия труда, который потребляется как деятельность, т.е. удовлетворяет определенную потребность человека непосредственно в процессе

целесообразной деятельности другого человека (или группы людей), а не в качестве результата этой деятельности, существующей отдельно от нее самой. Самым коротким определением услуги как экономической категории в соответствии с этим будет такое: услуга есть общественное отношение по поводу полезного действия труда, потребляемого как деятельность /5, с. 107-108/. В этом отношении сама услуга выступает как экономическая форма труда, который потребляется в качестве деятельности.

Но услуга есть социально-экономическая категория. Поэтому ее определение должно даваться по социально-экономическому понятию. Для этого необходимо искать ее критерии не в самом процессе труда как таковом, а в производственных отношениях по поводу труда. Известно, что исходным пунктом движения любого вида труда является потребность в нем, реализуемая в способности этого конкретного вида труда удовлетворить ту или иную потребность человека. Возникает и реализуется эта потребность по-разному, что и находит отражение в различных экономических формах труда, удовлетворяющих потребности человека неодинаковыми способами /5, с. 111/. В литературе такой вывод обосновывается следующим примером: один сапожник шьет обувь потому, что люди должны обуваться и не имеет значения, кто именно будет ходить в пошитых им сапогах. Исходный пункт общественного движения этого вида труда - сама обезличенная общественная потребность. Другой сапожник - специалист по ремонту сапог. Полезный эффект его конкретного труда таков, что может быть потреблен только в процессе деятельности. Его услуге нужен объект - конкретный, инди-

визуальный полупрозрачный /5, с. 111-112/.

В этом примере деятельность другого сапожника можно заменить таким образом, что и он шьет сапоги, но по индивидуальному заказу; тогда по существу ничего в примере не изменится. Важно только то, что в таких случаях к удовлетворению представляется, индивидуальная потребность в данном конкретном виде труда. Именно это является исходным пунктом движения услуги.

Таким образом, исходное экономическое отличие отрасли сферы услуг от отраслей вещественного производства проявляется в том, что многочисленные и разнообразные виды услуг имеют непосредственное индивидуальное назначение, а продукт (товар) производится обезличенно. Любая услуга направлена непосредственно на удовлетворение потребности конкретного гражданина — индивидуального заказчика, а производство товаров — на удовлетворение потребностей всего общества и посредством какого-то гражданина.

В экономической литературе услуга по своей экономической природе определяется как общественное отношение, которое складывается по поводу полезного действия труда, потребляемого в качестве деятельности, и присвоения его результатов /5, с. 112/. Однако определение понятия услуги нуждается в уточнении; эта деятельность направлена на удовлетворение индивидуальных потребностей конкретного гражданина, выраженных в заказе. Тем самым можно подчеркнуть ту особенность, что индивидуальный заказ на услугу определяет обмен труда исполнителя на деньги заказчика, а вещь, изготовленная как товар, обменивается на деньги после ее поступления на рынок, если она найдет

признание в качестве общественной потребности стоимости и покупается неизвестным до этого момента покупателем, общие потребности которого данный товар может удовлетворить.

Поэтому каждую деятельность можно признать оказанием услуги только тогда, когда она направлена на удовлетворение индивидуальных потребностей конкретного гражданина, выраженных в заказе, предъявленном конкретным гражданином. Основные задачи организации бытового обслуживания в нормативном порядке определены положениями или типовыми положениями. Так, положение о Министерстве бытового обслуживания Эстонской ССР в п. 2 устанавливает в качестве задачи министерства обеспечение всестороннего развития и улучшение бытового обслуживания населения в целях наиболее полного удовлетворения запросов трудящихся во всех видах и формах бытовых услуг /6/. Положение об отделе бытового обслуживания исполнительного комитета в п. 3 предусматривает задачей названного отдела обеспечение всестороннего развития и улучшение бытового обслуживания населения в целях наиболее полного удовлетворения запросов трудящихся во всех видах и формах бытовых услуг /7/. Общим моментом рассматриваемых положений является то, что они видят свою задачу в удовлетворении запросов трудящихся во всех видах и формах бытовых услуг. Несомненно, задача была бы определена точнее, если вместо "запросов" употреблялись положения термина "заказов". Несмотря на эту неточность, названные положения имеют в виду конкретные запросы трудящихся. Но Типовое положение производственного управления бытового обслуживания ставит задачу по обслуживанию существенно шире. Так, п. 5

этого положения предусматривает в качестве задачи обеспечение предприятиями бытового обслуживания, расположенными в районе деятельности бытуправления, всестороннего развития и улучшение бытового обслуживания с целью наиболее полного удовлетворения потребностей населения в бытовых услугах /8/.

Как вытекает из изложенного, Типовое положение производственного управления бытового обслуживания ставит задачу наиболее полного удовлетворения потребностей населения в бытовых услугах. Система бытового обслуживания, например, перешла на удовлетворение и таких потребностей, которые далеко не являются потребностями, удовлетворяемыми по заказам граждан. Короче говоря, организация бытового обслуживания стала заниматься торговой деятельностью. По существу они превратились в товаропроизводителей и довольно часто выполняют торговую функцию. Так, по данным печати, образовалась своеобразная структура деятельности предприятий бытового обслуживания г. Эльва. А именно, пошив обуви в массовом производстве составляет 40%, пошив и вязка трикотажных изделий - 40%, остальные 20% из всего объема работ остаются для обслуживания граждан на основе отношений по бытовому обслуживанию /9/. Такое положение структуры работ предприятий бытового обслуживания признается ненормальным. Предлагается в дальнейшем сократить объем производства обуви и трикотажных изделий в массовом порядке и расширить индивидуальный пошив обуви и трикотажных изделий и ремонт сложной бытовой техники /9/. В интересах улучшения бытового обслуживания граждан целесообразно не только сократить, но и прекратить производство в массовом порядке

предметов народного потребления и предусмотреть в качестве обязанности предприятий обслуживания производить работы только на основе заказов граждан. Именно для этого создавалась и разворачивалась система бытового обслуживания. Товаро-производство было и должно остаться задачей других отраслей народного хозяйства.

Предприятия бытового обслуживания экономически заинтересованы в изготовлении обуви, швейных и трикотажных изделий и т.д., так как проведение этих работ не связано с конкретными заказами граждан, требованиями и оценками последних результатов работ. Производство и реализация изделий, произведенных в массовом порядке, вышли уже даже за пределы республики. В результате развития товаро-производства не развивается само производство бытовых услуг. Сроки исполнения заказов не сокращаются, качество услуг часто не отвечает требованиям, заказы не выполняются в срок и т.д. Обозначивая названные и все другие упущения в работе предприятий бытового обслуживания, как правило, ссылаются на такие обстоятельства, как трудности с рабочей силой, дефицитность некоторых материалов, отсталая техническая база и др. объективные препятствия в оказании услуг гражданам. Но в то же время рабочая сила, материалы, энергия и техническая база связаны непосредственно с товаро-производством. Совершенно очевидно, что примирение с такой структурой производственной деятельности системы бытового обслуживания идет не на пользу развития удовлетворения запросов населения на основе заказов, и система бытового обслуживания не выполняет своих задач.

Разработка экономических стимулов,

способных перевести производственную деятельность на рельсы производства только услуг, — это задача экономистов. Но прежде всего необходимо срочно изменить существующий ныне порядок учета работы предприятий бытового обслуживания и системы обслуживания вообще. А именно, работу системы обслуживания может характеризовать лишь оказание бытовых услуг гражданам. Практически названное предложение выражается в том, что в объем реализации бытовых услуг населению включаются лишь индивидуальный пошив и ремонт обуви, индивидуальный пошив и ремонт трикотажных и швейных изделий и все другие услуги, оказываемые населению на основе заказов.

Только тогда деятельность системы бытового обслуживания будет направлена на удовлетворение индивидуальных потребностей граждан, выраженных в заказах конкретных граждан, и бытовое обслуживание будет заниматься оказанием услуг, для производства которых создана и предназначена система бытового обслуживания.

Вопрос об установлении сущности деятельности, проводимой организациями бытового обслуживания, приобретает актуальность в связи с разработкой все новых и новых видов и форм услуг организациями обслуживания. Но, как показывает практика, не все действия, виды и формы действий являются по своей сущности бытовыми услугами, а представляют собой осуществление иных функций организациями бытового обслуживания. Так, несколько лет назад стало развиваться своеобразное действие, титулируемое органами обслуживания видом бытового обслуживания. Некоторые комбинаты обслуживания заключили договоры на строительные работы, а

исполнение договора осуществлялось очень своеобразно - фактическим исполнителем оказался сам заказчик. Заключив договор на покрытие крыши этернитом, стороны договорились о том, что заказчик покрывает крышу сам. Но комбинаты обслуживания причислили к цене этернита и сумму стоимости покрытия крыши, хотя фактически они ее не покрывали, и добавку к заработной плате, прибыль, цеховые и общезаводские расходы. Судебные органы, рассматривающие возникшие из таких отношений споры, отметили в решениях, что при купле этернита истец должен был заплатить согласно ч. 1 ст. 245 ГК розничную цену. Тем самым судебные органы правильно установили, что между сторонами имелись отношения купли-продажи, а поэтому покупатель должен был уплатить цену этернита и возместить расходы на транспорт /10, с. 34-36/. Ясно, что указанное действие организации обслуживания по существу не является оказанием бытовой услуги, а представляет собой продажу товара, в данном случае дефицитного этернита. Иначе говоря, вместо отношений обслуживания были созданы отношения купли-продажи. А это уже торговое обслуживание и не должно быть видом деятельности системы бытового обслуживания.

Такую же оценку заслуживают все другие случаи товаропроизводства, как например, массовое производство обуви, швейных и трикотажных изделий, ковров и др. Даже производство маленькими партиями является изготовлением не по конкретному заказу, и поэтому такая деятельность не может считаться бытовым обслуживанием.

Программные задачи развития бытового обслуживания выполнимы лишь при условии, что на улучшение и расширение

оказания бытовых услуг направляются все усилия, прежде всего системы бытового обслуживания. Экономически развитие бытового обслуживания можно стимулировать лишь таким методом, согласно которому основным показателем выполнения плана являются только результаты бытового обслуживания, исключая деятельность системы бытового обслуживания по торговому, транспортному, коммунальному и другим видам обслуживания, так как это не бытовые услуги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXУ11 съезда Коммунистической Партии Советского Союза. - М.: Политиздат, 1986.
2. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986-2000 гг. - М.: Политиздат, 1985.
3. Маркс К. Капитал. Гл. У: Процесс труда и процесс увеличения стоимости // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - Т. 23.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Труд ремесленников и крестьян в капиталистическом обществе // Соч. - Т. 26, ч.1.
5. Солодков М.В., Полякова Т.Д., Овсянников Л.Н. Теоретические проблемы услуг и непроизводственной сферы при социализме. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.
6. Положение о Министерстве бытового обслуживания Эстонской ССР: Утв. постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 30 сентября 1969 г. № 393 // ВВС ЭССР. - 1969. - № 40. - Ст. 397.

7. Положение об отделе (управления) бытового обслуживания исполнительного комитета городского Совета депутатов трудящихся: Утв. постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 26 октября 1976 г. № 471 // ВВС ЭССР. - 1976. - № 46. - Ст. 436.
8. Типовое положение о производственном управлении бытового обслуживания: Утв. постановлением Совета Министров Эстонской ССР от 30 декабря 1981 г. № 793 // ВВС ЭССР. - 1982. - № 4. - Ст. 76.
9. Kuhu ja kuidas lähed, Elva? // Edasi. - 1986. - 26. det.
10. Плоин Э.Л. Вопросы исполнения договоров бытового обслуживания // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1978. - Вып. 452: Проблемы совершенствования правового регулирования народного хозяйства.

КОДИФИЦИРОВАННЫЕ АКТЫ ГРАЖДАНСКОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ
ИНТЕРЕСОВ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

И. Э. Мамяофа

Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик содержат раздел У1 "Право на изобретение, рационализаторское предложение и промышленный образец"¹. До 1981 г. он назывался "Изобретательское право". Одноименные разделы У1 в республиканских гражданских кодексах воспроизводят соответствующие статьи Основ либо в редакции 1961 г., либо в редакции 1981 г. Детальное регулирование отношений по поводу изобретений, промышленных образцов и рационализаторских предложений ("изобретательских отношений") осуществляется на основе норм специальных актов законодательства об изобретательстве - Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, Положения о промышленных образцах и других нормативных актов. Возникает вопрос, в каких пределах к изобретательским отношениям применимы нормы, содержащиеся в других разделах Основ и республиканских гражданских кодексов.

Нет оснований сомневаться в том, что к ним применимы нормы, включенные в раздел 1 Основ, называющийся "Общие

¹В редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1981 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. - 1981. - № 44); далее для краткости - Основы.

положения". Менее очевидно, применимы ли нормы других разделов Основ, - в частности разделов II и III.

Для выяснения ответа на этот вопрос необходимо, во-первых, уточнить, возникают ли в связи с изобретениями, промышленными образцами и рационализаторскими предложениями общественные отношения, составляющие предмет регулирования норм данного раздела Основ, и если возникают, то (во-вторых) установить, нет ли юридических препятствий к их регулированию нормами данного раздела.

Нормы раздела II регулируют отношения собственности. В литературе по изобретательскому праву порой встречаются утверждения, что изобретения, на которые выданы авторские свидетельства, являются собственностью Советского государства. В действительности государству принадлежит исключительное право на такие изобретения в течение 15 лет со дня подачи заявки на выдачу авторского свидетельства, но не право собственности. Отношения собственности возникают по поводу материальных объектов ("вещей"), в которых используются изобретения, рационализаторские предложения и промышленные образцы, но не по поводу названных нематериальных благ, выступающих объектами изобретательских отношений. Поэтому вопрос о применимости норм раздела II Основ отпадает.

Нормы раздела III имеют предметом регулирования обязательственные отношения. К ним относятся не только обязательства, которым посвящены отдельные главы раздела III Основ. В частности, исследователи советского права в монографиях, комментариях к действующему законодательству и в учебниках по гражданскому праву единодушно признают, что из факта создания

произведений научного, литературного, художественного или технического творчества возникает для автора предусмотренное законом право на произведение, а в связи с использованием произведения другими лицами между ними и автором возникают гражданско-правовые обязательства /1, с. 201; 2, с. 177; 3, с. 361; 4, с. 270-271/.

Не только у научных, но и у практических работников, применяющих законодательство, по-видимому, не возникает сомнений в том, что обязательства сторон, предусмотренные авторскими договорами на использование произведений науки, литературы и искусства, являются гражданско-правовыми обязательствами. Этому в значительной мере способствует то, что используется договорная форма опосредствования отношений и применяется терминология, характерная для обязательственных отношений. Для практических работников менее очевидно, что гражданско-правовым обязательством являются многие отношения в сфере изобретательства, в том числе и одно из самых распространенных — отношение по выплате вознаграждения за изобретение, промышленный образец или рационализаторское предложение. Часть практических работников не подозревает (или даже убежденно отрицает), что такое отношение является внедоговорным гражданско-правовым обязательством. Тем не менее именно такова его юридическая природа, несмотря на то, что характерные для обязательственных отношений термины ("должник", "кредитор", "просрочка исполнения обязательства" и т.п.) не употребляются в нормах законодательства об изобретательстве. Обязанность выплаты вознаграждения изобретателю возникает в рамках гражданско-правового отношения,

она закреплена нормой гражданского законодательства (ст. 111 Основ), и отношение по выплате вознаграждения за изобретение полностью охватывается определением обязательства, содержащимся в ст. 33 Основ.

Итак, в сфере изобретательства объективно существуют обязательственные отношения и потому актуален вопрос о применимости к ним положений об обязательствах, которые содержатся в главе 1 раздела III Основ.

Нет ли юридических препятствий к тому, чтобы к общественным отношениям, составляющим предмет регулирования специального раздела Основ (раздела VI), применять правовые нормы, включенные не в раздел 1 "Общие положения", а в один из последующих разделов? Не следует ли из структуры Основ, что общие положения об обязательствах, включенные в раздел III, применимы только к обязательственным отношениям, предусмотренным в разделе III, и не применимы к другим обязательственным отношениям?

На оба вопроса следует ответить отрицательно.

Общие положения об обязательствах, содержащиеся в Основах, применимы не только к конкретным видам обязательств, которым посвящены отдельные главы раздела III Основ. Есть такие виды гражданско-правовых обязательств, которые не предусмотрены не только структурой Основ, но и структурой республиканских гражданских кодексов. Таковы, в частности, некоторые договоры в области научно-технического прогресса, например, договор о передаче научно-технических достижений и передового технического опыта. Ни в теоретическом, ни в практическом плане не вызывает сомнений, что к

отношениям, опосредствованным такими договорами, применимы и общие положения, входящие в раздел 1 Основ, и общие положения об обязательствах, содержащиеся в главе 1 раздела III Основ. До 1961 г. так же обстоит дело и с применимостью общих норм гражданского законодательства к отношениям в сфере изобретательства и к авторско-правовым отношениям, поскольку ни изобретательское, ни авторское право не были инкорпорированы в общие акты гражданского законодательства. Включение в Основы и в республиканские кодексы специальных разделов, посвященных авторскому и изобретательскому праву, не пресекает возможности применять к авторским и изобретательским отношениям общие положения об обязательствах. Нормы, включенные в разделы IV и VI Основ, отражают специфическое в авторских и изобретательских отношениях. В законодательном акте кодифицированного типа, построенном по пандектной системе, в специальных разделах не воспроизводятся (и не должны воспроизводиться!) общие нормы, содержащиеся в предшествующих разделах того же акта. Такова юридическая техника, направленная на устранение дублирования статей закона, сокращение его общего объема.

Применительно к авторским отношениям применимость норм, содержащихся в разделах III Основ и ГК, подробно аргументирована в работах Э.П. Гаврилова /5, с. 58-60/. Он же отметил, что ссылки на общие положения об обязательствах, предусмотренные в ГК, даются судами при рассмотрении многих конкретных споров по авторскому праву. На возможность применения к авторским договорам общих норм об обязательствах указывают и составители авторитетных комментариев к разделам

"Авторское право" республиканских гражданских кодексов.

Эти аргументы и следующие из них выводы *mutatis mutandis* применимы и к обязательственным отношениям в сфере изобретательства с учетом их двух особенностей: а) в сфере изобретательства господствуют не договоры, а внедоговорные обязательства и б) эти отношения отнесены к предмету общесоюзного гражданского законодательства, а республиканские нормативные акты применимы к ним лишь в вопросах, отнесенных к ведению республики.

Изложенное выше определяет возможность применения к изобретательским отношениям не только общих положений об обязательствах, но и норм о возмещении вреда, содержащихся в главе 12 раздела III Основ. В сфере изобретательских отношений причинение вреда вероятно в случаях нарушения третьими лицами исключительного права на изобретение или промышленный образец. Исключительное право может принадлежать государству (когда на изобретение выдано авторское свидетельство, а на промышленный образец - свидетельство), или же частному лицу (в случае, когда действует патент). В п. 30 Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, а также в п. 30 Положения о промышленных образцах имеются ссылки на то, что убытки, причиненные нарушением патента, возмещаются в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Союза ССР и союзных республик. Ни названные, ни другие акты изобретательского права не содержат норм, регламентирующих ответственность за нарушение исключительного права, принадлежащего государству. Значит ли это, что убытки, причиненные

государству нарушением его исключительного права, вовсе не подлежат возмещению? Разумеется, нет. Когда такие убытки имеют место, может наступить ответственность по общим нормам гражданского законодательства, регламентирующим отношения по причинению вреда, - в частности по правилам гл. 12 раздела III Основ. В подобных случаях наличие отсылочной нормы лишь облегчает применение законодательства, но отсутствие ее не означает, что общее правило не может быть применено к конкретному случаю.

Итак, к изобретательским отношениям могут применяться общие нормы, содержащиеся в предшествующих разделах Основ (не только в разделе I), когда и поскольку в сфере изобретательства реально существуют отношения, входящие в предмет регулирования норм такого предшествующего раздела.

Более сложным является вопрос о том, подлежат ли применению к изобретательским отношениям нормы, содержащиеся в разделах I и III республиканских гражданских кодексов, если они не являются воспроизведением соответствующих статей Основ.

В ст. 3 Основ установлено, что гражданским законодательством Союза ССР регулируются в соответствии с Основами, в частности, отношения, возникающие в связи с изобретениями, рационализаторскими предложениями, промышленными образцами и иными достижениями науки и техники. По этим отношениям законодательством союзных республик могут разрешаться вопросы, отнесенные к их ведению законодательством Союза ССР.

Что в изобретательских отношениях отнесено к ведению республики, а что не отнесено?

Альтернативно возможны два подхода к формулированию ответа на поставленный вопрос. Один назовем "узким" или отсылочным, другой - "широким" или функциональным.

Первый базируется на представлении, что в силу ст. 3 Основ из компетенции республик полностью изъято правовое регулирование отношений, связанных с изобретениями и другими достижениями науки и техники, а к ведению республики относятся только те из них, которые путем конкретной отсылки к республиканскому законодательству названы в каком-либо общесоюзном акте. Анализ законодательства об изобретательстве выявил в нем лишь одну прямую отсылку к гражданскому законодательству республики - упомянутое выше правило о том, что возмещение ущерба, причиненного нарушением патента, производится в порядке, предусмотренном гражданским законодательством Союза ССР и союзных республик. Отсюда следует, что к названным отношениям применимы все нормы ГК, регламентирующие порядок возмещения ущерба (в том числе и такие, каких нет в главе 12 Основ). Поскольку это единственная отсылка к республиканскому законодательству в общесоюзных нормах, регулирующих изобретательские отношения, то на основе "узкого" подхода формулируется вывод, что к ведению республики более ничего не отнесено из области правового регулирования отношений, возникших в связи с изобретениями, рационализаторскими предложениями и промышленными образцами.

В явном противоречии с таким выводом находится ст. 474 ГК РСФСР и соответствующие ей статьи кодексов других республик (ст. 478 ГК ЭССР). Ею предусмотрено, что не подлежит истребованию

в качестве неосновательно приобретенного, в частности, выплаченное излишне или по отпавшему впоследствии основанию вознаграждение за изобретение или рационализаторское предложение, если выплата произведена организацией добровольно, при отсутствии счетной ошибки с ее стороны и недобросовестности со стороны получателя. В общесоюзном законодательстве не содержится прямого указания на то, что вопрос об условиях возврата излишне выплаченного авторского вознаграждения изобретателю или рационализатору может и должен решаться по нормам республиканского законодательства.

Другой — "широкий" или функциональный — подход к определению пределов ведения республики при установлении правовых норм, применимых, в частности, и к изобретательским отношениям, базируется на представлении о том, что к ведению республики отнесены не только вопросы, по которым имеется прямая отсылка в общесоюзном законодательстве. Если к ведению республики относится решение определенного круга вопросов, т.е. регулирование некоторой определенной функции правовой системы, такое регулирование распространяется на изобретательские отношения в частности, причем независимо от того, упомянуты ли они в тексте соответствующей статьи республиканского кодекса или иного закона республики.

При определении пределов ведения союзной республики нужно исходить, прежде всего, из содержания ст. 76 Конституции СССР, в которой сказано, что вне пределов, указанных в ст. 73 Конституции СССР¹, союзная республика самостоятельно

¹ В ст. 73 Конституции СССР к ведению Союза ССР в лице его высших органов

осуществляет государственную власть на своей территории. В ст. 77 Конституции установлено, что союзная республика обеспечивает комплексное экономическое и социальное развитие на своей территории, способствует осуществлению на этой территории полномочий Союза ССР, проводит в жизнь решения высших органов государственной власти и управления СССР.

Основы законодательства Союза ССР и союзных республик (в частности - гражданского), предусмотрев некоторую совокупность правовых норм, обеспечивающих единство законодательного регулирования на всей территории СССР, многие детали правового регулирования оставляют за рамками Основ. Тем самым они молчаливо относят к ведению республик функцию детального регулирования вопросов, не нормируемых непосредственно Основами. Так, в Основах подробно перечислены основания возникновения гражданских прав, содержатся основополагающие нормы об обязательствах, но не детализированы многие вопросы исполнения обязательств и полностью отсутствуют основания прекращения обязательств. Тем самым Основы молчаливо отнесли к ведению республики весь вопрос об основаниях прекращения обязательств, а также и другие вопросы, без решения которых неосуществимо правовое регулирование, предусматриваемое в Основах.

государственной власти и управления отнесены, в частности, обеспечение единства законодательного регулирования на всей территории СССР, установление основ законодательства Союза ССР и союзных республик, проведение единой социально-экономической политики, руководство экономикой страны, определение основных направлений научно-технического прогресса.

Действительно, республиканские гражданские кодексы включили многие нормы, детализирующие применение норм, установленных Основами. Если к ведению республики так или иначе отнесен определенный комплекс вопросов (конкретная функция регулирования), соответствующие нормы кодекса применимы ко всем отношениям, включающим такого рода вопросы, в том числе и к изобретательским.

Покажем это на примере. Нередко обязанность выплаты вознаграждения изобретателю, проживающему за пределами Москвы, лежит на министерстве или ведомстве, находящемся в Москве. Адрес изобретателя известен. Как исполнить такое обязательство? Если деньги перечислить по почте, кто несет почтовые расходы — плательщик или изобретатель? Законодательство об изобретательстве, а также и Основы не содержат норм, дающих ответ на эти вопросы. Отношение "пробуксовывает" и обязательство неисполнимо, если руководствоваться только общесоюзным законодательством. Суд не в состоянии решить спор, основываясь только на общесоюзном законодательстве, если предметом спора является распределение почтовых расходов по пересылке авторского вознаграждения. Необходимые нормы содержатся в республиканских кодексах, ибо в их ведении остались детали правового регулирования исполнения разнообразных (любых) гражданских обязательств. Место исполнения обязательства определяется по правилам ст. 174 ГК РСФСР (ст. 179 ГК ЭССР): по денежным обязательствам государственных юридических лиц обязательство исполняется в месте нахождения юридического лица. Это правило применимо и к изобретательским отношениям по выплате вознаграждения: автор должен либо получить

в Москве причитающуюся ему сумму, либо принять на свой счет расходы по ее пересылке по почте.

Другой пример. Изобретателю начислено вознаграждение, но место его жительства неизвестно. Как быть? И на этот вопрос нет ответа в общесоюзном законодательстве. Вопрос об исполнении обязательства в случаях отсутствия кредитора также оставлен в ведении республики, решен не в Основах, а в республиканских кодексах. Причитающиеся изобретателю деньги могут быть внесены в депозит нотариальной конторы в соответствии со ст. 185 ГК РСФСР (ст. 181 ГК ЭССР).

Исходя из "широкого" (функционального) подхода к определению пределов ведения республики при регулировании разнообразных отношений (включая изобретательские), правомерно включение в республиканские ГК правил, регламентирующих возврат необоснованно или излишне выплаченного авторского вознаграждения (ст. 474 ГК РСФСР, ст. 478 ГК ЭССР), и такое правомерно применение к изобретательским отношениям общих положений об обязательствах, содержащихся в республиканских кодексах и применимых к любым обязательственным отношениям (а потому не содержащих прямого указания на изобретательские отношения).

Анализ норм, входящих в раздел (подраздел) "Общие положения об обязательствах", выявил, что среди них имеется группа норм, относящаяся только к договорам (ст. 160-167, 177, 192-209 и некоторые другие статьи ГК РСФСР; ст. 165-172, 183, 195-213 ГК ЭССР), а также единичные нормы, причисляемые только ко внедоговорным отношениям по причинению вреда (см. тексты ст. 211 и 230 ГК РСФСР; ст. 216 и 235 ГК ЭССР). Но большую

группу норм составляют универсальные, равно применимые и к договорам, и ко внедоговорным обязательствам. Таковы многие нормы, относящиеся к исполнению обязательств, переводу долга по нему, прекращению обязательства и ответственности за его неисполнение. Эти нормы имеют существенное значение для регулирования внедоговорных обязательственных отношений в сфере изобретательства. Примеры, относящиеся к проблемам исполнения внедоговорных обязательств по изобретательскому праву, приведены выше. Вопрос о правомерности, порядке осуществления и условиях перевода долга актуален в изобретательских отношениях, поскольку министерства и ведомства, на которых нормой права возложена выплата поощрительных вознаграждений за служебные изобретения, зачастую перепоручают подведомственным предприятиям производить эти выплаты. Но особенно актуален вопрос о гражданской ответственности за неисполнение или просрочку исполнения обязательств в сфере изобретательских отношений.

Данные многочисленных проверок состояния дел с выплатой вознаграждения за использованные изобретения показывают, что причитающееся вознаграждение получает подавляющее меньшинство лиц, имеющих на него право (оплачивается не более 30% от общего числа использованных изобретений, а по отдельным министерствам лишь 2 - 4%). Массовому нарушению прав изобретателей способствует обстановка безответственности нарушителей закона. При этом не используется в должной мере возможность гражданской ответственности, предусмотренная в ст. 226 ГК РСФСР (ст. 231 ГК ЭССР и аналогичные статьи ГК других союзных республик).

Вызывает удивление позиция работников Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий, оказавшая негативное влияние на практику рассмотрения в судах исков, включающих требование о взыскании с ответчика 3%-ной пени за просрочку платежа причитающейся суммы вознаграждения. В отдельных случаях суды удовлетворяли такие требования в точном соответствии со ст. 226 ГК РСФСР, если находили, что ответчик виновен в просрочке исполнения обязательства. Но те, которые в порядке подготовки дела к слушанию запрашивали мнение Госкомитета по делам изобретений и открытий, обычно получали ответ следующего содержания:

"Статьей 111 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик предусмотрено, что изобретатель, которому выдано авторское свидетельство, в случае принятия его изобретения к внедрению, имеет право на вознаграждение, а также право на льготы в соответствии с Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях.

Обеспечение исполнения обязательств производится согласно закону или договору. Основами гражданского законодательства СССР и союзных республик, а также Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 21 августа 1973 г. № 584, не предусмотрена выплата предприятием 3% годовых с просроченной суммы в случаях несвоевременной выплаты вознаграждения.

Ответственность за неисполнение обязательств является одним из существенных условий договора и должна быть предусмотрена в письменном виде. Однако заключение письменного договора по

вопросу выплаты вознаграждения между автором и предприятием, использующим изобретение, действующим законодательством не предусмотрено.

В связи с этим, по нашему мнению, правило ст. 226 ГК РСФСР (ст. 214 ГК УССР) об уплате 3% годовых с просроченной суммы не распространяется на случаи несвоевременной выплаты вознаграждения предприятием" /6/.

Аргументация специалистов Госкомизобретений представляется ошибочной по следующим основаниям.

Неверно, будто отношения, связанные с выплатой вознаграждения за изобретение, регулируются только статьей 111 Основ и Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях и не регулируются другими гражданскими законами, в частности - республиканскими гражданскими кодексами. Смысл воспроизведения в республиканских гражданских кодексах раздела У1 Основ только в том и состоит, чтобы "привязать" к изобретательским отношениям общие нормы, содержащиеся в кодексе. Никакого другого смысла эта инкорпорация иметь не может.

Неверно, будто ответственность за неисполнение обязательств бывает только договорной. Поэтому несущественно, что закон не предусматривает письменного договора о выплате вознаграждения за изобретение.

Ст. 226 ГК РСФСР предусматривает ответственность в силу республиканского закона за неисполнение, в срок любых обязательств - как договорных, так и внедоговорных, независимо от того, в какой сфере общественных отношений они возникли. Оговорка в ст. 226 о том, что законом или договором может быть установлен иной размер процентов, указывает на то,

что ответственность может иметь место как за просрочку исполнения договорного обязательства, так и внедоговорного, возникающего из юридических фактов, указанных в законе. Обязательство по выплате вознаграждения изобретателю — частный случай такого внедоговорного обязательства, и поскольку закон не установил иного размера ответственности, ст. 226 ГК РСФСР подлежит применению не только по праву, но и по размеру.

Пленуму Верховного суда СССР следовало бы уделить внимание этому актуальному вопросу применения законодательства при разрешении судами споров о взыскании авторского вознаграждения, памятуя резолюцию XXVII съезда КПСС по Политическому докладу ЦК КПСС, в которой сказано: "Необходимо настойчиво поднимать ответственность кадров правоохранительных и других органов, связанных с практическим применением законов" 17, с. 109/. Республиканское гражданское законодательство должно в полной мере использоваться судебными и другими правоохранительными органами для реализации ответственности кадров в министерствах и на предприятиях, на которые возложено исполнение законодательства по изобретательству.

Итоговый вывод исследования. К изобретательским отношениям применимы общие положения, содержащиеся в разделе 1 Основ, а к обязательственным отношениям в сфере изобретательства — также и нормы об обязательствах, содержащиеся в главах 1 и 12 раздела III Основ. К ним применимы соответствующие нормы разделов I и III республиканских гражданских кодексов независимо от того, упоминаются ли в статье ГК изобретательские отношения, если к ведению республики отнесено раз-

решение вопроса, возникающего в частности и при регулировании изобретательского отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательстве. - М.: Госюриздат, 1950.
2. Научно-практический комментарий к ГК РСФСР. - М.: Юрид. лит., 1966.
3. Советское гражданское право. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. - Т.1.
4. Гражданское право Казахской ССР. - Алма-Ата, 1978. - Ч. 1.
5. Баврилов Э.П. Советское авторское право. - М.: Наука, 1984.
6. Письмо Госкомизобретений № 33-9/11564 от 9. 04. 1980, адресованное П.И. Авруцкому в связи с его спором, находившимся на рассмотрении в Харьковском областном суде.
7. Материалы XXУ11 съезда КПСС. - М.: Политиздат, 1986.

О ПОНЯТИИ "ПРОИЗВЕДЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ" В СОВЕТСКОМ АВТОРСКОМ ПРАВЕ

Х.А. Пизуке

В примерном перечне охраняемых авторским правом произведений наряду с другими результатами творческой деятельности зафиксированы "произведения архитектуры" (п. 7 ч. 3 ст. 479 ГК ЭССР; п. 8 ч. 3 ст. 475 ГК РСФСР). О некоторых результатах архитектурной деятельности (архитектурных, инженерных и иных технических планах, чертежах и рисунках) говорится также в ст. 519 ГК ЭССР (ст. 515 ГК РСФСР). Больше в гражданском кодексе о произведениях в области архитектурной деятельности не упоминается, им также не посвящено специальных статей.

Из текста закона не явствует, что понимать под "произведением архитектуры". Однако ответ на этот вопрос чрезвычайно важен, поскольку от правильного его решения зависит не только круг субъектов авторского права на это произведение, но и объем правомочий автора, их содержание, средства осуществления и защиты. Специфика архитектурной деятельности, состоящая в том, что архитектурные идеи и решения не сразу воплощаются в зданиях, сооружениях и их комплексах, а в начале объективируются (материализуются) в архитектурных проектах, вызвала в юридической литературе неодинаковое понимание того, что включает в себя понятие "произведение архитектуры". С этим, главным образом терминологическим вопросом, тесно связан и другой важнейший вопрос — какие же результаты архитектурной деятельности охраняются

авторским правом, т.е. являются объектами авторского права. Некоторые ученые при исследовании результатов архитектурной деятельности не идут дальше стадии проектирования и делают вывод, что выраженные в проекте (в эскизах, чертежах, рисунках, планах) идеи, представления, решения и т.д. и являются произведениями архитектуры /1, с. 55-56; 2, с. 95-96/. О зданиях и сооружениях авторы этой группы не упоминают, следовательно, такая проблема для них не существует. Таким образом, они однозначно решают и вопрос об объекте авторского права.

Другие же ученые (многие из них, к сожалению, терминологическому вопросу особого внимания не уделяют) включают в понятие "произведение архитектуры" наряду с проектом также возведенные по нему здания и сооружения. Однако в вопросе об объекте авторского права единая точка зрения среди них отсутствует. Одни ученые этой группы считают, что авторско-правовая охрана распространяется только на архитектурные проекты (планы, рисунки, чертежи и т.д.), а здания и сооружения остаются вне охраны авторским правом /3, с. 56/. Другие же считают объектами авторского права как архитектурный проект (планы, рисунки, чертежи и т.д.), так и возведенное по нему здание или сооружение /4, с. 11; см. также 11, с. 99/.

Возможен еще третий подход. Некоторые авторы, исходя из положений теории архитектуры, уделяют внимание и терминологическому аспекту вопроса. Как произведение архитектуры они рассматривают "здания с организованным внутренним пространством, ансамбли зданий, а также сооружения, служащие оформлению пространств (монументы, набережные и т.п.)"

15, с. 12; 6, с. 67/. Исходя из таких положений, ученые этой группы становятся на различные позиции в вопросе об объекте авторского права. По мнению одних, объектами авторского права в области архитектурной деятельности по действующему законодательству являются только проекты (эскизы, планы, рисунки, чертежи) 15, с. 12/. По существу, такой подход является отрицанием своего исходного и основного тезиса, поскольку в этом случае в используемый законодателем термин "произведение архитектуры" можно включить только проект или его части, а не здание или сооружение, как ими было показано при терминологическом обосновании вопроса. Другие же ученые признают объектами авторского права либо только здания или сооружения 17, с. 11/, либо как архитектурные проекты (планы, рисунки, чертежи и т.д.), так и возведенные по ним здания и сооружения 18, с. 99-101; 12, с. 37/. Последняя точка зрения будет исходной и для нашего дальнейшего исследования.

Д.Б. Якуб исходит из выводов теории архитектуры и строит свою концепцию, опираясь на специфику результатов двух стадий архитектурной деятельности - проектирования и строительства. Результаты этих стадий (соответственно проект и здание или сооружение) она называет самостоятельными произведениями архитектуры. Д.Б. Якуб утверждает, что в качестве объектов авторского права здания и сооружения охватываются и советским законодательством, хотя в нем и не содержится прямого указания на них. Во всяком случае, оно не содержит препятствий для признания зданий и сооружений объектами авторского права. Здания и сооружения, по ее мнению, можно признать объектами авторского права потому, что они

охватываются общим понятием "произведения искусства" /9, с. 5-7/.

В противоположность концепции Д.Б. Якуб М.М. Кахадзе, называя результаты обеих стадий архитектурной деятельности также произведениями архитектуры, утверждает, что по действующему советскому законодательству объектом авторского права является только проект; здания и сооружения остаются вне авторско-правовой охраны. Однако он считает целесообразным, что "наряду с проектами, следовало бы в законодательном порядке признать объектом авторского права здания и сооружения" /10, с. 12-16/. Такие подходы, однако, не соответствуют теории архитектуры, из которой эти ученые, по их же словам, исходят.

Установление правовой охраны определенного результата творческой деятельности имеет смысл лишь тогда, когда это исходит из общих принципов соответствующего вида искусства. Среди ученых, наверно, не вызывает возражений утверждение, что юридическое определение произведения архитектуры должно базироваться на соответствующем понятии теории архитектуры. Однако в литературе по этому вопросу архитектура трактуется как "система зданий и сооружений, представляющая собой художественно организованное пространство", а произведение архитектуры единодушно интерпретируется как здание, сооружение или их комплекс (ансамбль, микрорайон, город) /13, с. 88/. Именно из этих основ, на наш взгляд, должна исходить и теория авторского права. Здания и сооружения, их комплексы являются конечной целью архитектурной деятельности. На достижение этой цели направлены как две стадии капитального строительства (проектирование, стро-

ительство), так и творческий процесс архитектора. В то же время результаты творческого процесса архитектора проходят три взаимосвязанных этапа этого творческого процесса: 1) идеальной, 2) иллюзорной и 3) натуральной формы произведения архитектуры /14, с. 136/.

Во время первого, так называемого этапа идеальной формы произведения архитектуры в сознании архитектора рождается идеальное представление как о будущем здании или сооружении, их комплексе в целом, так и об отдельных их элементах. Этот этап представляет собой процесс познания, в котором с помощью мышления (как репродуктивного, так и продуктивного) и воображения разрешается функциональная (утилитарная), конструктивная и художественная стороны будущего здания, сооружения, их комплекса. Архитектор должен продумать и проанализировать многие факторы: назначение будущего здания или сооружения, его место расположения, природные и климатические условия участка, используемые строительные материалы, действующие строительные нормы и правила и т.д., найти художественный образ и принять соответствующие решения. Таким образом, уже на этом этапе архитектор пытается все представить пространственно, в натуре (в среде). С правовой точки зрения идеи, мысли, представления, решения и т.п. в сознании архитектора на этом этапе объектами правовой охраны быть не могут.

Во время второго, так называемого этапа иллюзорной формы произведения архитектуры идеи, представления и решения архитектора о функциональной, конструктивной и художественной стороне

будущего здания или сооружения, их комплекса приобретают первичную материальную форму посредством методов архитектурной графики и пластики. Результаты идеального этапа овещаются в разных частях проекта и одновременно становятся доступными восприятию других людей. С точки зрения теории архитектуры, проект является только промежуточным результатом архитектурной деятельности, иллюзорной моделью будущего здания или сооружения, т.е. только изобразительным средством, помогающим архитектору при дальнейшей проработке и претворении в жизнь принятых решений. По высказыванию известного советского архитектора К.С. Мельникова: "Увидеть Архитектуру по проектам то же, что услышать Музыку по нотам" /15, с. 24/.

И с экономической точки зрения проект как продукт стадии проектирования является промежуточным результатом всей архитектурной деятельности (капитального строительства). Совершенно прав Ю.Г. Басин, утверждая, что результатом стадии проектирования "проектные материалы — как таковые не обладают потребительной стоимостью; если бы они не воплощались в выстроенных зданиях и сооружениях ... , то не представляли бы сами по себе никакой реальной ценности" /16, с. 74/. Проект дает ответы на вопросы — что и как надо делать, чтобы достичь необходимого конечного результата.

Именно во время иллюзорного этапа творческого процесса архитектора появляется произведение, являющееся бесспорным (у некоторых ученых и единственным) объектом авторского права. Однако некоторые ученые называют объектом авторского права проект в целом /4, с. 11; 10, с. 14-16; 17, с. 104/, другие говорят

как о проекте, так и о планах, рисунках, чертежах и т.д. /2, с. 95; 3, с. 56; 8, с. 99-100; 9, с. 5/, третьи же считают охраняемыми авторским правом произведениями только отдельные части проекта — эскизы, планы, рисунки, чертежи и т.д. /1, с. 56; 5, с. 12; 6, с. 67/. Мнение о том, что авторским правом охраняется лишь архитектурная часть проекта, прямо высказано Ю.Г. Басиним /16, с. 77/, В.А. Рассудовским /18, с. 69/ и др. Последняя точка зрения и по нашему мнению является оправданной и базирующейся на действующем авторском законодательстве.

Не надо забывать, что архитектурный проект не является только результатом духовного производства, он имеет также черты результата материального производства и планового документа /16, с. 73/. Проект (рабочий проект) — это сложный комплект документов, состоящий из частей и разделов, каждый из которых имеет определенное самостоятельное значение (например, общая пояснительная записка, архитектурно-строительные и технологические решения, сметная документация, документация организации строительства и т.д.). Таким образом, в каждом проекте можно выделить 1) его архитектурную часть, т.е. объективированные идеи и решения архитектора о функциональной, конструктивной и художественной стороне будущего здания, сооружения или их комплекса, и 2) практические — технические и организационные решения о методах осуществления архитектурных идей и решений в натуре. О том, что объектом авторского права является лишь архитектурная часть проекта, свидетельствует и то, что в разделе 19 ГК "Авторское право" говорится об "архитектурных планах, чертежах и рисунках" (ст. 519 ГК ЭССР;

ст. 515 ГК РСФСР), а не о "проекте".

На наш взгляд, архитектурные идеи и решения выражаются в таких произведениях архитектурной графики, как эскизы (предшествуют проекту), планы, схемы, разрезы, фасады, перспективы, (общее понятие - "чертеж"), рисунки, а также в произведениях архитектурной пластики - макетах и моделях. Именно эти произведения как результаты стадии проектирования охраняются и авторским правом. Законодательной основой признания этих результатов объектами авторского права являются п. 7 ч. 3 ст. 479 (рисунки, чертежи), п. 10 ч. 3 ст. 479 (планы, эскизы и пластические произведения) и ст. 519 ГК ЭССР (соответственно п. 8 и 9 ч. 3 ст. 475, ст. 515 ГК РСФСР). В интересах терминологического разграничения назовем эти результаты архитектурной деятельности, обладающие признаками графического, научного и литературного произведения, произведениями архитектурной графики и пластики.

На третьем, так называемом эта - п е н а т у р а л ь н о й ф о р м ы п р о и з в е д е н и я а р х и т е к - т у р ы процесс архитектурной деятельности заканчивается. "Прежде в голове, затем на бумаге и, наконец, в натуре - таков процесс творчества архитектора", - пишет В.Ю. Циркунов /14, с. 176/. В то же время на стадии строительства творческий процесс архитектора продолжается. Нередко принятое решение нуждается в изменениях и дополнениях (этим сопровождаются и соответствующие изменения чертежей и других частей проекта). Архитекторы даже обязаны уточнять и совершенствовать проектные решения в стадии строительства /19, п. 2.5./ . Творческий процесс архитектора на этой стадии

находит свое организационное выражение в осуществлении авторского надзора /23/.

В теории архитектуры исходным является тезис, по которому архитектура — это реальная пространственная среда, а произведения архитектуры — это именно здания, сооружения, их комплексы, составляющие в совокупности эту среду. Только при такой трактовке можно понять специфику этого вида искусства: удовлетворять одновременно как утилитарные, так и художественные потребности людей. Оценивать произведение архитектуры — это значит оценивать выразительные стороны здания или сооружения, их комплекса. Именно они становятся факторами общественного сознания; восприятие их порождает разные эмоции, вызывает различные взгляды и оценки. Части проекта не позволяют воспринимать действительное пространство и его компоненты (симметрию, свет, цвет, акустику и т.д.) как снаружи, так и внутри здания (интерьер), синтез искусств на основании архитектуры и т.п. Различного рода премии Союза ССР (Ленинские, Государственные, Совета Министров СССР и др.) и союзных республик присуждаются и за лучшие "произведения архитектуры" — здания и сооружения. Это прямо зафиксировано в законодательстве /20, п. 1 и 4/.

"На положение произведения (подчеркнуто нами — Х.П.) в живописи может претендовать только картина, в искусстве ваяния — только скульптура и т.д. Они отвечают природе этих искусств..." /21, с. 8/.

Вряд ли вызовет возражение утверждение, что в авторском законодательстве и в правовой науке картина, скульптура, графический лист и ваза являются соответственно произведениями живописи,

скульптуры, графического и декоративно-прикладного искусства (п. 7 ч. 3 ст. 479 ГК ЭССР; п. 8 ч. 3 ст. 475 ГК РСФСР), хотя и эти произведения проходят, как правило, иллюзорный этап произведения, где соответствующие идеи и решения существуют в виде эскизов, рисунков, чертежей, макетов и т.д. Аналогично на положение произведения архитектуры с юридической точки зрения может, на наш взгляд, претендовать только возведенное здание или сооружение, их комплекс. Поскольку произведения архитектурной графики и пластики (рисунки, чертежи, макеты и т.п.) можно признать объектами авторского права на других юридических основаниях, то вывод может быть только один: под произведением архитектуры в смысле п. 7 ч. 3 ст. 479 ГК ЭССР (п. 8 ч. 3 ст. 475 ГК РСФСР) следует понимать здание, сооружение или их комплекс и т.п. Такой вывод вытекает как из теории искусства, общих положений авторского права, так и из соответствующего законодательства.

Здание, сооружение или их комплекс как диалектическое единство архитектурно-строительных идей и решений архитектора и соответствующего строительного материала имеет аналогично проекту двоякое значение. С одной стороны, это продукт материального производства (вещь), удовлетворяющий определенные материальные потребности людей (в жилище, производстве, хранилище, быте и т.д.). Выполнению соответствующей функции (утилитарная сторона архитектуры) подчинены и конструктивные решения данного здания или сооружения. Такая материальная вещь, имеющая лишь потребительную стоимость (удовлетворять чисто материальные потребности людей) на месте объекта

авторского права, конечно, претендовать не может. Однако, с другой стороны, соответствующее здание, сооружение или их комплекс — это объективная реальность существования произведения архитектуры, т.е. архитектурно-художественных идей и решений в диалектическом единстве со строительными материалами. Здание или сооружение как произведение искусства — уже не чисто материальный продукт (носитель только утилитарных качеств), а особый продукт человеческой деятельности, вызывающий у воспринимающего (зрителя, пользователя) определенные эмоциональные чувства (художественное наслаждение). В таком виде здание или сооружение выступает как обобщение социальных и художественных идеалов общества на данном этапе его развития, как выразитель определенных идей (идеологии) общества. Авторско-правовой охране может подлежать именно это — художественная сторона здания или сооружения, однако в диалектическом единстве с функциональной (утилитарной) и конструктивной стороной, поскольку они все слиты, если не сказать, что архитектурная сторона базируется на функциональной и конструктивной сторонах. Высказанное подтверждается и тем, что, например, Государственные премии СССР в практике присуждаются авторским коллективам именно "за архитектуру" зданий, сооружений или их комплексов (ансамблей) /22, с. 3/. Выделять эти две стороны следует потому, что не все здания и сооружения могут претендовать на художественное обобщение действительности, следовательно, и на положение объекта авторского права.¹

¹ Вопрос о том, какие здания или сооружения являются произведениями архи-

При определении произведения архитектуры в науке гражданского права целесообразно исходить из существенных юридических, а также значимых онтологических моментов существования этого произведения как результата определенного вида человеческой деятельности. С нашей точки зрения произведение архитектуры — это объективированный (материализованный) в строительном материале конечный творческий результат архитектурной деятельности, который выступает одновременно как утилитарная и художественная ценность. Произведения архитектурной графики и пластики — это творческие результаты первой стадии архитектурной деятельности — проектирования (эскизы, чертежи, рисунки, макеты и модели), посредством которых архитектурные идеи и решения воплощаются в произведениях архитектуры — зданиях, сооружениях, их комплексах и т.п.

Следует еще раз отметить, что примерный перечень охраняемых авторским правом произведений, зафиксированный в ч. 3 ст. 479 ГК ЭССР (ч. 3 ст. 475 ГК РСФСР), признает объектами авторского права все результаты творческой архитектурной деятельности, в том числе и здания, сооружения, их комплексы как действительные произведения архитектуры. Для того, чтобы в нашей практике и литературе внедрилась точка зрения, учитывающая истинную сущность архитектуры как вида искусства, на наш взгляд, целесообразно сделать в ГК некоторые уточнения. Например, можно было бы включить в примерный перечень охраняемых авторским правом произведений "произведения архитектурной

тектуры, т.е. и объектами авторского права, в данной статье не исследуется.

графики и пластики" и "произведения архитектуры" (с соответствующим уточнением - "здания, сооружения, их комплексы и т.п.", или без этого). Наряду с этим архитектуре как одному из важнейших искусств и "самому массовому" виду искусства следовало бы посвятить в ГК специальную статью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитина М.И. Авторское право на произведения науки, литературы и искусства. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972.
2. Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Авторское право. - М.: Госкириздат, 1957.
3. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. - М.: Изд-во АН СССР, 1956.
4. Фаддеева Т.А. Право авторства по Советскому гражданскому праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1958.
5. Гражданское право БССР / Под ред. В.Ф.Чигира. - Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1978. - Т. 111.
6. Матвеев Ю.Г. Международные конвенции по авторскому праву. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Междунар. отношения, 1978.
7. Ландкоф С.Н. Киноавторское право: (Лекции для студентов). - Киев: Б.и., 1963.
8. Райгородский Н.А. Права советского архитектора // Вестн. ЛГУ. Сер. экономики, философии и права. - 1961. - № 11.
9. Якуб Д.Б. Вопросы авторского права

- на произведения архитектуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1970.
10. Кахадзе М.М. Гражданско-правовое регулирование конкурса в области архитектуры: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тбилиси, 1975.
 11. Гаврилов Э.П. Советское авторское право: Основные положения. Тенденции развития. - М.: Наука, 1984.
 12. Савельева И.В. Правовое регулирование отношений в области художественного творчества. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986.
 13. Яралов Ю.С. Архитектура // Художественная культура: Понятия. Термины. - М.: Знание, 1978.
 14. Циркунов В.Ю. Об эстетической природе зодчества. - М.: Стройиздат, 1970.
 15. Хан-Магомедов С. "Творчество там, где можно сказать - это мое": (К 90-летию со дня рождения архитектора К.С. Мельникова) // Декоративное искусство. - 1980. - № 12.
 16. Басин Ю.Г. Некоторые особенности правоотношений по проектированию // Правоведение. - 1964. - № 1.
 17. Шугурова М.А. Вопросы авторского права в архитектуре // Проблемы советского авторского права. - М.: Б.и., 1979.
 18. Рассудовски В.А. Актуальные проблемы авторского права на научные произведения // Проблемы советского авторского права. - М.: Б.и., 1979.
 19. Положение об авторстве на произведения архитектуры в проектных институтах Госстроя Эстонской ССР: Утв. прик. Госстроя ЭССР 5 октября 1979 г. № 190 // Сб. нормативных материалов. - М.: Союз архитекторов СССР, 1986.

20. Положение о Государственных премиях Эстонской ССР: Утв. пост. ЦК КП Эстонии и Совета Министров ЭССР от 2 марта 1982 г. № 126 // ВВСП ЭССР. - 1982. - № 27. - Ст. 403.
21. Раппопорт С.Х. От художника к зрителю: Как построено и как функционирует произведение искусства. - М.: Сов. художник, 1978.
22. О присуждении Государственных премий СССР 1987 года в области литературы, искусства и архитектуры: Пост. ЦК КПСС и Совета Министров СССР // Правда. - 1987. - 7 нояб.
23. Пизуке Х.А. Вопросы авторского надзора проектных организаций в стадии строительства // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1986. - Вып. 758.

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

П. А. Варул

Происходящий в ходе перестройки процесс демократизации и осуществляемая экономическая реформа влекут за собой значительный рост возможностей и свободы деятельности как для граждан, так и для организаций. Естественно, что вместе с правами и возможностями повысятся и станут более конкретными и взаимные обязанности, в т.ч. и правовые. Но так как каждая правовая обязанность в принципе должна быть гарантирована какой-либо мерой правовой ответственности, то вполне понятно, почему вопросы правовой ответственности находятся в центре внимания правоведов. Целью данной статьи является рассмотрение некоторых проблем одного из видов правовой ответственности — гражданско-правовой ответственности.

В настоящее время, когда предстоит основательное дополнение Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, гражданских кодексов союзных республик и всего гражданского законодательства, особенно важное значение приобретают устойчивые концепции по центральным вопросам. Это должно обеспечить качество как новых, так и исправляемых нормативных актов. Сказанное касается и гражданско-правовой ответственности. С гражданско-правовой ответственностью связан ряд уже долгое время оспариваемых проблем. Одной из причин (а также и следствий) такого положения является то обстоятельство, что в нормах,

содержащих меры гражданско-правовой ответственности, имеется много противоречивого, эклектического, отсутствует система ответственности, основывающаяся на определенных критериях, не все гражданско-правовые обязанности гарантированы мерами ответственности.

В гражданском законодательстве отсутствует определение понятия ответственности. В различных гражданско-правовых нормах термин "ответственность" используется в разных значениях. Кроме того, в некоторых нормах, по существу устанавливающих ответственность, словесно это не выражается (например, ст. 60 ГК ЭССР, ст. 58 ГК РСФСР), в то время как термин "ответственность" используется в таких нормах, которые содержат не только меры ответственности (например, ст. 458 ГК ЭССР, ст. 454 ГК РСФСР). Все это свидетельствует об отсутствии единой концепции об ответственности в гражданском законодательстве, что затрудняет толкование соответствующих норм и одновременно препятствует более эффективному применению мер гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, важно, чтобы в Основах и гражданских кодексах союзных республик было введено определение понятия гражданско-правовой ответственности. Другой вопрос, конечно, каким должно быть это определение. Несмотря на живой научный интерес, проявляющийся в отношении гражданско-правовой ответственности, пока еще не смогли разработать ее общепризнанное определение. Объем данной статьи не позволяет остановиться на этом вопросе более подробно, свои основные точки зрения по этому поводу мы уже высказали /1/. Обратим лишь здесь внимание на некоторые требования методоло-

гического характера, которые непременно нужно иметь в виду при определении понятия гражданско-правовой ответственности. Во-первых. Поскольку гражданско-правовая ответственность является видом правовой ответственности, то ее понятие должно отражать и все те общие признаки, которые характерны для правовой ответственности в целом. Во-вторых. Понятие гражданско-правовой ответственности должно отражать то существенное и общее, что характерно для ее мер. Последние имеют, в отношении понятия ответственности как общего понятия, значение единичного. В-третьих. При определении понятия гражданско-правовой ответственности не следует принимать за непоколебимые истины формулировки, данные в законодательстве, тексты правовых норм следует анализировать критически, не догматически.

Ответственность устанавливается для воздействия на правонарушителя, что является ее главной функцией. То обстоятельство, что в гражданском праве через применение ответственности происходит одновременно защита нарушенных субъективных прав потерпевшего, не означает, что основной функцией гражданско-правовой ответственности следует считать ее компенсационную функцию. Гражданско-правовая ответственность, как и правовая ответственность вообще, является государственной реакцией на правонарушения, осуждением правонарушения и правонарушителя. Если нет оснований для государственного осуждения, то нет и оснований говорить о правовой ответственности. Но дело не ограничивается только тем, есть основания для осуждения или нет: это осуждение должно быть реально выражено (установлено) через конкретные меры. Правонарушение может осуждаться (в

принципе любое правонарушение должно осуждаться), но если это осуждение не выражается через специфическую правовую меру (санкцию), то не может быть и речи о наличии правовой ответственности. Понятие гражданско-правовой ответственности должно отражать соответствующее специфическое гражданско-правовое явление, в противном случае оно не имеет самостоятельного значения. Определение понятия гражданско-правовой ответственности через понятие государственного принуждения или санкции, а также ее отождествление с исполнением уже имеющих, т.н. регулятивных юридических обязанностей, не позволяет раскрыть содержания, присущего только гражданско-правовой ответственности как самостоятельному явлению.

Таким образом, мы считаем, что гражданско-правовую ответственность можно определить как выраженное в гражданско-правовых санкциях государственное осуждение нарушения субъективных гражданских прав. Вместе с субъективным правом одновременно нарушается и его нормативное основание — норма права или договор.

В гражданском праве ответственность органически связана с защитой нарушенного субъективного права. Поскольку онтологически меры гражданско-правовой ответственности являются одновременно и мерами защиты субъективного права, то тем более важно различать меры ответственности и меры защиты на функциональном уровне. Если рассматривают ту или иную санкцию как меру ответственности, то ее следует понимать как используемую в отношении правонарушителя наказательно-воспитательную меру. Санкция как мера гражданско-правовой ответственности

имеет в качестве основной именно воспитательно-наказательную функцию. В качестве дополнительных функций, конечно, можно еще различать сигнализирующую и т.п., но восстановительно-компенсационная функция тут отсутствует. О восстановительно-компенсационной функции можем говорить, рассматривая ту же меру в качестве меры защиты по отношению к потерпевшему. Польский ученый В. Радецкий справедливо отмечает, что одним из важнейших направлений в современной гражданско-правовой науке является стремление преодолеть суждение о компенсационных задачах гражданско-правовой ответственности /2, с. 105/. Понятно, что гражданско-правовая санкция является мерой ответственности для правонарушителя, в отношении которого нельзя говорить о компенсации, а о его обязанности возместить вред, уплатить неустойку или т.п. У той же меры (возмещение вреда, неустойка) имеется компенсационная функция только в отношении потерпевшего, но в данном случае эта мера выступает как мера защиты. До сих пор спор шел в первую очередь о том, какая из функций гражданско-правовой ответственности важнее — компенсационная или наказательная. Мы считаем, что такая постановка вопроса является неточной. Если рассматривать какую-либо гражданско-правовую санкцию вообще, на ее онтологическом уровне, то, конечно, можно говорить об обеих ее функциях. Рассматривая же эту санкцию как меру ответственности, мы видим, что компенсационная функция у нее отсутствует.

Мерами гражданско-правовой ответственности являются только такие санкции, которые представляют собой возложение дополнительных юридических обязанностей

на правонарушителя или лишение его какого-либо субъективного права. Через эти меры и выражается гражданско-правовая ответственность как осуждение. Существенно то, что кроме самого правонарушителя осуждается также и правонарушитель. Именно вследствие этого обстоятельства в отношении его предусмотрены ущемления имущественного характера. Дело в том, что каждое правонарушение в принципе является осуждаемым¹. Но не всегда лицо, нарушившее право, несет ответственность (например, недееспособные лица), т.е. нельзя говорить о правовом осуждении лица. Ответственность несут какие-либо другие лица, или же ответственность вообще отсутствует. Для того, чтобы осудить правонарушителя, он должен быть виновен в своем противоправном поведении. При т.н. безвиновной ответственности возникает вопрос - какую функцию она выполняет по отношению к правонарушителю? Утверждается, что все-таки воспитательно-наказательную, так как субъект ответственности должен быть максимально внимательным и предусмотрительным, чтобы предотвратить правонарушение; субъективным основанием ответственности вместо вины здесь считается риск как субъективная категория /3, с. 77/. Рассматривая риск как субъективную категорию, из этого тем не менее не следует, что он должен быть непременно субъективным основанием ответственности. Так как в гражданском праве есть санкции, которые не представляют собой мер ответственности, то естественно, что у этих санкций должно быть свое субъективное основание, отличное от вины. Одним из таких

¹ Правонарушение рассматриваем здесь как противоправное поведение.

оснований как раз и может являться риск. То есть это значит, что признание риска субъективной категорией еще не имеет следствием наличие безвиновной гражданско-правовой ответственности.

В Основах и гражданских кодексах следовало бы провести более четкую границу между санкциями, являющимися мерами ответственности, и санкциями, не являющимися таковыми. Для того, чтобы санкция могла быть мерой гражданско-правовой ответственности, она должна соответствовать по меньшей мере двум признакам: 1) в отношении нарушенных прав и неисполненных обязанностей, являющихся содержанием нарушенного регулятивного правоотношения, она должна представлять собой новое качество — именно в новой обязанности или в лишении субъективного права и выражается ответственность; и 2) она должна основываться на виновном поведении. Если отсутствует хотя бы один из этих признаков, то имеем дело с такой санкцией, которая не является мерой ответственности. Одной из специфических особенностей гражданско-правового регулирования и является то обстоятельство, что ответственность не должна наступать как следствие всякого противоправного поведения, а им может быть какое-либо другое последствие (признание сделки недействительной и применение двусторонней реституции, возмещение безвиновно причиненного вреда и т.п.). Такое различие имеет значение лишь для правонарушителя, для потерпевшего все санкции представляют собой меру защиты его субъективных прав. Субъективные основания для применения санкций, не являющихся мерами ответственности, в отношении правонарушителя могут быть самыми разными. Например, незнание действительных обстоятельств при

заключении сделки, что влечет за собой возможность признания сделки недействительной (ст. 59 ГК ЭССР, ст. 57 ГК РСФСР) и т.п., в том числе и риск, если рассматривать его как субъективную категорию. Распространено утверждение, согласно которому признание в гражданском праве виновной ответственности означает его криминализацию. С таким утверждением трудно согласиться. Сущность правовой ответственности остается неизменной при всех ее видах, так как она и проявляется, и существует вообще через них. На уровне сущностной категории гражданско-правовая ответственность схожа с другими видами правовой ответственности, в том числе и с уголовной ответственностью. Различие же видов правовой ответственности состоит в том, что одинаковая сущность выражается в разном содержании. Криминализацией гражданского права следовало бы считать попытку признавать все гражданско-правовые санкции мерами ответственности. Ведь в уголовном праве действует принцип, согласно которому уголовно-правовые санкции являются все одновременно и мерами уголовной ответственности (наказаниями). Но одним из специфических признаков гражданско-правового регулирования следует считать именно то обстоятельство, что часть санкций тут не представляет собой мер ответственности.

В Основах и гражданских кодексах отсутствует корректная система мер ответственности. На это обстоятельство в последнее время все больше обращалось внимания /4; 5/. Ненормальным является существующее положение, при котором ответственность сволится лишь к институту обязательственного права. Для усовершенствования системы гражданско-правовой

ответственности сделаны различные предложения. Так, Е.А. Суханов считает целесообразным в структуре Основ и гражданских кодексов свести нормы ответственности в определенный отдел (наряду с правом собственности, обязательственным правом и т.д.) /4, с. 45/. В.Ф. Попондопуло делает принципиально другое предложение — по его мнению, каждый основной гражданско-правовой институт должен содержать также и ответственность. Так, предложенная данным автором система гражданско-правовой ответственности выглядит следующим образом: а) общие положения об ответственности за нарушение гражданских прав; б) ответственность за нарушение личных благ; в) ответственность за нарушение прав собственности; г) ответственность за нарушение обязательственных прав /5, с. 74/. Следуя предложению В.Ф. Попондопуло, исключаются как самостоятельные части системы ответственности глава 12 "Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда" и глава 13 "Обязательства, возникающие вследствие спасения социалистического имущества" Основ и соответствующие им главы гражданских кодексов союзных республик. Соответствующие нормы тогда следовало бы поместить в другие части структуры системы гражданского права, в зависимости от того, из нарушения какого гражданского правоотношения соответствующее охранительное обязательство возникает /5, с. 73-74/.

Оправданным является при систематизации мер ответственности исходить из критерия определения того, какое регулятивное гражданско-правовое отношение нарушено. Но это не должно быть единственным критерием, следует также учитывать нормотехнические требования. В первом

разделе Основ "Общие положения" и первой главе гражданских кодексов "Основные положения" первой части "Общие положения" следовало бы дать определение понятия гражданско-правовой ответственности, основания ее применения и основные меры, также указать общие основания освобождения от ответственности.

Целесообразно было бы посвятить отдельную главу в гражданских кодексах регулированию личных неимущественных отношений, которая содержала бы и меры ответственности за соответствующие нарушения. Сложнее проблема ответственности при нарушении права собственности. Мы считаем, что является неправильным помещение глав об обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда, из раздела обязательств в раздел права собственности. Если право собственности нарушается путем причинения вреда, то возникшее правоотношение по своему характеру является обязательством, на которое должны распространяться также общие положения об обязательствах, и поэтому перенос его из обязательственного права в право собственности является неоправданным. Отдельно необходимо решать вопрос о том, не должен ли и институт права собственности содержать меры ответственности и в чем они заключаются. В настоящее время в ст. ст. 28 и 29 Основ и главе 14 гражданских кодексов речь идет лишь о защите права собственности. Развитие законодательства должно было бы здесь идти в направлении различения тех нарушений права собственности, при которых есть основание говорить об ответственности нарушителя (например, недобросовестного приобретателя). Естественно, здесь речь идет об ответственности, наступающей вследствие таких

нарушений, формой реализации которых не является обязательство, возникающее из причинения вреда.

Необходимо существенно упорядочить систему мер ответственности в общих положениях об обязательствах гражданских кодексов. Глава 19 ГК "Ответственность за нарушение обязательств" должна содержать только такие нормы, в которых выражена мера ответственности. Но этого нельзя сказать, например, о ст.ст. 224, 225, 226 ГК ЭССР (ст.ст. 217, 218, 221 ГК РСФСР). Нормы о неустойке следовало бы перенести из гл. 17 "Обеспечение исполнения обязательств" гражданского кодекса в гл. 19, так как в виде неустойки имеем дело прежде всего с мерами гражданско-правовой ответственности. В 17 главе можно было бы оставить только отсылающую норму - что одним из средств обеспечения обязательства является неустойка, предусмотренная в нормах главы 19.

Усовершенствование системы гражданского права должно одновременно обеспечить и реализацию одного из главных требований относительно его метода регулирования, а именно - чтобы каждая гражданско-правовая обязанность была бы гарантирована соответствующей мерой ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варул П.А. Методологические проблемы исследования гражданско-правовой ответственности. - Таллин: Ээсти раамат, 1986.
2. Радецкий В. Некоторые проблемы гражданско-правовой охраны окружающей

среды в Польше // Сов. гос-во и право. - 1987. - № 12.

3. Ойгензихт В.А. Проблема риска в гражданском праве. - Душанбе: Ифрон, 1972.
4. Суханов Е.А. Место и функции института ответственности в социалистическом гражданском праве // Вопросы государства и права / Под ред. Г.П. Савичева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
5. Попондопуло В.Ф. О системе ответственности по гражданскому праву // Уч. зап. Тарт. ун-та. - 1987. - Вып. 765: О роли юридической ответственности в условиях ускорения социально-экономического развития.

"ЧУЖОЙ" ИНТЕРЕС КАК ОБЪЕКТ ЗАЩИТЫ ПРИ ОСПАРИВАНИИ СДЕЛКИ

Я.Э. Розенфельд

Субъектами, осуществляющими защиту "чужого" интереса при оспаривании сделки, являются: 1) попечитель (ст. ст. 52, 54 ГК¹), 2) государственные или общественные организации (ст. 59 ГК), 3) прокурор.

При оспаривании попечителем сделки несовершеннолетнего (ст. 52 ГК) происходит столкновение различных представлений попечителя и несовершеннолетнего об интересах несовершеннолетнего как условиях, способствующих жизнедеятельности последнего. При этом, согласно нашему законодательству, суд не только не обязан, но и не вправе обсуждать, правильным является представление об условиях жизнедеятельности несовершеннолетнего, сложившееся у попечителя, или нет. В качестве сделок, заключаемых самостоятельно самим несовершеннолетним, указаны только сделки по распоряжению заработком или стипендией. Совершенно отсутствуют нормы, позволяющие самостоятельно сделки, приносящие несовершеннолетнему "правовую выгоду", характерные для законодательства ряда буржуазных стран /1, с. 86-88/. Механизмом оспаривания сделки, предусмотренным в ст. 52 ГК, неимущественный интерес явно ставится над имущественным. На первый план выдвигается воспитательная функция. С другой стороны, то обстоятельство, что оспаривание

¹ Здесь и далее — Гражданский кодекс Латв. ССР.

сделки несовершеннолетнего зависит всецело от усмотрения попечителя, не гарантирует должной защиты интересов несовершеннолетнего. Представляется необходимым предусмотреть некоторые материально-правовые пределы действительности таких сделок и ответственности несовершеннолетнего. Так, следовало бы установить недействительность сделок несовершеннолетних, направленных на обеспечение обязательства, по которому обязанность исполнения лежит на совершеннолетнем (поручительство, соглашение о залоге). Целесообразно также ограничить ответственность несовершеннолетнего по сделке, установив его ответственность лишь за положительный убыток и освободив его от обязанности возместить неполученную прибыль. Такие ограничения, перелагающие часть ответственности по сделке на другого ее участника, вполне обосновываются неопытностью несовершеннолетнего. Между тем сослаться на свою неопытность как основание для расторжения сделки несовершеннолетний не может. Расторжение такой сделки зависит всецело от усмотрения попечителя. В этой неограниченной зависимости от усмотрений попечителя и, с другой стороны, полной ответственности несовершеннолетнего по результатам сделки, если попечитель по каким-то причинам не пожелает осуществить свое право на оспаривание сделки несовершеннолетнего, кроется правовая аномалия, которую трудно объяснить из сущности данных отношений. Установить материально-правовые пределы действительности сделок несовершеннолетних в возрасте 15 - 18 лет означало бы перенести центр тяжести интереса, защищаемого при оспаривании такой сделки, в имущественном плане и устранить чуждый сделочному правоотношению

неимущественный элемент, приходящий из семейного права. Впрочем, и с точки зрения семейно-правовых, неимущественных интересов было бы правильнее устранить по возможности черты неограниченной власти воспитателя над судьбой правовых актов воспитуемого как не соответствующие духу времени. Возможно даже и такое регламентирование действительности сделок несовершеннолетних, которое исходит из разумности волеизъявления несовершеннолетнего (критерий "правовой выгоды" совершаемой сделки). Во всяком случае ныне действующий механизм, установленный в ст. 52 ГК, призванный как будто бы осуществлять защиту "чужого" интереса, может легко обернуться и против этого интереса. Будучи лишенным возможности выяснить разумность поступков попечителя, их соответствие действительным условиям жизнедеятельности подопечного, суд вынужден аннулировать вполне оправданный с любой точки зрения правовой акт несовершеннолетнего, даже если иск заявлен попечителем исключительно в своих интересах, например, с целью утверждения своей власти воспитателя.

Оспаривание сделки по ст. 52 ГК (сделка гражданина с ограниченной дееспособностью вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими веществами) проводится прежде всего в интересах семьи субъекта сделки. На это указывают уже основания признания алкоголика ограниченно дееспособным (ст. 16 ГК). Однако попечитель, обычно будучи членом семьи алкоголика и защищая семейные интересы как свои собственные, косвенно проявляет заботу также о защите "чужого" интереса — имущественного положения самого алкоголика. Особенно рельефно защита попечителем "чужого"

интереса в таком ракурсе выступает по законодательству тех союзных республик, где условием ограничения дееспособности лица, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими веществами, признается постановление "семьи и себя" (ст. 15 ГК УССР) или "себя" (ст. 15 ГК МолдССР) в тяжелое материальное положение. Но принципиального различия тут очевидно нет.

Итак, цель состава, предусмотренного в ст. 54 ГК, - защита имущественных интересов семьи и лица, злоупотребляющего спиртными напитками или наркотическими веществами. Для достижения этой цели попечителю предоставлено право оспорить любую сделку по распоряжению имуществом подопечного.

Однако установленный механизм не обеспечивает для попечителя не только защиту "чужого", но даже и своего собственного интереса. Такое расхождение правовой цели и непосредственного результата обусловлено тем, что ограничивая, притом довольно существенно, дееспособность алкоголика, закон вместе с тем не предусматривает никаких ограничений его имущественной ответственности перед третьим лицом по совершенным сделкам. Это в свою очередь приводит к тому, что в случае заключения алкоголиком любого односторонне обязывающего договора (например, договора займа) последствия аннулирования такой сделки по требованию попечителя будут тождественны последствиям ее нормального исполнения (за исключением, разумеется, таких противоправных условий, как проценты в вознаграждение за предоставление займа алкоголику и т.п.). Как в случае возврата заемной суммы во исполнение договора, так и в случае возмещения этой суммы в

порядке односторонней реституции при аннулировании договора по требованию попечителя пострадают в первую очередь интересы семьи и, разумеется, также интересы самого субъекта сделки — лица, ограниченного в дееспособности. Совершенно очевидно, что обеспечить эффективную защиту этих интересов можно только путем усовершенствования ст. 54 ГК. Необходимо предусмотреть, что участник такой сделки может быть освобожден от ответственности за исполнение им взятых на себя по этой сделке обязательств, если его контрагент знал или должен был знать, что заключает сделку с лицом, ограниченным в дееспособности. Такая мера тем более оправдана, что установить или по крайней мере предположить наличие обстоятельств, могущих привести к такого рода убыткам займодателя, несложно, ибо антисоциальный образ жизни обычно не является секретом для окружающих.

Основание защиты "чужого" интереса, осуществляемой организацией, предусмотренной в ст. 59 ГК, отличается от условий, предусмотренных в ст. 52 и ст. 54 ГК. По смыслу ст. 59, организация осуществляет эту защиту исключительно в интересах потерпевшего от насилия, угроз, стечения тяжелых обстоятельств или обмана гражданина. Следовательно, защита "чужого" интереса должна здесь выступать, так сказать, в чистом виде.

На практике по этой статье, в которой заложены весьма широкие возможности защиты "чужого" интереса, чаще всего оспариваются сделки по иску самих потерпевших, а если все-таки иск заявляется организацией, то в роли организаций-истцов, как правило, выступают местные Советы или колхозы по поводу сделок, направленных на распоряжение домовладениями.

Так, было признано недействительным завещание Ч., согласно которому его имущество завещано Л., которая, воспользовавшись резким ухудшением здоровья завещателя, под угрозой оставления беспомощного Ч. без необходимой медицинской помощи, принудила его составить и удостоверить при помощи приглашенного в дом Л. нотариуса указанное завещание. При рассмотрении этого дела центральное место занял вопрос о субъекте, уполномоченном на удовлетворение иска об аннулировании завещания Ч., который вскоре после оформления завещания умер. Первоначально иск заявила П., находившаяся с ним определенное время незадолго до смерти Ч. в фактических брачных отношениях. Иск был отклонен, ссылаясь на то, что истица не доказала свое право собственности на домовладение, входящее в наследственное имущество, и не доказала также свое право наследователя. Вскоре после этого соответствующий иск был заявлен исполнительным комитетом местного Совета и удовлетворен /2/.

Рассматривая случаи, когда заявляются иски в защиту чести и достоинства умершего, Р. Гукасян приходит к выводу, что в таких случаях "речь идет о защите интересов лица, заявившего иск", так как в данном случае в связи со смертью интересы гражданина прекращаются /3. с. 20/. И это правильно; какой бы привлекательной не показалась нам противоположная точка зрения, основанная на идее защиты "общественного" интереса, она неприемлема, потому что сам механизм защиты "общественного" интереса расходится с такими основополагающими чертами метода гражданско-правового регулирования, как автономия субъектов, их имущественно-распорядительная самостоятель-

ность и диспозитивность. Обосновать же третью возможную точку зрения, основанную на идее защиты "чужого" интереса, невозможно потому, что этот интерес прекратился со смертью гражданина.

Но обоснование Р. Гукасяном его точки зрения представляется неполным. Прекращение интереса как объекта защиты в связи со смертью одного субъекта еще не способно само по себе вызвать к жизни интерес другого субъекта, если его не существовало уже прежде. Однако известно, что при жизни опороченного только он сам вправе заявить иск о защите чести и достоинства. Кроме него самого такой иск может заявляться прокурором, но близкие родственники опороченного, члены семьи в качестве лиц, уполномоченных на заявление такого иска, не предусмотрены. Правовое положение в связи со смертью гражданина, чья честь или достоинство нуждаются в защите, очевидно исключается, поскольку право на защиту чести и достоинства носит строго личный характер. Очевидно, в связи со смертью гражданина в праве на защиту чести и достоинства происходят следующие изменения. Право умершего на защиту своей чести и достоинства прекращается. Вместе с тем право его близких родственников и других членов семьи, которое при жизни опороченного было вытеснено правом самого опороченного на защиту, именно после смерти этого гражданина приобретает самостоятельность до такой интенсивности, что появляется возможность на самостоятельную защиту этого права, которому косвенно нанесен урон. Это происходит по аналогии с тем, как некоторые другие абсолютные права, будучи на время заторможены более сильным правом (например, право собственности может быть существенно ограничено правом

залога), после его отпадения восстанавливаются в полном объеме (принцип эластичности абсолютных прав).

Нечто подобное происходит в случае оспаривания сделки, заключенной под влиянием обмана, насилия и т.п. после смерти гражданина, если иск заявлен организацией, указанной в ст. 59 ГК.

На первый взгляд ничего не изменилось: организация, имевшая самостоятельное право на иск при жизни потерпевшего, имеет такое же право и после его смерти. Однако, если вдуматься, это право организации вследствие смерти потерпевшего претерпевает определенные изменения. До смерти потерпевшего, хотя иск и заявляется организацией в его интересах, исход дела во многом определяется именно содержанием конкретной воли потерпевшего на момент рассмотрения иска, ибо "никто, кроме него самого, не может сказать, действовал ли он под влиянием примененных к нему мер воздействия или же он вступил в сделку добровольно" /4, с. 15/. Иск, заявленный организацией после смерти потерпевшего, опирается на предположения и догадки по поводу содержания воли умершего. Но в отличие от гипотетической воли потерпевшего на момент совершения сделки, в принципе поддающейся установлению при помощи косвенных данных, воли его, изъявляемой на момент заявления иска, нет как таковой. Поэтому если при жизни потерпевшего заявление иска организацией, указанной в ст. 59 ГК, является как бы добавочным, субсидиарным изъяслением воли, дополняющим волю самого потерпевшего, то совершение такого же акта уже после смерти потерпевшего опирается исключительно на предположение о том, чего бы хотел сам потерпевший, окажись он в данный момент в подобной ситуации.

Поскольку различно волевое содержание на момент заявления иска, различным будет и решение весьма важного вопроса о том, в каких случаях иск может парализоваться возражениями ответчика. Если в первом случае потерпевший заявляет о своем нежелании оспорить сделку, хотя и на момент ее совершения имели место пороки воли, то для удовлетворения иска организации отпадают всякие основания.

В случае заявления иска после смерти потерпевшего такое заявление невозможно, но не исключено представление ответчиком доказательств, подтверждающих нежелание потерпевшего заявить иск об оспаривании сделки. Однако такое возражение ответчика все-таки не способно парализовать иск. Именно вследствие того, что после отпадения воли самого потерпевшего на первый план выдвигаются интересы организации, заявляющей иск, суд, установив пороки воли на момент заключения сделки, признает ее недействительной независимо от последующего отношения к данной сделке самого потерпевшего.

Отказ от права на оспаривание сделки, который возможен, если он заявляется потерпевшим к моменту рассмотрения иска, не должен приниматься во внимание судом в том случае, если организация заявила иск уже после смерти потерпевшего. В этом последнем случае организация, в силу изменений, происшедших в волевом содержании интересов, защищаемых путем оспаривания сделки, представляет уже не интересы потерпевшего, а свои собственные.

Возможность выступления организации, предусмотренная в ст. 59 ГК в интересах наследников потерпевшего, представляется весьма проблематичной. Выступление организации в "чужом" интересе

базируется, очевидно, на особом статусе потерпевшего, воля которого ущемлена с самого момента заключения сделки, предусмотренной в ст. 59. Изъяны, образовавшиеся в результате противоправного воздействия на волю потерпевшего, организация призвана компенсировать своей полноценной волей. Потому возможность перехода этого исключительного правового состояния на правопреемников потерпевшего в принципе исключается. Возможны, правда, случаи одновременного воздействия на волю участника сделки и его членов семьи, вставших впоследствии его наследниками. В таких ситуациях, очевидно, не исключено предъявление иска в интересах наследников гражданина, заключающего сделку под влиянием насилия, угроз и т. п.

В прочих случаях право организации на заявление иска в интересах наследников исключается: так как имеются наследники, способные самостоятельно заявлять любые иски по поводу действительности сделок, заключенных наследодателем, сохранять за организацией право на оспаривание такой сделки, как представляется, нет никаких оснований. Иначе оказалось бы вторжением в чужую имущественную сферу заявление организацией иска об аннулировании сделки, если против этого выступают наследники, непосредственно заинтересованные в исходе иска.

Как видно, в подобных исках возможно столкновение волеизъявлений организации, выступающей в защиту "чужого" интереса и воли лиц, осуществляющих защиту "своего" интереса. Притом предпочтение должно отдаваться защите "своего" интереса. Одной из нерешенных проблем действующего законодательства о сделках остается недостаточное урегулирование

права заинтересованных лиц на оспаривание сделок, заключенных другими. Общей нормой, гарантирующей защиту законных интересов третьих лиц при заключении сделок, является ст. 48 ГК, так как обычно нарушение интересов третьих лиц происходит в форме нарушения их субъективных прав, и соответствующая сделка, следовательно, является незаконной. Наличие только этой нормы было бы вполне достаточной гарантией защиты интересов третьих лиц, если бы законный интерес или охраняемый законом интерес всегда оказался субъективным правом, как чаще всего принято считать, или элементом правоотношения общего типа, но все-таки правом /5, с. 162/.

Если эта точка зрения правильная, то существование самого понятия, термина охраняемого законом интереса, законного интереса ничем не оправдано. Содержание этих понятий на самом деле никак не охватывается понятием субъективного права или "элемента правоотношений общего типа". Нередко законный интерес субъекта проявляется в том состоянии правоотношения, которое Ю.Г. Басин называет потенциальным /6, с. 123/, а М.А. Гурвич /7, с. 12/ и В.С. Толстой - пассивным правом, т.е. некоторое предварительное состояние, когда для возникновения притязания управомоченного субъекта некоторые элементы юридического состава налицо, однако полного юридического состава нет, например, наследник по завещанию, которое уже составлено, но само наследство не открылось /8, с. 146/.

Так, "если наследнику стало известно о том, что в его пользу составлено завещание и что законные наследники (или другие лица) расхищают завещанное имущество, в то время как наследователь

находится в тяжелом состоянии и не может защитить свое право, наследник по завещанию имеет возможность обратиться в суд за защитой своего пассивного права наследования" /8, с. 147/.

Понятно, что в данном примере речь идет вовсе не о защите права "наследника". Если такое лицо и вправе выступать в суде по поводу расхищения имущества потенциального наследодателя, то это будет защитой интересов последнего. У самого заявителя иска, очевидно, имеются "свои виды" на имущество, расхищаемое "законными наследниками" (тоже лишь потенциально), но это не право и даже не юридически значимый интерес.

Однако о "законном интересе" можно говорить в некоторых ситуациях незавершенного юридического состава. Следует согласиться с точкой зрения, что понятие законного интереса связано с пробельностью права /9, с. 189/. Итак, законный интерес как самостоятельный объект защиты обнаруживает по крайней мере два признака: 1) он проявляется как элемент правоотношения там, где имеет место незавершенный юридический состав, "пассивное право" и 2) данное состояние тяготеет к объекту самостоятельной правовой защиты, но вследствие пробела в праве такая защита оказывается невозможной.

Бывшая жена X. предъявила иск к разведенному супругу X. о признании договора купли-продажи автомашины недействительным. Решением народного суда был расторгнут брак и произведен раздел имущества сторон, притом автомобиль оставлен в собственности ответчика. В качестве компенсации с ответчика в пользу истицы при разделе имущества было взыскано 3586 руб.

По истечении двух месяцев после

раздела имущества в суде ответчик продал указанный автомобиль гражданке П. за 6450 руб., совместно с которой уже подал к моменту продажи автомобиля заявление в органы ЗАГС о заключении брака. Истица считает договор купли-продажи автомобиля мнимой сделкой. Народный суд иск удовлетворил, считая, что купля-продажа автомобиля произведена с целью ущемить интересы истицы. Судебная Коллегия Верховного суда ЛатвССР по гражданским делам решение народного суда оставила в силе /10/.

Вряд ли можно считать указанный договор мнимой сделкой лишь на том основании, что он был заключен между будущими супругами. Стороны заплатили комиссионный сбор, передача вещи состоялась. То обстоятельство, что П. немедленно после заключения договора выдала отчуждателю Х. доверенность на пользование автомобилем, не свидетельствует о мнимом характере сделки. Она действительно была заключена, и в случае имущественного спора между отчуждателем Х. и покупателем П., которая к моменту рассмотрения иска заключила брак с ответчиком, автомобиль, конечно, признавался бы отдельным имуществом супруги П.

Суд удовлетворил иск, преследуя цель защиты законных интересов истицы Х. Здесь налицо оба признака "законного интереса". Во-первых, на момент совершения оспариваемого договора купли-продажи продавец являлся субъектом ничем не ограниченного права собственности на автомобиль, так как на него не был наложен арест или запрет на отчуждение. Но потенциально возможность наложения ареста уже существовала, так как отчуждение автомобиля существенно осложняет возможность взыскания установленной при

разделе имущества денежной компенсации с ответчика в пользу истицы.

Во-вторых, имеет место пробел в праве, так как установление законного залогового права на имущество должника по поводу обязательств, возникших на почве раздела общего имущества супругов, было бы вполне оправданной и необходимой мерой.

При таких обстоятельствах суд вполне обоснованно осуществил защиту законных интересов истицы, которым нанесен ущерб заключением договора купли-продажи.

Совершенно очевидно, что мнимый характер сделки и нанесение ущерба интересам третьего лица при ее заключении — это два совершенно различных основания для аннулирования сделки. Первое в указанном деле отсутствует, но второе наличие. Для закрепления законного интереса третьих лиц как особого объекта защиты (учитывая, что наличие такого интереса всегда связано с пробельностью права) необходимо включить в ГК норму о праве третьего лица на оспаривание своего законного интереса, который нарушен при заключении такой сделки.

Право прокурора выступать в защиту "чужого" интереса основано не на специальной норме материального права, а составляет его компетенцию /11, с. 99-102; 12, с. 86/. Потому прокурор в любом случае выступает в защиту "чужого" или общественного интереса. Надо заметить, что иски об аннулировании сделок, заявленные прокурором, — явление крайне редкое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданское и торговое право капиталистических государств. - М., 1983.
2. Дело 4-20 за 1976 г. Судебной Коллегии Верховного суда ЛатвССР по гражданским делам.
3. Гукасян Р. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. - Саратов, 1970.
4. Рабинович Н.В. Законодательное регулирование вопроса о сделках // Вопросы кодификации советского права. - Л., 1960. - Вып. 3.
5. Малеин Н.С. О понятии охраняемого законом интереса // Проблемы совершенствования гражданского и уголовно-правового законодательства в свете решений XXV съезда КПСС и новой Конституции СССР; Тез. докл. респ. науч. конференции, посвященной 400-летию Вильнюсского университета (1-2 февраля 1979 г.). - Вильнюс, 1979.
6. Басин Ю.Г. Вопросы советского жилищного права. - Алма-Ата, 1963.
7. Гурвич М.А. Пресекательные сроки в советском гражданском праве. - М., 1961.
8. Толстой В.С. Понятие и значение односторонних сделок в советском гражданском праве // Тр. ВЮЗИ. - М., 1966. - Т. 5: (Статьи аспирантов).
9. Явич Л.С. Общая теория права. - Л., 1976.
10. Постановление Судебной Коллегии Верховного суда ЛатвССР от 16.05.86, дело СК - 586.
11. Сергун М.С. Процессуальная правоспо-

собность и правосубъектность (в литературе и ГПК) // Тр. ВЮЗИ. - М., 1975. - Т. 38.

12. Шакарян М.С. Субъекты советского гражданского процессуального права. - М., 1970.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СФЕРЕ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН

Л.О. Красавчикова

Социальная сфера нашего общества охватывает собой обширную группу отношений классов и социальных групп, наций и народностей, отношения общества и личности, условия труда и быта, здоровья и досуга. "Именно в этой сфере реализуются результаты экономической деятельности, затрагивающие жизненные интересы трудящихся, воплощаются высшие цели социализма" /1/. Намеченная XXVII съездом КПСС задача достижения нового качественного состояния социалистического общества предполагает поднятие на качественно новый уровень материальной и духовной жизни советского народа. Выполнению поставленных партией задач призвано служить как действующее законодательство в целом, так и гражданское, в частности, поскольку именно в предмет последнего входит регулирование отношений имущественных и неимущественных, складывающихся в материальной и духовной сферах жизни общества.

Как известно, ядро предмета советского гражданского права составляют отношения имущественные. Именно в рамках данного вида отношений происходит удовлетворение значительной массы материальных потребностей граждан. Совершенствование гражданского законодательства, регулирующего имущественные отношения, по сути дела является одним из возможных реальных путей обеспечения более полного

удовлетворения материальных потребностей граждан.

Для выработки конкретных предложений, направленных на улучшение существующих правовых форм, необходим глубокий анализ характера тех общественных отношений, которые определяют содержание указанных форм. При этом весьма существенным представляется следующее обстоятельство.

Отношения, складывающиеся в имущественной сфере, довольно часто оказываются переплетенными (или тесно связанными) с отношениями совсем иного рода — неимущественными. Речь идет о том, что в ряде случаев регулирование имущественных отношений приводит к втягиванию в эту сферу иных по своему содержанию социальных связей. Известно, что неимущественные отношения, регулируемые гражданским правом, неоднородны. Ст. 1 Основ гражданского законодательства, Союза ССР и союзных республик, ст. 1 ГК РСФСР указывают, что советское гражданское законодательство регулирует имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения. В случаях, предусмотренных законом, гражданское законодательство регулирует также и иные личные неимущественные отношения. Следовательно, основная дифференциация неимущественных отношений опирается на признак наличия или отсутствия их взаимосвязи с отношениями имущественными. Применительно к тем личным неимущественным отношениям, которые отнесены законодателем к числу связанных с имущественными, не будет великим открытием констатация того факта, что наличие данных отношений предполагает возникновение и связей имущественного характера. Так, любой автор произведения науки, литературы и искусства

небезосновательно надеется в случае опубликования своего произведения на получение соответствующего вознаграждения. Однако не такие взаимосвязи отношений неимущественных с имущественными являются предметом рассмотрения настоящей статьи.

Более специфическим представляется то, что при регулировании отношений имущественных в их сферу могут вовлекаться и личные неимущественные отношения, не имеющие своим следствием возникновение отношений имущественного характера. Если провести небольшой исторический экскурс, то можно обнаружить, что изначально правовая охрана большинства личных благ строилась с целью защиты торговой репутации, деловой чести фирмы и ее доброго "купеческого" имени /2/. Много позже такие блага, как честь, достоинство, имя приобрели самостоятельное значение и правовую охрану. В буквальном смысле "неимущественными" подобные личные блага стали только в социалистическом обществе, не допускающем подхода к чести, достоинству и т.п. благам как к меновым стоимостям /3, с. 82/. Такой подход диктует необходимость тонкого и четкого правового регулирования личных неимущественных отношений, возникающих в сфере удовлетворения сугубо материальных потребностей граждан.

Так, например, к числу важнейших материальных потребностей человека относится потребность в жилище. Правовой формой удовлетворения данной потребности служит провозглашение ст. 44 Конституции 1977 года и закрепленное в Основных жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик право на жилище.

Необходимо отметить, что в науке гражданского права еще не сложилось

полного единства взглядов относительно сущности права на жилище. Специалисты в области жилищного права неоднократно подчеркивали многогранность данной правовой категории /4, с. 57/ и многозначность понятия права на жилую площадь /5, с. 23-25/. Это привело к тому, что право на жилище трактуется разными авторами в качестве элемента различных правовых категорий: элемента правоспособности /4, с. 59; 6, с. 7/ или правосубъектности /7, с. 65/, или правового статуса /8, с. 10; 9, с. 33/. Неоднозначно определяется понятие данного права и его содержание. Поскольку предметом рассмотрения настоящей статьи выступают отношения неимущественные, автор не ставит цели специального анализа права на жилище, поскольку последнее относится (бесспорно) к числу важнейших социально-экономических (материальных, имущественных) прав граждан. В содержание последнего входит возможность владеть, нормированно пользоваться и ограниченно распоряжаться жилищем /10, с. 21/, а также получить в установленном порядке в случае необходимости улучшения жилищных условий новое жилое помещение в домах государственного и общественного жилищного фонда или в домах ЖСК, либо приобрести жилой дом в личную собственность /9, с. 32/.

В каком соотношении с указанным правом находится также установленное ст. 55 Конституции СССР право на неприкосновенность жилища?

Думается, что общность категории жилища, используемой в ст. 44 и ст. 55 Конституции СССР, не должна влечь за собой отождествление права на неприкосновенность жилища с правом на жилище. Социальное назначение права на жилище (а следовательно, и гражданско-правовых

форм его реализации) состоит в юридическом обеспечении (как уже отмечалось выше) материальной потребности людей в жилище. Что же касается социального назначения права на неприкосновенность жилища (и соответствующих цивилистических форм его реализации), то оно кроется в другом — в юридическом (т.е. опирающемся на силу государственного принуждения) обеспечении удовлетворения прежде всего духовных (нематериальных) потребностей личной жизни гражданина (воспитание детей, решение всевозможных бытовых вопросов и т.д.). Особенностью права на неприкосновенность жилища является то, что путем юридического ограждения жилища от вторжения со стороны третьих лиц обеспечивается неприкосновенность охраняемой законом личной жизни гражданина.

Анализируемые права (право на жилище и право на неприкосновенность последнего) относятся к различным категориям прав — имущественных и личных неимущественных. Это обстоятельство видно уже в самом расположении норм — ст. 44 и ст. 55 Конституции СССР. Первая из них связана с иными конституционными положениями, призванными регулировать материальные, в том числе и имущественные отношения (ст. 40, 43 и др.). Ст. 55 Конституции принадлежит к другой группе конституционных норм, а именно к тем, которые имеют целью регулирование духовных, (неимущественных) социальных связей (ст. 45, 46, 47). При этом данная статья логически включается в особую совокупность норм, обеспечивающих охрану интересов личности и личной жизни (ст. 53 — 57 Конституции СССР). Право на неприкосновенность жилища не производно от права гражданина на жилище. Как известно, правовые формы реализации конституционного

права на жилище разнообразны. Конкретное субъективное гражданское имущественное право на конкретное жилище, возникающее в рамках содержания соответствующего жилищного правоотношения, может быть основано на различном правовом основании. Так, в соответствии с законом гражданин может занимать жилое помещение на правах собственности, нанимателя, временного жильца и др. Множественность правовых форм реализации права на жилище исключает возможность "привязки" права на неприкосновенность жилища к какому-то одному из них. Право на неприкосновенность жилища возникает независимо от того, на каких законных основаниях лицо проживает в данном жилище. При этом какого-либо расширения, либо сужения содержания данного права в зависимости от специфики основания возникновения права пользования жилым помещением не происходит: в любом случае никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц. Право на неприкосновенность жилища возникает каждый раз первоначальным способом, а не производным (гражданин "не перевозит" со старого жилища на новое место прежнее право на неприкосновенность жилища).

Однако все указанные обстоятельства не исключают взаимосвязи анализируемых двух прав: без права на жилище не возникает право на неприкосновенность жилища, но и без последнего жилище перестанет быть таковым. Неприкосновенность жилища означает неприкосновенность одного из элементов личной жизни граждан, юридические границы которого (элемента) определяются фактически имеющимся на законных основаниях у гражданина жилищем. Оно служит одним из средств обособления его личной жизни.

Приведенные выше соображения свидетельствуют о том, что субъективное право на неприкосновенность жилища обладает самостоятельным характером и относится к числу личных неимущественных прав, что естественно, не исключает его связи с иными неимущественными правами. Вместе с тем, право на неприкосновенность жилища, обладает рядом особенностей, среди которых выделяются следующие. Во-первых, оно является элементом абсолютного правоотношения (в отличие от субъективного права на конкретное жилище, реализуемого в рамках относительного правоотношения). Во-вторых, анализируемое субъективное право является неделимым и принадлежащим в равной степени каждому лицу, проживающему на законных основаниях в том или другом помещении. Данное право в равной степени принадлежит и в той же степени охраняет неимущественные интересы неприкосновенности жилища и собственника дома, и нанимателя жилого помещения, и лица, проживающего в гостинице, общежитии, доме отдыха и пансионате (сказанное, разумеется, не означает, что должна быть полностью ликвидирована существующая специфика правового режима жилой площади, предоставляемой в общежитиях и гостиницах, определяемая действующим гражданским законодательством). Равенство права на неприкосновенность жилища проявляется и в том, что все проживающие в определенном помещении лица обладают равными правами, независимо от того, с кем из них заключается договор жилищного найма, а кто из них был вселен в данное помещение в качестве члена семьи нанимателя и т.д. Аналогичными равными правами на неприкосновенность жилища обладают лица, совместно проживающие в одной комнате, не являясь членами семьи

(например, проживающие в одной комнате разведенные супруги, либо лица, поселенные в один номер в гостинице, либо в одну комнату в общежитии). Права этих лиц, безусловно, равные и в той же мере неделимые.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что охрана неприкосновенности жилища, как одного из элементов правовой охраны личной жизни граждан на конституционном уровне, являясь свидетельством политической значимости данной охраны, не делает ее институтом государственного права. Наличие тех или иных базовых положений и норм конституции еще не решает автоматически вопроса об отраслевой принадлежности тех норм, которые будут созданы и станут функционировать на основе указанных положений. Свидетельством тому может служить институт права личной собственности, гражданско-правовой характер и природа которого еще никем не оспаривались, хотя соответствующие базовые положения Конституции СССР (ст. 13) составляют основу данного института.

Аналогичные соображения должны быть высказаны и относительно института охраны личной жизни в целом и права на неприкосновенность жилища, в частности. Данный институт также является гражданско-правовым, также обладает конституционной базой, которая получает свое развитие в ст. 1 Основ, в первых статьях гражданских кодексов всех союзных республик и в многочисленных иных нормативных актах самого различного содержания. В настоящее время еще не имеется единого акта о личных неимущественных правах, но это не дает оснований к отрицанию существования рассматриваемого правового института и его гражданско-правовой природы.

В-третьих, право на неприкосновенность жилища как субъективное гражданское право имеет свое особое содержание. Оно предполагает меру свободы гражданина поступать в своем жилище по своему усмотрению, свободу совершения положительных действий самим управомоченным лицом. Закон не устанавливает, какие конкретно действия лицо может совершать в своем жилище, так как лишь обеспечивает свободу тех действий, которые сочтет необходимым совершить управомоченное лицо. Таким образом, субъективное гражданское право на неприкосновенность жилища — это личное неимущественное абсолютное право, в соответствии с которым управомоченное лицо может поступать в своем жилище по своему усмотрению и отклонять какие-либо попытки вторжения в жилище помимо проживающих в нем лиц, кроме случаев, прямо предусмотренных законом.

В юридической литературе ранее высказывались соображения, в соответствии с которыми право на неприкосновенность жилища относилось к гражданским личным неимущественным, связанным с имущественными правам. При этом отмечалось, что связь между личными и имущественными правами проявляется в данном случае в том, что "одновременно с личным правом у его обладателя всегда возникает и существует право имущественное (право собственности или право владения жилой помещением)" /11, с. 4/. С приведенным суждением согласиться трудно. Получается, что субъективное право на жилище и субъективное право на неприкосновенность жилища возникают одновременно.

Думается, что законодательство не содержит в себе норм, в силу которых моменты возникновения указанных субъективных прав совпадают во времени. Дело в

том, что имущественное субъективное право на жилище возникает либо с момента возникновения права собственности (у приобретателя), либо с момента вынесения соответствующего решения и получения ордера. Однако до тех пор, пока данное конкретное жилище не заселено, личного неимущественного субъективного права на неприкосновенность жилища нет. Оно возникает лишь с момента его фактического заселения. Обоснование приведенного положения заключено в ст. 55 Конституции, которая говорит о том, что никто не может войти в жилище против воли проживающих в нем лиц.

Рассмотренная выше взаимосвязь права на жилище с субъективным правом на неприкосновенность жилища — отнюдь не единственный случай, когда удовлетворение материальных потребностей оказывается взаимоувязанным с потребностями духовными, неимущественными.

В соответствии со ст. 7 Закона СССР "О государственном нотариате" /12/ государственные нотариусы и другие должностные лица, совершающие нотариальные действия, обязаны соблюдать тайну совершаемых нотариальных действий. Республиканские законы о государственном нотариате воспроизводят это и последующие положения союзного закона. Проблема нотариальной тайны достаточно хорошо освещена в юридической литературе /13, с. 26; 14, с. 8; 15, с. 93; 16, с. 12; 17, с. 8/. Однако хотелось бы отметить следующее обстоятельство.

Главная цель сохранения нотариальной тайны видится большинству авторов в обеспечении законных прав и интересов граждан и организаций. При этом, как правило, не указывается, какие же конкретно права граждан и организаций и

в силу каких причин заслуживают подобной охраны со стороны закона. При более пристальном взгляде на круг действий, совершаемых нотариальными конторами, становится ясно, что закон оберегает интересы гражданина от разглашения самого различного рода сведений, в том числе информации, касающейся его личной жизни. Если обратиться к тексту ст. 14 Закона о государственном нотариате РСФСР, то можно заметить, что закон предусматривает совершение нотариальными конторами около 20 видов нотариальных действий (кроме того, на нотариальные конторы может быть возложено совершение иных, прямо не предусмотренных данным законом, нотариальных действий).

Совсем необязательно, чтобы при совершении любого из указанных в ст. 14 Закона действий были затронуты личные неимущественные интересы гражданина, однако, если соответствующая информация о личности, ее личной жизни станет достоянием того или иного работника нотариата при исполнении своих служебных обязанностей, он не вправе ее разглашать. Это одна из составляющих нотариальной тайны, которая охватывает собой, безусловно, более широкий круг сведений, а не только те, которые касаются личной жизни гражданина (например, все нотариальные действия, совершаемые с учреждениями и организациями, обычно не затрагивают каких-либо сторон личной жизни отдельных граждан, при этом разглашение сведений о совершении каких-либо действий с участием организаций является нарушением нотариальной тайны).

Конкретизация отмеченного принципа соблюдения тайны нотариальных действий находит свое выражение в целом ряде положений ст. 7 общесоюзного Закона

"О государственном нотариате". В этой связи следует обратить внимание на такие установления законодателя.

Во-первых, справки о совершенных нотариальных действиях и документы выдаются только гражданам и социалистическим организациям по поручению, или в отношении которых совершались нотариальные действия (ч. 2 ст. 7 Закона). Из текста этой статьи явствует, что данный перечень лиц является исчерпывающим и какому-либо расширительному толкованию не подлежит.

Во-вторых, справки о совершенных нотариальных действиях и документы выдаются по требованию суда, прокуратуры, органов следствия и дознания в связи с находящимися в их производстве уголовными или гражданскими делами. Для того, чтобы подобного рода справки были выданы соответствующим органам, необходимо вынесение обоснованного определения суда в адрес государственного нотариуса или мотивированного постановления органов следствия и дознания.

Наконец, в-третьих, справки о завещаниях выдаются только после смерти завещателя.

Приведенные положения, касающиеся правового режима нотариальной тайны относятся и к работникам тех государственных организаций, которые в соответствии с законом могут совершать нотариальные действия (кроме нотариусов). Здесь, в частности, должны быть названы работники исполкомов Советов народных депутатов (в тех населенных пунктах, где нет нотариальных контор), работники консульских учреждений, должностные лица специально поименованных в Законе медицинских и некоторых других организаций; капитаны морских судов и судов внутреннего

плавания, начальники экспедиций и др. (ст. 11, 12, 13 Закона).

Следовательно, правовое регулирование личных неимущественных отношений строится в данном случае путем возложения на соответствующих лиц юридической обязанности сохранять тайну совершаемого нотариального действия. Реализуется эта обязанность как за счет активных действий ее носителя (который, например, должен создать условия, не допускающие "утечки информации", составляющей нотариальную тайну к 3-м лицам), так и за счет пассивного поведения обязанного лица, которое должно воздерживаться от действий, способных привести к разглашению соответствующих сведений. Данной обязанности корреспондирует (хотя прямо в тексте закона оно не зафиксировано) право управомоченного лица требовать сохранения нотариальной тайны. Для конкретизации содержания этого права необходимо внесение соответствующих дополнений в законодательство, которое, пока, какому-либо совершенствованию в этом направлении не подвергалось.

Еще более тесное переплетение имущественных и личных неимущественных интересов можно обнаружить, если обратиться к тем отношениям, которые возникают в связи с получением гражданами услуг, оказываемых государственными трудовыми сберегательными кассами СССР. Как известно, ч. 2 ст. 87 Основ гражданского законодательства устанавливает: "Государство гарантирует тайну вкладов, их сохранность и выдачу по первому требованию вкладчика". Безусловно, главное в деятельности сберегательных касс составляет осуществление широкого круга имущественных операций (принятие вкладов, их выплата, начисление процентов по

вкладам и т.д.). По сути дела именно ради удовлетворения соответствующих имущественных интересов и обращается гражданин в сберегательную кассу.

Однако, вручая сберегательной кассе определенную денежную сумму, гражданин сообщает тем самым и сведения о своем бюджете, о своих расходах и доходах, т.е. о тех сторонах своей жизни, которые касаются только его лично и никого другого. (Разумеется, речь идет о трудовых и иных доходах, полученных правомерными способами.) С учетом этого Устав государственных трудовых сберегательных касс, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 11 июля 1977 г. /18/, устанавливает, что сберегательные кассы "сохраняют в тайне сведения о вкладчиках и других клиентах, о совершаемых ими операциях и состоянии счетов по вкладам". В соответствии с ч. 2 ст. 25 Устава справки о вкладчике и об операциях по вкладу, а также справки о других клиентах и совершаемых ими операциях в сберкассах выдаются только самим клиентам и их законным представителям.

Исключения из этого общего правила предусмотрены лишь для судов, органов предварительного следствия и дознания по находящимся в их производстве уголовным делам, по которым в соответствии с законом может быть применена конфискация имущества, а также для судов по находящимся в их производстве гражданским делам, вытекающим из уголовных дел (пункт "а" ст. 25 Устава). Аналогичные справки выдаются судам по находящимся в их производстве гражданским делам о взыскании алиментов, либо о разделе вклада, являющегося совместным имуществом супругов. В этих случаях справка выдается той сберегательной кассой, в которой, согласно

имеющихся у суда сведений, может храниться вклад на имя ответчика (п. "б" ст. 25). Кроме того, названные ранее справки могут выдаваться государственными нотариальными конторам по находящимся в их производстве наследственным делам о вкладах умерших вкладчиков.

Никаким другим органам сберегательные кассы таких справок не дают (ч. 3 ст. 25 Устава). Следовательно, среди всех прочих отношений, урегулированных Уставом, особо выделяются имущественные отношения и связанные с ними неимущественные интересы, которые расцениваются законом как заслуживающие сохранения в тайне.

Таким образом, правовое регулирование личных неимущественных отношений в данной сфере строится на аналогичных началах, используемых законодателем при конструировании режима нотариальной тайны.

Думается, что приведенных положений вполне достаточно для того, чтобы вполне зримым стало сопряженное существование отношений имущественных и личных неимущественных. Более того, их правовое регулирование строится, как правило, на общих началах, изложенных в соответствующем едином нормативном акте (например, в Уставе государственных трудовых сберегательных касс, Законе о государственном нотариате и т.д.). Совершенство правового регулирования как имущественных, так и сопряженных с ними неимущественных отношений, как представляется, должно строиться на следующих отправных положениях. Во-первых, необходима четкая дифференциация отношений; выделение связей неимущественного характера и отграничение их от отношений, таковыми не являющихся. Так, в

соответствующих нормативных актах должно прямо указываться: "Имущественные и неимущественные (личные) права вкладчиков (клиентов и т.п. лиц)".

Во-вторых, положения, касающиеся личных неимущественных прав, должны получить большую конкретизацию и развитие как в плане выявления позитивного содержания данных правомочий (отнюдь не совпадающего с содержанием правомочий имущественного характера), так и способов их защиты в случае нарушения. При этом имеются в виду специальные способы защиты, пригодные для восстановления данного конкретного неимущественного права. В-третьих, развитие законоположений об отдельных видах личных неимущественных прав, возникающих в сфере удовлетворения материальных потребностей граждан, послужит той юридической основой, на базе которой возможно формирование общих правил, касающихся всех социальных связей данного рода. По сути дела речь идет о создании в гражданском кодексе соответствующей отдельной главы и о юридическом содержании последней.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политический доклад ЦК КПСС XXIII съезду КПСС // Правда. - 1986. 26 февр.
2. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Уч. тр. ВИЮН. - М., 1941. - Вып. 6.
3. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. - М.: Госюриздат, 1963.

4. Бару М.И., Пушкин А.А., Сибилев М.Н. Понятие и юридическая природа права на жилище // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск: УрГУ, 1981.
5. Грибанов В.П. Основы советского жилищного законодательства. - М.: Знание, 1983.
6. Червоний Ю.С., Харитонов Е.О., Бровченко Н.А. Правовое регулирование жилищных отношений в СССР. - Одесса: Изд-во Одес. ун-та, 1984.
7. Касаткина Т.В. Три аспекта конституционного права на жилище // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск: УрГУ, 1981.
8. Марткович И.Б. Право на жилище и его обеспечение. - М., 1983.
9. Седугин П.И. Право на жилище в СССР. - М.: Юрид. лит., 1983.
10. Красавчиков О.А. Основы жилищного законодательства: Предмет регулирования и юридическая природа // Основы советского жилищного законодательства. - Свердловск: УрГУ, 1981.
11. Ромовская З.В. Личные неимущественные права граждан СССР: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Киев, 1968.
12. О государственном нотариате: Закон СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. - 1973. - № 30. - Ст. 393.
13. Авдюков М.Г. Нотариат в СССР. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.
14. Бондаренко Н.И., Эйдинова Э.Б. Советский государственный нотариат. - М., 1973.
15. Захарова Р.Ф. Принципы деятельности нотариата в СССР // Вопросы гражданского права и процесса. - М.:

Ин-т гос. и права АН СССР, 1977.

16. Лесницкая Л.Ф. Совершение нотариальных действий исполкомами местных советов. - М.: Юрид. лит., 1977.
17. Лесницкая Л.Ф., Виноградова Р.И., Гольская Д.Х. Нотариат в СССР. - М.: Юрид. лит., 1985.
18. Устав Государственных трудовых сберегательных касс: Утв. постановлением Совета Министров СССР от 11 июля 1977 г. // СП СССР. - 1977. - № 21. - Ст. 131.

ГРАЖДАНСКАЯ ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СРЕДСТВО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СУДЕБНОЙ
ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ И
ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ ИНТЕРЕСОВ
ГРАЖДАН И ОРГАНИЗАЦИЙ

В.В. Бутнев

Удовлетворение материальных потребностей граждан в современных условиях зависит не только от эффективности правового режима, установленного материальным законодательством. Оно во многом определяется совершенством гражданского процессуального законодательства, предусматривающего порядок судебной защиты нарушенных или оспоренных субъективных прав и охраняемых законом интересов. Гражданское процессуальное право имеет свою собственную систему гарантий быстрого и правильного разрешения дел. Важное место в системе этих гарантий занимают меры гражданской процессуальной ответственности. Следовательно, гражданскую процессуальную ответственность можно рассматривать в качестве гарантии, средства обеспечения эффективности судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов.

При анализе института ответственности гражданского процессуального права следует исходить из двух основополагающих посылок: во-первых, из того, что гражданское процессуальное право является самостоятельной отраслью права, характеризующейся своим собственным предметом и методом правового регулирования, и, во-вторых, из того, что нормы гражданского процессуального права — это

правовые, а не технические правила поведения. Следовательно, они обладают всеми структурными элементами и всеми признаками, свойственными юридическим нормам. Эти положения в настоящее время являются общепризнанными в науке советского гражданского процессуального права.

Известно, что метод правового регулирования отрасли права представляет собой совокупность юридических приемов и средств, при помощи которых осуществляется правовое воздействие на данную группу общественных отношений. Выбор метода определяется предметом и целями регулирования, а сам он складывается из ряда компонентов, одним из которых является характер юридических мер воздействия (то есть санкций), способов, оснований и процедуры применения санкций /3, с. 134/.

Одним из компонентов метода правового регулирования гражданского процессуального права выступают специфические меры охраны гражданских процессуальных правоотношений. Тот же вывод следует из признания норм гражданского процессуального права юридическими, а не техническими правилами поведения. Как юридические нормы, они обладают санкцией, предусматривающей юридически неблагоприятные последствия нарушения диспозиции /15, с. 10/.

Строго говоря, эти аргументы сами по себе еще не доказывают существования процессуальной ответственности, поскольку предусмотренные санкциями правовых норм меры воздействия на участников общественных отношений разнообразны и не сводятся к мерам ответственности. Санкция правовой нормы содержит указание на любые юридически неблагоприятные

последствия нарушения диспозиции. Гражданские процессуальные правоотношения — властеотношения. Суд использует для руководства процессом, как правило, такие средства воздействия, которые не относятся к мерам воздействия: отказ в совершении процессуальных действий (например, в случаях пропуска процессуального срока или нарушения заинтересованным лицом порядка обращения в суд), вынесение неблагоприятного судебного решения (в случае нарушения стороной обязанности доказать свои требования или возражения), превентивные средства (обеспечение иска, доказательства) и т.п. В гражданском процессуальном праве преобладают организационные санкции /10, с. 7/. Кроме того, соблюдение норм гражданского процессуального права обеспечивается угрозой применения мер уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной ответственности. Например, уголовная ответственность установлена за вынесение судьями заведомо неправосудного решения или определения (ст. 177 УК РСФСР), за дачу заведомо ложных показаний свидетелем (ст. 181 УК РСФСР) и т.п. Административная ответственность в виде штрафа может быть применена к лицу, нарушающему порядок во время разбирательства дела (ст. 149 ГПК РСФСР), или к лицу, препятствующему исполнению судебного решения судебным исполнителем (ст. 353 ГПК РСФСР).

В качестве специфики метода правового регулирования гражданских процессуальных отношений Л.А. Ванеева отмечает органическое единство прав и обязанностей их субъектов, при котором реализация прав зависит от исполнения обязанностей, а исполнение обязанностей обеспечивается предоставлением необхо-

димых для этого прав. "Реализация прав поставлена в зависимость от исполнения обязанностей управомоченными лицами, а, следовательно, этим обеспечивается и фактическое выполнение обязанностей. Законодатель стремится стимулировать реализацию норм процессуального права заинтересованностью лиц, участвующих в деле. Для этих лиц невозможно не выполнить процессуальную обязанность без нарушения собственных интересов. Этим объясняется и специфика процессуальных санкций за неисполнение обязанностей - ничтожность действий по осуществлению прав" /5, с. 137/.

Видимо, специфика процессуальных санкций приводит некоторых ученых к выводу о том, что процессуальной ответственности как самостоятельной разновидности ответственности не существует /14, с. 187; 7, с. 46-49/. Другие, признавая гражданскую процессуальную ответственность, вместе с тем считают, что ее меры метод правового регулирования гражданского процессуального права вообще не характеризуют /9, с. 15/. И то и другое мнение представляется ошибочным. Гражданское судопроизводство имеет "двуединую" сущность. С одной стороны, оно является формой защиты именно гражданских прав. Поэтому метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений во многом произведен от метода гражданского права. Этим же объясняется существование таких специфических принципов гражданского процессуального права, как диспозитивность, состязательность и процессуальное равноправие сторон, а также существование санкций ничтожности. С другой стороны, гражданское судопроизводство представляет собой форму социалистического правосудия, что

обуславливает проникновение императивных черт в метод гражданского процессуального права. Как известно, правосудие — это деятельность, опирающаяся непосредственно на государственное принуждение. Поэтому нормы гражданского процессуального права, наряду с санкциями ничтожности, неизбежно должны иметь такие санкции, где элемент государственного принуждения выражается наиболее ярко. Поскольку юридическая ответственность выступает наиболее острой реакцией государства на правонарушение, логично предположить наличие самостоятельной разновидности юридической ответственности — гражданской процессуальной ответственности.

Действительно, при анализе конкретных статей гражданского процессуального законодательства выявляются меры ответственности, которые не могут быть отнесены ни к какой другой разновидности юридической ответственности, кроме гражданской процессуальной. В качестве примеров можно привести довольно многочисленные процессуальные штрафы: штраф за неисполнение должностным лицом обязанности представить в суд имеющиеся в его распоряжении письменные или вещественные доказательства (ст. 65, 70 ГПК РСФСР), штраф за несообщение суду участвующими в деле лицами и представителями о перемене своего адреса во время производства по делу (ст. 111 ГПК РСФСР), штраф, налагаемый на свидетелей, за неявку в суд без уважительной причины (ч. 2 ст. 160 ГПК РСФСР) и т.д.

Некоторые авторы относят эти меры к административной ответственности /14, с. 127/. Такое мнение представляется неверным, что стало особенно очевидным после проведения кодификации законода-

тельства об административных правонарушениях. Особенная часть Кодекса РСФСР об административных правонарушениях вообще не упоминает процессуальные правонарушения в качестве основания административной ответственности. Процессуальные штрафы применяются за нарушение не административного, а гражданского процессуального законодательства. Порядок привлечения к процессуальной ответственности установлен также гражданским процессуальным законодательством. К данным случаям неприменимы нормы Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, устанавливающие порядок реализации административной ответственности. Так, процессуальные штрафы налагаются судом в коллегиальном составе, а не судьей единолично, как это имеет место при наложении административного взыскания (ст. 292 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях). Ответственность за совершение административного правонарушения не применяется, по общему правилу, к военнослужащим и иным лицам, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов (ст. 16 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях). В то же время эти лица могут привлекаться к процессуальной ответственности за совершение гражданских процессуальных правонарушений. В судебной практике известны случаи наложения штрафов на служащих органов внутренних дел за неявку в суд без уважительных причин в качестве свидетелей или участвующих в деле лиц. Наконец, различен порядок обжалования постановлений о наложении административной и процессуальной ответственности. Постановление о наложении административного взыскания обжалуется по правилам главы 22 Кодекса РСФСР об администра-

тивных правонарушениях (в частности, постановление народного судьи является окончательным и обжалованию вообще не подлежит — ч. 2 ст. 266 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях), определение суда о наложении процессуального штрафа пересматривается и обжалуется по правилам ст. 98 ГПК РСФСР.

Все сказанное приводит нас к выводу о том, что предусмотренные процессуальным законодательством меры ответственности образуют самостоятельную ее разновидность — гражданскую процессуальную ответственность. Законодательное регулирование этой разновидности ответственности должно развиваться на своей собственной основе. Необходима детальная разработка режима возложения и реализации гражданской процессуальной ответственности, что невозможно без концептуальной разработки основных ее теоретических проблем, в первую очередь понятия гражданской процессуальной ответственности.

Понятие гражданской процессуальной ответственности должно выводиться из более общего понятия юридической ответственности. По нашему мнению, процессуальная ответственность, так же как и юридическая ответственность вообще, может быть позитивной и негативной. Позитивная гражданская процессуальная ответственность — это возложенная на субъекта гражданских процессуальных правоотношений необходимость точно исполнять свои процессуальные обязанности и использовать предоставленные ему процессуальные права в соответствии с их назначением. Позитивная гражданская процессуальная ответственность как разновидность позитивной юридической ответственности представляет собой гражданскую процессуальную обязанность более общего

характера по сравнению с обязанностями в конкретных процессуальных правоотношениях. Она находит наиболее яркое выражение в праве и обязанности суда осуществлять правосудие (ст. 2 ГПК РСФСР), в праве и обязанности прокурора осуществлять надзор за рассмотрением в судах гражданских дел (ст. 12 ГПК РСФСР), в обязанности участвующих в деле лиц добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами (ч. 2 ст. 30 ГПК РСФСР). Позитивная гражданская процессуальная ответственность, как правило, предусматривается нормами-задачами и нормами-принципами, которые были детально исследованы Н.А. Чечиной /15, с. 6/. Объектом регулирующего воздействия этих норм выступают процессуальные отношения более общего характера, которые Е.А. Крашенинников называет архитипичными /11, с. 69-70/. Свое проявление позитивная гражданская процессуальная ответственность находит в конкретных правах и обязанностях субъектов конкретных гражданских процессуальных правоотношений. Категория позитивной ответственности имеет важное методологическое значение прежде всего для исследования понятия негативной ответственности.

Негативная гражданская процессуальная ответственность, так же как и негативная ответственность вообще, представляет собой обязанность правонарушителя претерпеть юридически неблагоприятные последствия правонарушения в виде лишения личного или имущественного характера. Признаками негативной юридической ответственности являются государственное и общественное осуждение поведения правонарушителя, государственное принуждение и наличие отрицательных последствий для нарушителя /12, с. 134/. В отличие

от других видов ответственности меры гражданской процессуальной ответственности предусмотрены нормами гражданского процессуального права и применяются к лицу, совершившему гражданское процессуальное правонарушение.

В содержание негативной гражданской процессуальной ответственности входят предусмотренные процессуальным законодательством лишения личного или имущественного характера, которым подвергается правонарушитель. Невыгодные последствия могут выражаться в виде лишения права. Например, при нарушении порядка во время разбирательства дела участвующие в деле лица могут быть удалены из зала судебного заседания. Тем самым они лишаются права участвовать в процессе, предоставленного им ст. 30 ГПК РСФСР. Но чаще всего процессуальная ответственность выражается в возложении на правонарушителя дополнительной обязанности. Таковы процессуальные штрафы, налагаемые судом на лиц, участвующих в деле, представителей, свидетелей, других субъектов процесса за различные процессуальные правонарушения (ст. 65, 70, 111, 134, 152, 157, 158, 159, 160 ГПК РСФСР и др.), штраф, налагаемый на должника при неисполнении им судебного решения (ст. 406 ГПК РСФСР), взыскание в пользу добросовестной стороны вознаграждения за потерю рабочего времени со стороны, недобросовестно заявившей неосновательный иск или спор против иска (ст. 92 ГПК РСФСР). Не является мерой ответственности принудительный привод свидетеля или ответчика по алиментному делу, поскольку он представляет собой не реализацию новой обязанности, а принудительное исполнение ранее существовавшей обязанности явиться в суд /13, с. 61/.

В последнее время наметилась тенденция к расширению использования мер процессуальной ответственности законодателем. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР" от 24 января 1985 года /2/ значительно расширил возможность применения мер процессуальной ответственности. Тем самым законодатель стремится повысить гарантии соблюдения процессуального законодательства, авторитет суда, дисциплину граждан и должностных лиц в сфере гражданского судопроизводства. Вместе с тем практика сталкивается с известными трудностями при применении мер процессуальной ответственности, поэтому на этом вопросе необходимо остановиться несколько подробнее.

Указом от 24 января 1985 года повышен до 30 руб. размер ответственности в виде штрафа, налагаемого за различные процессуальные правонарушения: неявку в суд свидетеля, эксперта или переводчика без уважительной причины, непредоставление в суд письменного или вещественного доказательства должностным лицом или гражданином, нарушение запрещений, связанных с обеспечением иска и др. (ст. 65, 70, 76, 134, 152, 159, 160 ГПК РСФСР). Этим указом значительно повышен размер ответственности за неисполнение судебного решения, обязывающего должника совершить определенные действия (ст. 406 ГПК РСФСР). Размер налагаемого за это штрафа повышен до 200 руб., а сумма всех штрафов - до 1000 руб. (по ранее действовавшему законодательству соответственно 50 и 300 руб.). Указ обеспечил меры ответственности в виде штрафа до 30 руб. ранее существовавшую обязанность

участвующих в деле лиц и представителей сообщать суду о перемене своего адреса во время производства по делу (ст. 111 ГПК РСФСР).

Наконец, данный указ ввел новый состав процессуального правонарушения, ранее неизвестный ГПК РСФСР. В случае неявки в судебное заседание без уважительных причин лиц, участвующих в деле, и представителей, отсутствие которых повлекло отложение разбирательства дела, суд вправе теперь наложить на них штраф до 30 руб. Такая же мера ответственности может быть применена к должностному лицу предприятия, учреждения или организации, по вине которого не была обеспечена явка представителя в судебное заседание (ч. 3 ст. 157 ГПК РСФСР). Повторная неявка в судебное заседание без уважительных причин является новым процессуальным правонарушением. Неявившееся лицо может быть вновь подвергнуто штрафу и т.д. Закон не устанавливает предельной суммы штрафов, которые могут быть наложены на лицо по одному делу. Вместе с тем недопустимо одновременное наложение штрафов за несколько неявок без уважительных причин (например, суд, установив, что участвующее в деле лицо трижды не являлось в судебное заседание без уважительных причин, не может подвергнуть его штрафу в размере 90 руб.). Целью мер процессуальной ответственности является обеспечение нормального развития процесса. Поэтому особое значение приобретает своевременное реагирование суда на нарушение процессуальных норм.

Хотя прокурор является лицом, участвующим в деле, а адвокат представителем, они не могут быть оштрафованы за неявку в судебное заседание, поскольку последствия такой неявки прямо

предусмотрены специальной нормой — ч. 4 ст. 157 ГПК РСФСР. В этом случае суд сообщает о такой неявке соответственно вышестоящему прокурору или президиуму коллегии адвокатов. Наряду с наложением штрафа суд не вправе выносить определение о принудительном приводе лица, участвующего в деле. Такое право предоставлено ему только в отношении ответчика по алиментному делу (ст. 159 ГПК РСФСР).

Правило ч. 3 ст. 157 ГПК РСФСР не должно применяться к случаям, когда закон прямо указывает на возможность рассмотрения дела в отсутствие участвующих в деле лиц (ст. 234, 238, 272 ГПК РСФСР и др.).

Сопоставление ч. 3 ст. 157 и ч. 1 ст. 261 ГПК РСФСР дает основание для вывода о возможности наложения штрафа на уклоняющегося от явки в суд гражданина, в отношении которого поставлен вопрос об ограничении его дееспособности. Однако применение такого штрафа представляется нецелесообразным, поскольку взыскание штрафа неминуемо затронет имущественные интересы семьи ограниченного в дееспособности, то есть противоречит сущности данной категории дел, направленных именно на защиту имущественных интересов семьи пьяницы или наркомана. Целесообразно было бы дополнить ГПК РСФСР нормой, допускающей по данной категории дел принудительный привод лица, уклоняющегося от явки в суд.

Меры процессуальной ответственности могут применяться только к лицам, сознательно не исполняющим свои обязанности. Способность осознавать свои обязанности может быть признана только за дееспособными. Поэтому не может быть подвергнут штрафу уклоняющийся от явки в суд малолетний свидетель. Закон не устанавливает

возраст свидетеля, с которого он может быть подвергнут процессуальной ответственности. Представляется, что такая ответственность должна наступать с 16-летнего возраста, поскольку именно с такого возраста возможна уголовная ответственность свидетеля за отказ от дачи показаний и административная ответственность несовершеннолетних. Вместе с тем, поскольку принудительный привод является не мерой ответственности, а мерой защиты интересов правосудия, он может быть применен к малолетнему свидетелю, уклоняющемуся от явки в суд. Целесообразно было бы ввести указанное правило в гражданское процессуальное законодательство.

Вывод о том, что гражданская процессуальная ответственность является неотъемлемым компонентом метода гражданского процессуального права, который мы пытались обосновать, позволяет внести ряд предложений, направленных на более широкое внедрение ее в законодательство. Некоторые из этих предложений уже высказывались в науке гражданского процессуального права.

1. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 24 января 1985 года фактически признал обязательной явку в суд участвующих в деле лиц и представителей, установив санкцию в виде штрафа за неявку указанных лиц в суд без уважительной причины. Однако суд далеко не всегда располагает сведениями о причинах неявки лиц, участвующих в деле, что затрудняет применение ч. 3 ст. 157 ГПК РСФСР. Представляется, что для повышения эффективности мер гражданской процессуальной ответственности обязательность явки в судебное заседание должна быть прямо сформулирована в законе: "Лица, участвующие

в деле, и представители, надлежащим образом извещенные о времени и месте судебного разбирательства, обязаны явиться в судебное заседание или своевременно известить суд о невозможности сделать это с указанием причин.

В случае неизвещения, а также если причины неявки признаны судом неуважительными, суд вправе наложить на участвующих в деле лиц и представителей, а также на должностное лицо предприятия, учреждения или организации, по вине которого не была обеспечена явка представителя в судебное заседание, штраф до 30 руб."

При такой постановке вопроса становится излишним указание ст. 159 ГПК РСФСР о том, что по делам о взыскании алиментов суд может признать явку ответчика обязательной. Напротив, требует закрепления в законе право суда признавать необязательной явку участвующих в деле лиц по их заявлению или по собственной инициативе суда.

2. На практике имеют место случаи, когда должностные лица предприятий, учреждений или организаций препятствуют явке в судебное заседание сторон, третьих лиц, свидетелей, экспертов, переводчиков, несмотря на наличие у них судебной повестки с вызовом в суд. Это ведет к нарушению сроков рассмотрения дел и подрывает авторитет правосудия. Необходимо наделить суд правом налагать на таких должностных лиц штраф.

3. Гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, предупреждению правонарушений, воспитанию граждан (ч. 2 ст. 2 ГПК РСФСР). Одним из средств реагирования на обнаруженные нарушения законности или правил социалистического

общегития является частное определение суда. При этом цели правосудия будут достигнуты только в том случае, если частные определения суда будут исполняться лицами, которым они адресованы. Следовательно, эти лица выполняют определенную процессуальную функцию, они призваны способствовать отправлению правосудия. Согласно ч. 1 ст. 225 ГПК РСФСР, должностные лица в месячный срок обязаны сообщить суду о принятых мерах. К сожалению, данная обязанность не подкреплена соответствующей санкцией. В результате установленный законом месячный срок часто нарушается, а нередко частные определения суда вообще игнорируются должностными лицами, которым они адресованы. Учитывая важность частных определений в укреплении социалистического правопорядка, следует поддержать предложения об обеспечении ст. 225 ГПК РСФСР действенной санкцией в виде возможности наложения штрафа на должностных лиц, уклоняющихся от исполнения частных определений 78, с. 116-117; 16, с. 4187.

4. В научной литературе уже давно отмечается неэффективность установленной в ст. 92 ГПК РСФСР санкции за злоупотребление своими процессуальными правами. Согласно этой статье, на сторону, недобросовестно заявившую неосновательный иск или спор против иска или систематически противодействовавшую правильному и быстрому рассмотрению дела, суд может возложить уплату в пользу другой стороны вознаграждения за фактическую потерю рабочего времени в соответствии со средним заработком, но не свыше пяти процентов от удовлетворенной части исковых требований. Развернутая критика этой статьи, с которой следует полностью согласиться, была дана еще

М.А. Гурвичем. Необходимо изменить редакцию статьи, включив в ее гипотезу указание о недобросовестном предъявлении иска с исключением из нее положения о его неосновательности, поскольку сама по себе гражданско-правовая необоснованность иска неспособна служить признаком злоупотребления правом на его предъявление. Явно неудовлетворительна и санкция ст. 92 ГПК РСФСР. Потеря рабочего времени потерпевшей стороной далеко не всегда может служить масштабом причиненного ей ущерба. "К тому же размер вознаграждения, исчисленный по этой мерке, может оказаться настолько мизерным, что утрачивает значение не только возмещения причиненного ущерба, но и угрозы для недобросовестного его причинителя" /6, с. 47/. Следует поддержать предложение М.А. Гурвича предусмотреть в качестве санкции ст. 92 ГПК РСФСР возможность взыскания с недобросовестной стороны судебных издержек. Суду должно быть предоставлено право конкретизировать сумму взыскания в зависимости от обстоятельств дела вплоть до взыскания всех судебных издержек с недобросовестной стороны.

В этой связи нуждается в изменении норма ст. 90 ГПК РСФСР о распределении судебных расходов. Следует предоставить суду право в зависимости от обстоятельств дела возлагать судебные расходы на одну из сторон процесса или распределять их пропорционально между сторонами. Причем главным критерием должно быть не удовлетворение иска, а вина каждой из сторон в доведении дела до суда, в затяжке процесса и т.п. Аналогичная норма содержится в ч. 2 ст. 49 Правил рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами: "Если дело возникло вследствие неправильных действий стороны

(оставление ответчиком претензии без ответа, невысылка истцом ответчику истребованных им документов для рассмотрения претензии и т.п.), государственный арбитраж вправе отнести на нее расходы по государственной пошлине независимо от исхода дела" /1/. Думается, что перенесение этого правила (разумеется, с известными коррективами) в гражданский процесс будет стимулировать добросовестное использование своих процессуальных прав сторонами /4, с. 76-77/.

Все сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что гражданская процессуальная ответственность способна играть гораздо более значительную роль, чем сейчас, в повышении эффективности гражданского судопроизводства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами // СП СССР. - 1980. - № 16-17. - Ст. 104.
2. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР "О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РСФСР" // Ведомости Верховного Совета РСФСР. - 1985. - № 5. - Ст. 163.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права. - Свердловск, 1972. - Т. 1.
4. Бутнев В.В. Спор о праве и порядок рассмотрения дел искового производства // Материально-правовые и процессуальные проблемы защиты субъективных прав. - Ярославль, 1983.

5. Ванеева Л.А., Единство субъективных прав и юридических обязанностей по гражданскому процессуальному праву // Проблемы хозяйства и права на современном этапе. - Владивосток, 1985.
6. Гурвич М.А. Право на иск. - М., 1978.
7. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. - Л., 1982.
8. Земченко Н.А. Роль ГПК РСФСР в предупреждении правонарушений // Межвуз. сб. научн. тр. / Свердлов. юрид. ин-т. - Свердловск, 1975. - Вып. 40: Проблемы совершенствования Гражданского процессуального кодекса РСФСР.
9. Комаров В.В. Метод правового регулирования гражданских процессуальных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Харьков, 1980.
10. Крашенинников Е.А. Природа норм гражданского процессуального права: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1983.
11. Крашенинников Е.А. Об общем характере гражданских процессуальных норм // Материально-правовые и процессуальные проблемы защиты субъективных прав. - Ярославль, 1983.
12. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 1985.
13. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение: (Общая концепция. Неприкосновенность личности). - М., 1985.
14. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. - М., 1971.
15. Чечина Н.А. Нормы гражданского процессуального права и их применение

ние: Автореф. дис. ... д-ра юрид.
наук. - Л., 1965.

16. Чуйков Ю.Н. Частное определение в
гражданском судопроизводстве. -
М., 1974.

С о д е р ж а н и е

П.П. Касък. Методологический аспект правового регулирования производственных отношений как материальных, объективно-реальных общественных отношений.....	3
Н.А. Баринов. Проблема имущественных потребностей в советском гражданском праве.....	28
Х.В. Сепп. Общетеоретические проблемы юридической природы конституционного права на жилище.....	52
Е.А. Суханов. Вещно-правовые формы удовлетворения жилищных потребностей граждан в странах социализма.....	69
Э.Л. Плом. Некоторые теоретические проблемы сущности бытового обслуживания.....	88
И.Э. Мамиофа. Кодифицированные акты гражданского законодательства как инструменты правового обеспечения материальных интересов изобретателей.....	100
Х.А. Пизуке. О понятии "произведение архитектуры" в советском авторском праве.....	117
П.А. Варул. Некоторые теоретические проблемы гражданско-правовой ответственности.....	132
Я.Э. Розенфельд. "Чужой" интерес как объект защиты при оспаривании сделки.....	144
Л.О. Красавчикова. Гражданско-правовое регулирование неимущественных отношений, возникающих в сфере удовлетво-	

рения материальных потребностей граждан.....	160
В.В. Бутнев. Гражданская процессуальная ответственность как средство обеспечения эффективности судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций.....	178

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 8:3.
**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.**
Труды по правоведению.
На русском языке.
Тартуский государственный университет,
ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Шликооли, 18.
Ответственный редактор Х. Пизуке.
Корректор Л. Оноприенко.
Подписано к печати 13.06.1988.
МВ 02768.
Формат 60x90/16.
Бумага писчая.
Машиннопись. Ротапринт.
Учетно-издательских листов 8,20. Печатных листов 12,5.
Тираж 500.
Заказ № 575.
Цена 1 руб. 60 коп.
Типография ТГУ, ЗССР, 202400, г.Тарту, ул.Тийга, 78.